

Не позволяй душе лениться

Александр
Иотковский

Не позволяй душе лениться

Александр Иотковский

Возвращение

Александр Иотковский

**НЕ ПОЗВОЛЯЙ
ДУШЕ
ЛЕНИТЬСЯ**

Москва
Возвращение
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
И75

И75 Иотковский, А. А.

**Не позволяй душе лениться / Сост. Л. А. Иотковская. – М. :
Возвращение, 2013. – 151 с.**

ISBN 978-5-7157-0276-0

Книга воспоминаний Александра Иотковского «Не позволяй душе лениться» – уникальное свидетельство эпохи, оставленное фронтовиком, узником ГУЛАГа, ученым – умным и наблюдательным человеком.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-7157-0276-0

© Л. А. Иотковская, 2013
© Возвращение, 2013

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Александр Артурович Иотковский (1904–1977) – крупный ученый, доктор экономических наук, профессор Ленинградского финансово-экономического института.

Интеллигентный человек, фронтовик, офицер, пользовавшийся уважением и доверием своих товарищей, в конце войны он был брошен в ГУЛАГ, где не раз находился на грани смерти.

После освобождения и реабилитации ему хватило воли и упорства вернуться к преподавательской работе и даже создать собственную научную школу.

Публикуемые воспоминания – ценнейшее, можно сказать, уникальное свидетельство эпохи, как, впрочем, и включенные в книгу документы из его архива, отмеченные пронзительной правдой о войне.

Остается сожалеть, что он не успел дописать свои воспоминания.

Вошедшие в книгу материалы из архива А. А. Иотковского отобраны и комментированы его дочерью Л. А. Иотковской.

Семен Виленский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дело идет к закату. Инфаркт, уложивший меня на шесть месяцев, который случился 24 августа 1974 года, был первым звонком. Надо писать мемуары. Но не потому, что жизнь моя чем-то особенным выделялась или отличалась от жизней миллионов моих сверстников или была особенно интересна. Не в этом дело. Мне кажется, надо позаботиться о будущих историках. Поколение мое прожило великие и страшные годы, стоящие того, чтобы о них писали. Историк мало документов, ему нужны воспоминания живых людей о фактах и людях. Только факты и люди могут через много лет возродить дух и своеобразие исторической эпохи. А у нас, в Советском Союзе, по меньшей мере, двадцать лет (1934–1954) писать воспоминания боялись, и не только писать – боялись хранить и уничтожали написанное раньше. Личных архивов почти не сохранилось. Сохранились только лживые, неискренние мемуары. Они могут ввести будущего историка в заблуждение, дать неверную картину нашей жизни. Да и в сохранности архивов я не уверен. Слишком много влиятельных людей заинтересованы в их закрытости, а еще лучше – в уничтожении. И я решил написать свои мемуары.

Это не будут воспоминания о моей жизни. Это будет рассказ о фактах и людях, которых я встречал и знал. Для порядка всё, что я видел и знал, постараюсь разложить по основным, важнейшим этапам моей жизни. Таких этапов было пять: гимназия, революция, война, тюрьма и закат – конец жизни.

Ленинград, 1975

ГИМНАЗИЯ

23 августа 1912 года я начал учиться в подготовительном классе Санкт-Петербургской 1-й гимназии. «СПБ1Г» – эти пять знаков были выбиты на поясной бляхе, которой я невероятно гордился. С гербом на фуражке дело обстояло проще. Между двумя лавровыми ветвями было вырезано «П1Г», так что в 1914 году, после переименования Санкт-Петербурга в Петроград сменить пришлось только пряжки.

Поступил я в гимназию восьми с половиной лет, то есть поздно, так как учиться предстояло 9 лет: 8 классов плюс подготовительный. В 1911 году я уже держал экзамены в подготовительный класс. Но в казенные гимназии (их было в Петербурге 13) евреев принимали по процентной норме – 4 %, то есть в подготовительный класс принимали ежегодно только двух евреев. А было их гораздо больше, и почти все сдавали экзамены на круглые пятерки (в том числе и я). Тогда начиналась жеребьевка, и в 1911 году жребий выпал не на меня. А между тем, мне надо было обязательно поступить в казенную гимназию. Достаток семьи не позволял мне поступать в одну из многочисленных частных гимназий города, хотя в их числе было несколько, в которых процентная норма не действовала. Но за обучение в частных гимназиях надо было платить до 500 рублей в год. Таких денег у отца не было. А в казенной можно было учиться всего за 150 руб. в год и к тому же ежедневно в 12 часов, на большую перемену, получать горячий завтрак из двух блюд с чаем.

Первая гимназия находилась на углу Ивановской и Кабинетской улиц, в приземистом трехэтажном здании с большим тенистым внутренним садом, церковью и плавательным бассейном, построенным действительным статским советником Прутченко – попечителем учебного округа – дородным рыжим бородачом, часто жаловавшим нашу Первую гимназию своими посещениями. Все казенные петербургские гимназии назывались классическими. Я, к сожалению, помню не все тринадцать. Вторая находилась на Казанской улице

(ныне ул. Плеханова). Четвертая, иначе Ларинская – по имени ее первого директора – на Васильевском острове и славилась отличными преподавателями. Пятая – на Крюковом канале, в районе Покровской площади. Шестая, имени Наследника-цесаревича – на углу Торгового переулка и Чернышевской площади, в здании Министерства просвещения. Десятая – на 1-й роте (ныне 1-й Красноармейской), по местонахождению 1-й роты лейб-гвардии Измайловского полка. Двенадцатая – на углу Невского и Фонтанки, в жилом доме, и тринадцатая (Окружная) – на малой Московской улице, близ Разъезжей. Окружная гимназия выдавала аттестаты зрелости экстернам и девушкам, окончившим женские гимназии и сдавшим дополнительные экзамены по латинскому и греческому языкам.

В Первой гимназии я проучился до осени 1915 года, когда в здании гимназии был развернут военный госпиталь. Эти три года прочно запечатлелись в моей памяти до сих пор. Найдя недавно среди старых бумаг групповую фотографию гимназистов приготовительного класса, я с удивлением обнаружил, что помню фамилии почти всех сорока мальчиков, снятых на этой фотографии.

Наша гимназия была типичным для того времени казенным учебным заведением со всеми его недостатками и достоинствами. Последних, кстати сказать, было не мало. И главным из них было то, что учили нас хорошо. До сих пор всем, что я знаю из общих, не специальных, областей знаний, я считаю себя обязанным гимназии.

Все гимназисты были одеты по форме – в черные гимнастерки и брюки, серые шинели с синими петлицами или каракулевым воротником (зимой) и синие фуражки с белым кантом. В форменных сюртуках (или мундирах) ходило также и подавляющее большинство преподавателей, имевших, как правило, высокие гражданские чины и бывших высокообразованными педагогами. Директор гимназии, Евгений Иванович Ветнек, действительный статский советник, преподавал нам латынь. В 1913 году он получил чин тайного советника, и нас, приготовишек, стали учить отвечать на хрипловатое (Ветнек страдал астмой) «Здравствуйте, дети!» – дружным «Здравствуйте, Ваше Высокопревосходительство!» Педагог он был отличный; всё, чему он нас учил, осталось в памяти навсегда. Латыш по национальности, Ветнек впоследствии стал первым министром просвещения в буржуазной Латвии.

Инспектором 1-й гимназии был Мелиоранский – автор учебника по геометрии, имевшего хождение наряду с известным во всей России учебником Киселева. Географию преподавал Илья Лукич

Маяковский – впоследствии крупный ученый-географ; русский язык – Константин Иванович Гастев, он же наш классный наставник с 1-го класса. Кроме должности преподавателя и классного наставника в гимназии существовала должность помощника классного наставника – педеля. Должность эту исполнял Николай Васильевич (фамилии не помню), личность довольно потрепанного вида, с малиновым носом и запахом водки с утра. Человек он был беззаботный, легкий и благожелательный, лет сорока от роду. С ним у меня связано воспоминание о некоем забавном и характерном для гимназических нравов происшествии. Каждое утро вся гимназия ровно в 8 часов 45 минут выстраивалась в церкви на общую утреннюю молитву. Построением занимался Николай Васильевич, и он же назначал гимназиста одного из младших классов, который должен был, выйдя из строя и обернувшись к нему лицом, прочесть молитву. Только в особые праздничные дни молился за всех наш гимназический батюшка, священник (он же преподаватель закона Божия для православных), в сопровождении дьякона и гимназического церковного хора. В один из обычных будних дней стояли мы все утром в церкви, а Николай Васильевич носился вдоль строя, равняя его и шикая на тех, кто шептался. Я в раннем детстве, то есть в подготовительном и первом классах, наружность имел «славянскую» – пухлое круглое лицо и нос картошкой. И вот, проходя мимо, Николай Васильевич ткнул меня пальцем в грудь и буркнул: «Читай молитву». Мне, конечно, и в голову не пришло послушаться педеля и как-нибудь ему возразить. Я вышел вперед и бодро начал: «Преплагий Господи, ниспошли нам благодать духа твоего святаго...» А потом все мы, человек примерно 700–750, чинно строем разошлись по классам, ведомые своими классными наставниками. Прошли три урока, и наступила большая перемена. Все мы, опять же, строем, пошли, кто в столовую завтракать (это касалось полупансионеров), а кто в шинельную – одеваться и идти во двор. У выхода из класса стоял Николай Васильевич и, поманив меня к себе пальцем, спросил: «Иотковский, ты еврей?» – «Еврей, Николай Васильевич!» – ответил я. Тогда, почесав в затылке, Николай Васильевич пробормотал: «Да-с, незадача получилась. Еврей за всю православную гимназию отмолился...» На этом инцидент закончился, не получив дальнейшего развития. Вообще надо сказать, что, поступив в гимназию по процентной норме, я за все последующие годы своего еврейства не чувствовал. Антисемитизм в гимназии, как правило, не проявлялся. Русская либеральная интеллигенция считала антисемитизм позором, этому были неоднократные подтверждения.

И в гимназии, и в обществе в целом. В гимназии среди преподавателей антисемитов практически не было. Помню только один случай, когда наша «немка» Елена Викторовна (ее фамилии я не помню) позволила себе сказать нечто о еврейском акценте с презрением и пренебрежением. Она за это была тяжело наказана. Мой одноклассник, впоследствии известный ученый-химик Курбатов, снял с парты верхнюю доску, положил ее себе под ноги и, когда Елена Викторовна, расхаживая по классу, поравнялась с нашим рядом, сильно толкнул доску ногой. Паркетный пол был хорошо начищен, и доска буквально скосила нашу «немку» под корень. Поднявшись, стена и хромяя, она ушла из класса. Пришел инспектор. Мы дружно встали, и Курбатов, выйдя вперед, рассказал о происшедшем и от имени класса заявил, что мы не будем учиться у антисемитки. Дело кончилось тем, что на следующий урок пришел другой учитель немецкого языка – старый и элегантный барон фон Рандорф.

Нас никогда не спрашивали о национальности, но раз в неделю на большой перемене мы обязаны были отвечать, называя имя и вероисповедание. Большинство отвечало «православное», два еврея – «иудейское», латыш Креус – «лютеранин», а француз Дюфур – «католик». В последнем случае с «камчатки», как назывались задние парты, слышалось иногда вполголоса: «нас... на столик».

Закон Божий был обязательным предметом и преподавался четверью преподавателями. Православным священником – для русских, пастором – для католиков, пастором – для лютеран и раввином – для евреев. Православный закон Божий изучался два раза в неделю и был включен в расписание. В эти часы все «иноверцы» были свободны от классных занятий. Все остальные «законы Божии» преподавались вне расписания, после занятий, два-три раза в месяц. И на эти уроки собирались все последователи данной религии из всех классов гимназии, а их было всего 17: один приготовительный и по два («А» и «Б») всех остальных, от первого до восьмого. Евреев учил основам иудаизма Давид Илларионович Магид – заведующий арамейским отделом Государственной Публичной Библиотеки, крупный ученый и милейший человек. Учил он нас не столько иудаизму, сколько умению читать и писать на древнееврейском языке, ныне известном как «иврит». Был мягок, добр и рассеян чрезвычайно. Лет ему было 45–50, и мы, конечно, считали его глубоким стариком. Магид был сильно близорук, и когда он, поднеся классный журнал к самому носу, называл чью-то фамилию, тот прятался под парту, а класс

дружным хором говорил: «Его нет». Магид улыбался и вызывал другого или совсем никого не вызывал, а начинал увлеченно и интересно рассказывать о каком-либо правиле иврита или историю о происхождении какого-либо отрывка или главы из Пятикнижия или Талмуда. Уроки эти носили, в целом, общеобразовательный характер. Исполнять религиозные обряды нас не заставляли, хотя с правилами отправления этих обрядов Д. И. Магид нас знакомил.

Не только в гимназии, но и в среде либеральной интеллигенции, как было сказано выше, антисемитизм отсутствовал. В 1912 году в Киеве состоялся судебный процесс, на котором еврея Бейлиса обвинили в ритуальном убийстве христианского мальчика – Андрюши Ющинского – с целью получения крови, якобы необходимой для приготовления мацы. Об этом газета «Земщина» сообщала как о достоверном факте. Дело Бейлиса осталось в истории как инспирированное и организованное черносотенцами и другими крайне правыми силами. Эта фальшивка встретила дружный и активный отпор практически всей российской интеллигенции. Обвинял Бейлиса прокурор Виппер, а защищали (по собственной инициативе и бесплатно) три знаменитых адвоката: Карабчевский, Маклаков (член Государственной думы) и Грузенберг. Экспертами со стороны обвинения были ксендз Пранайтис и несколько (не помню их имен) деятелей церкви, а со стороны защиты – генерал медицинской службы, академик Павлов. Основным свидетелем обвинения была киевская проститутка Вера Чабе. Отчетами о процессе были заполнены все многочисленные газеты и журналы того времени. Двенадцать присяжных заседателей, несмотря на скрытые и явные попытки давления со стороны правительства, церкви и немногих газет, вынесли Бейлису оправдательный вердикт – «нет, не виновен», – и тот был прямо в зале суда освобожден из-под стражи.

Оправдание Бейлиса и выраженная этим победа либеральной интеллигенции и социалистических партий получили широкий резонанс. Незнакомые люди на улицах Петербурга обнимались и поздравляли друг друга. Телефонистки петербургского телефонного узла, называвшиеся тогда «телефонными барышнями», вместо традиционного «Слушаю!» говорили: «Оправдан!» Все понимали, кто оправдан и почему это радует «барышню». Газеты вышли с огромными заголовками на первой полосе: «БЕЙЛИС ОПРАВДАН!»

Газет в Петербурге было много, и я, кажется, помню все (или почти все) их названия. «Новое время» (Суворинское), «Речь» (орган кадетов, то есть конституционно-демократической партии),

«День» (где-то поближе к социалистическим партиям), черносотенная «Земщина», беспартийно-обывательские «Петербургский листок», «Петербургская газета» и «Газета Копейка». Отец мой выписывал «Петербургский листок», и его же, естественно, читал и я. Я помню эту бульварную газетку по привлекавшим тогда меня материалам. В «Листке» печатались оккультные романы Кржижановской-Рочестер, бытовые романы из жизни аристократии княгини Бебутовой и репортажи из кабинета широко известного в Петербурге гипнотизера Оноре. Широкий круг читателей имела респектабельная газета «Биржевые ведомости» и две вечерних: вечерний выпуск «Биржевых ведомостей» (в просторечье – «Биржевка») и «Вечернее время» (то есть вечерний выпуск газеты «Новое время»). Этот обширный список за два года до революции пополнился газетой «Русская воля», издаваемой и редактируемой А. Амфитеатовым.

Нередко наши преподаватели приходили в класс с газетой, и название этой газеты, как правило, свидетельствовало об убеждениях педагога. С «Речью» в кармане ходил один из наиболее нами любимых учителей, преподававший курс новой и русской истории, Михаил Мануилович Сонкин, сын которого учился в параллельном классе. Сонкин отлично знал и преподавал предмет. Именно ему я считаю себя обязанным тем, что люблю и знаю историю. Он был умен и образован, любил шутить. Плохо отвечавшему гимназисту говорил: «Садись, дерево, на дерево». Он часто увлекался своим рассказом, уходя в сторону от программы. С гимназистами держался демократично и просто. Однажды в 3-м или в 4-м классе он, рассказывая об английской промышленной революции, упомянул случайно Дарвина и целый час до перерыва (у нас в этот день был сдвоенный урок истории) говорил о происхождении видов и теории Дарвина. Нас это, естественно, не устраивало, и на перемене я положил на кафедру записку со строфой из стихотворения А. К. Толстого:

Полно, Миша, ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ж..а,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

Сонкин по звонку быстро вошел в класс, прошел к кафедре и прочел записку. В наступившей тишине спросил: «Кто написал?» – Молчание. – «Если не признаетесь, – заниматься с вами не буду». Тут я встал. Сонкин долго и внимательно смотрел на меня. «Нахально, но к месту! – наконец произнес он. – Садись,

дерево, на дерево». И начал рассказывать о промышленной революции в Англии, ни слова не упомянув больше о происхождении видов. В 1930 году я встретил Сонкина в Москве. Он работал преподавателем в Академии им. Фрунзе.

Званием гимназиста мы гордились и отождествляли его с понятиями товарищества, взаимовыручки и чести. Дальняя моя родственница, популярная в начале века поэтесса Изабелла Гриневская, в связи с моим поступлением в гимназию опубликовала в вечерней «Биржевке» стихотворение, последняя строфа которого звучала так:

Пусть на дворе метель и вьюга, –
Мир для меня, как май, лучист,
Прекрасен, с севера до юга:
Не мальчик я. Я – гимназист!

Первейшей заповедью гимназиста было товарищество. Проявлялось это правило и в крупном, и в мелочах. Мне навсегда запомнилась история с портретами, которая произошла зимой 1913/1914 учебного года. В рекреационном зале гимназии или, попросту говоря, в большом зале перемены по стенам были развешены портреты сановников, ученых, бывших директоров гимназии и особ царствующего дома. Портретов этих было примерно 20–25, каждый написан маслом, размером 1,5×1,5 метра, в тяжелых золоченых рамах. Завершалась эта галерея огромным портретом государя, Николая Второго, висевшим над роялем, на торцовой стене зала. И вот однажды, во время перемены, один из портретов неожиданно и без всякой видимой причины со страшным грохотом упал. Служители немедленно бросились к месту аварии, привязали новую веревку вместо лопнувшей и водрузили портрет на старое место. Однако на следующий день упали два портрета подряд, еще через день – три и наконец в недобрый день упал портрет Николая Второго. Упал он на рояль, и рама раскололась вдребезги. Началось следствие, а мы все прекрасно знали, в чем дело. Знали и молчали. Операция была хорошо разработана. За 20–30 минут до звонка два гимназиста из разных классов просили разрешения выйти. Оба сходились в большом рекреационном зале. Один вставал на плечи другого и из заранее припасенной капельницы капал на веревку, державшую портрет, две-три капли «царской водки». Через 30–35 минут портрет падал. Никто никого не выдал, и весь класс (вернее, два класса) две недели оставляли после уроков на 2 часа.

Состав гимназистов был весьма разношерстным, но, в целом, преобладали дети родителей интеллигентных профессий. Со мной

в классе учились дети чиновников, адвокатов, коммерсантов. Диапазон был большой. Учился, например, барон Дистерло, Тер-Матеузов, сын крупного, известного в городе торговца мануфактурой (за ним ежедневно приезжал выезд), сыновья профессоров, Ясницкий – сын священника небольшого бедного прихода. И симпатии большинства были на стороне Ясницкого, а не Тер-Меузова, который каждый день тщетно предлагал кого-нибудь подвезти до дома. Мы предпочитали идти домой пешком, веселой гурьбой, задевая иногда извозчиков, которых мы называли почему-то «желтоглазыми». Считалось особым шиком спросить извозчика: «Свободен?» и, услышав в ответ: «Пожалте, барин!», сказать: «Женись, извозчик!» А вообще озорничать на улицах не рекомендовалось. Городовой, усмотревший в поведении гимназиста непорядок, мог потребовать ученический билет, а это грозило серьезными неприятностями. В гимназии нас учили не только наукам, но и хорошим манерам. Утром на площадке большой лестницы, где она раздваивалась на два марша, неизменно стоял директор, Евгений Иванович Ветнек, и весь огромный поток гимназистов из шинельной устремлялся в классы мимо него. Каждый обязан был с ним поздороваться, выпрямившись и наклонив только голову. Каждый, согнувший туловище, бывал остановлен, и ему объясняли, как надо кланяться. Объясняли неторопливо и подробно. Ветнек отвечал кивком каждому, одновременно наблюдая, как одет и как причесан гимназист. До пятого класса всем надлежало стричься под машинку, и, входя в класс, директор говорил: «Здравствуйте, дети!» С пятого класса разрешалось носить пробор, и приветствовали нас фразой «Здравствуйте, господа!»

Во время завтрака, полагавшегося полупансионерам, в числе которых был и я, педель Николай Васильевич ходил между столами и следил за тем, как мы едим. «Ни в коем случае нельзя держать вилку правой рукой»; «Нельзя есть с ножа»; «Нельзя нарезать сразу всё мясо, надо делать это по мере еды»; «Нельзя есть рыбу при помощи ножа»; «Когда пьешь чай из стакана, вынимай ложку». Эти правила запомнились на всю жизнь.

Начало Первой мировой войны застало нас на даче в Дибунах. Мне было 10 лет, и я перешел во второй класс гимназии. Втроем со сверстниками-приятелями, одним из которых был «реалист-коммерсант», то есть ученик реального коммерческого училища, а другим – кадет, мы на станции бросали пачки дешевых папирос в открытые двери теплушек воинских эшелонов, увозивших на фронт новобранцев. Одну из этих пачек (5 копеек за 25 папирос) мы втроем раскурили, после чего всех троих целый день рвало.

Вся эта привычная, размеренная жизнь продолжалась до осени 1915 года, когда в помещении нашей гимназии разместился госпиталь, который тогда называли лазаретом. Кончились торжественные акты, на которых я ежегодно получал награды первой степени (книга и грамота), кончились большие перемены с катанием на коньках и плаванием в бассейне... Гимназия перешла на обучение во вторую смену, в чужих помещениях. Занятия теперь начинались в 2 часа дня и кончались в 7 часов вечера. Первое полугодие мы учились в помещении частного реального училища и гимназии Штеренберга (на Звенигородской улице). Это было еще сравнительно близко от дома. А второе полугодие, с января 1916 года мы учились в помещении 10-й казенной гимназии, на 1-й роте (ныне 1-й Красноармейской). Привычный быт рухнул. Всё сместилось во времени. И этот беспорядок, вероятно, стал очевиден и для начальства. С августа 1916 года все гимназисты 1-й казенной гимназии (мы были тогда в 4-м классе) были переведены в 6-ю казенную гимназию имени «Наследника-цесаревича», в Торговом переулке. Семья наша жила на Разъезжей, и в 1-ю гимназию, а также к Штеренбергу я ходил пешком. А в 10-ю гимназию уже пришлось ездить на трамвае № 9 от «Пяти углов» до «Технологического». Это имело совершенно неожиданные последствия: мать ежедневно давала мне 10 копеек на проезд в трамвае, туда и обратно. Раза три в неделю я бегал в гимназию пешком, а сэкономленные 20–30 копеек мы прокучивали – я и мой ближайший друг Женя Ксандров (отец Ксандрова был в те годы в ссылке, а после революции служил председателем Главконцесскома). Кутежи эти сводились к покупке пирожных, как правило, в кондитерской Кестнера, на углу Загородного проспекта и Разъезжей улицы. Хотя шел уже второй год войны, цена пирожных была невелика: 3 копейки за свежее и 2 копейки за вчерашнее. Ксандров жил бедно, и денег у его матери не было, но пробежавшись два дня пешком в гимназию и обратно, мы располагали капиталом в 20 копеек и могли съесть по 5 вчерашних пирожных, что и делали с чрезвычайным азартом.

С переходом в 6-ю гимназию и это кончилось. Нас разбросали по разным классам разных гимназий в соответствии с пожеланиями родителей и местом жительства семьи. Всё пошло по-новому. Хотя квалификация преподавателей в 6-й гимназии была отнюдь не ниже, чем в 1-й, но весь стиль жизни стал иным. Я привыкал к этому стилю целый год, то есть весь четвертый класс. Директором гимназии был Густав Густавович Зоргенфрей, на гимназическом жаргоне – Сустав Суставович, тайный советник и преподаватель латыни, учивший по собственному учебнику, написанному со-

вместно с инспектором гимназии Тюлелиевым – «*Janua reseratae lingvae latinae*». Русский язык преподавал Николай Севастьянович Державин, впоследствии академик и автор новой русской орфографии. Истории нас учил Михаил Николаевич Куфаев, впоследствии профессор и председатель Книжной палаты. Учили нас хорошо. Уже в 4-м классе были факультативные предметы. К ним относились греческий язык, декламация, история искусств. Занятия по всем этим предметам посещал почти весь класс. Вообще состав гимназистов нашего класса в 6-й гимназии был в целом интеллигентнее, нежели в 1-й. Преобладали сыновья врачей, адвокатов, профессоров и преподавателей высших и средних учебных заведений. Уже в 4-м классе почти у всех гимназистов наметились индивидуальные духовные интересы. Этому в немалой степени способствовал наш классный наставник Пантелеймон Иванович Ерхан. Он часто беседовал с нами (с классом и поодиночке) на социально-экономические и политические темы. Причину этого я понял только впоследствии, когда узнал, что Ерхан был членом РСДРП и первым председателем Совета рабочих депутатов Молдавии в Кишиневе, где и был убит во время переворота, следствием которого был переход Молдавии к Румынии.

Под влиянием преподавателей и товарищей мой интеллектуальный уровень быстро повышался. В 1916 году я почувствовал некоторое изменение в моих отношениях с родителями. Семья моя, как я это понял позднее, была полуинтеллигентной. Отец окончил университет в Дерпте (Юрьев, потом Тарту), был по образованию и профессии фармацевтом-провизором. Мама окончила в Риге немецкую семиклассную гимназию. Переехав в Петербург, отец служил управляющим аптекой, принадлежавшей частному лицу и называвшейся «У пяти углов». Всю жизнь он мечтал о собственной аптеке с двуглавым орлом на вывеске, но так и не дожил до осуществления своей мечты. Семья жила в относительно достатке: просторная наемная квартира, добротная мебель, хорошие одежда и питание. Помню, отец давал маме на хозяйство 25 рублей в неделю. Однако книги в доме (не считая фармацевтических справочников) были только у меня, да у мамы – Шиллер и Гете на немецком языке.

К осени 1916 года стали ощущаться поначалу не очень существенные продовольственные трудности. Население стало запасаться мукой, и в бакалейных лавках появились утренние очереди. Как-то изменилась и наша жизнь. Все многочисленные родственники моей матери жили в западных губерниях империи. Дед и бабушка – в Риге. Дед был коробейником, торговал вразнос

мелкой галантереей. Жили не богато, по нашим современным понятиям семья была огромной. У них родилось двадцать детей, в том числе одна двойня. Многие умирали в младенчестве, в том числе и двойняшки, которых нечаянно обварили кипятком. В возрасте 10–11 лет я знал 6 своих дядей и 5 теток. Примерно в 1870-х годах семья жила в квартире из 4-х комнат на окраине Риги, на Ревельской улице. Дети были малы и спали вповалку, в одной комнате мальчики, в другой – девочки. Дедушка, возвращаясь с работы, открывал дверь комнаты мальчиков и говорил: «Эй, ты, как тебя зовут?! Помоги снять короб!» Он не помнил всех своих детей по именам. И всё-таки, не умея говорить по-русски, мои дед и бабушка сумели дать высшее образование трем сыновьям (они были врачи, и один из них погиб в Русско-японскую войну) и двум дочерям, которые стали фармацевтами. Одна из дочерей – тетя Циля – жила с мужем и двухлетней дочкой в Шавлях (ныне Шауляй), когда им пришлось стать беженцами. Власти выселили их из Ковенской губернии в связи с приближением немецких войск. В ту войну, Первую Мировую, и появилось в русском языке это слово – «беженец». И вот семья беженцев – Мендель Блехер с женой (а моей тетей по матери) Цилей и двухлетней дочерью Беей появились у нас. Для беженцев даже не существовало пресловутого «права жительство», незыблемого для всех евреев империи закона, согласно которому они могли жить только в черте оседлости, в которую входили западные губернии: Белоруссия, часть Украины, Молдавия. Исключение, то есть право проживания на остальной территории России имели квалифицированные ремесленники, купцы одной из трех гильдий и лица с высшим образованием. В столицах (Петербурге и Москве) могли проживать только купцы 1-й и 2-й гильдий, то есть крупные торговцы и промышленники, и лица с высшим образованием. Но и для этих двух категорий были закрыты Царское село и Ялта – летние резиденции царской семьи. Эти, казалось бы, жесткие правила нередко нарушались. Братья моей матери часто приезжали к нам в Петербург и жили у нас подолгу, платя за это ежемесячно швейцару по пять рублей. Такой образ жизни назывался «швейцарским». Итак, 1916 год ознаменовался тем, что у нас поселилась целая семья из трех человек.

Политическая атмосфера 1916 года была непривычной и странной, и я в свои 12 лет это понимал и чувствовал. Начала выходить новая газета «Русская воля», в которой известные журналисты публиковали то, что до тех пор напечатано быть не могло. В этой газете появлялись крамольные статьи, а однажды было напечатано стихотворение-акростих, в котором рассказывалось о пора-

жениях и голоде, а из первых букв каждой строки по вертикали можно было прочесть слово «Обмановы», созвучное фамилии императора. Осенью разразилась небывалых размеров забастовка, причем бастующие предъявили политические требования. Лидер кадетов П. Н. Милуков выступил с обличительной речью в Государственной думе. Она состояла из ряда абзацев, обвиняющих «власти предержавные», каждый из которых кончался словами: «Что это – измена или глупость?» В его речи угадывался намек на немецкие связи императрицы. Лидер партии октябристов А. И. Гучков прямо обвинил в измене полковника генерального штаба Мясоедова (впоследствии казненного), и Мясоедов вызвал Гучкова на дуэль. Наконец в конце 1916 года князь Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий Владимирович и крайний правый депутат Государственной Думы В. М. Пуришкевич во дворце Юсупова на Мойке убили Григория Распутина, тело которого было найдено в полынье на Крестовском острове сыскальной полицией с участием журналиста, сотрудника газеты «День», Еремея Логанского.

Журнал «Новый сатирик» вышел с портретом Милукова на первой странице (без подписи) и со стихами, если не ошибаюсь, Саши Черного, кончавшимися строкой:

Окончилась распутица, прошло лихое время...

День моего тринадцатилетия, 23 февраля (по старому стилю) 1917 года, совпал с началом Февральской революции.

РЕВОЛЮЦИЯ

Перестали выходить газеты. На улицах их продавали иногда по 3–5 копеек. А иногда бесплатно раздавали газеты-листовки под названием «Известия Союза журналистов». Занятия в гимназии прекратились. Я шнырял по улицам в поисках газет и новостей. На улицах срывали с вывесок деревянных и железных императорских орлов. Орлы падали на тротуары и разбивались. Мчались грузовики, на крыльях которых полулежали солдаты с нацеленными вперед винтовками. Новости, одна невероятнее другой, возникали и с трудом входили в сознание. Переход войск на сторону революции – сначала Волынского, а затем и других гвардейских полков. Городовые с пулеметами на чердаках угловых домов. Исчезновение полиции и создание милиции из студентов и гимназистов. Арест Совета министров. И наконец – отречение царя. Примерно 5–6 марта возобновились занятия в гимназии. Все гимназисты пришли в классы с красными бантами на куртках. Банты надели и учителя, но... не все. Настроение у всех нас было радостное, приподнятое, и непонятным казалось то, что сказал нам наш классный наставник Пантелеймон Иванович Ерхан: «Подождите, господа, радоваться! Революция только начинается». Ерхан стал первым председателем Кишиневского совета рабочих и крестьянских депутатов и, как я уже писал, был убит во время румынского переворота.

В гимназии началась странная жизнь. Говоря по правде, я плохо помню все перипетии этого бурного периода. Я был еще слишком мал, от политики далек и поглощен своими «личными» полудетскими заботами. В то лето наша семья жила на даче в Шувалове, на берегу так называемого «Первого» озера. В мои тринадцать я переживал свой первый робкий роман с моей сверстницей, гимназисткой Женей Розенталь. А в городе мы, гимназисты, нередко захаживали в женские гимназии – гимназию Стаюниной на Кабинетской улице, Мариинскую гимназию на Чернышевке, гимназию Михельсон на Владимирском – приглашая девочек на

наши гимназические вечера и балы, количество которых после Февральской революции заметно возросло. В общем, насколько это запечатлелось в моей памяти, всё оставалось по-прежнему, не считая того, что жизнь сильно вздорожала, появились тысячерублевые купюры с изображением Таврического дворца, а летом пошли в ход еще и новые деньги – «керенки» – достоинством в 20 и 40 рублей. Помню сцены срывания со стен домов царских двуглавых орлов; разгрома и грабежа винных погребов фирмы «О. Шитт», находившихся почти на всех людных углах; расстрел демонстрации 3 июля, когда я случайно оказался в городе.

Выходило много газет и журналов, абсолютно свободных от цензуры и печатавших, как говорится, что попало. Помнится журнал «Пулемет», единственным автором и редактором которого был Н. Шебуев, журнал «Трепач», издававшийся каким-то низкопробным предпринимателем в расчете на вкусы весьма невысокого уровня и, конечно, мой любимый «Новый сатирикон» – журнал Аверченко, Бухова, Тэффи, Саши Черного (Гликберга), художника Ремизова и других талантливых писателей и художников. Выходили и раскупались «Синий журнал», «Журнал-фарс», «Всемирный юмор», «Нива», «Природа и люди», «Мир приключений» (издательство Сойкина на Стремянном) и много, много других, нередко полупорнографических, бульварных журналов и газет. В гимназии начал выходить размножаемый на шапирографе гимназический журнал «Товарищ», в котором все желающие могли принимать участие. Редактировал его один из преподавателей.

В эти месяцы я впервые увидел «настоящего» революционера. Из эмиграции, из Бельгии, где он закончил Льежский университет, вернулся в Россию и приехал к нам в Петроград мамин двоюродный брат, сосланный в 1910 году на поселение в Сибирь за принадлежность к РСДРП и бежавший оттуда за границу. Его звали Абрам Самойлович Кан (девичья фамилия моей матери). Я звал его «дядя Оми». Помню, он подарил мне книгу А. Дюма «Три мушкетера». Он приехал из эмиграции через Швецию и Голландию и сразу же, пользуясь тем, что больше не было никакой «черты оседлости», поступил на работу в Азовско-Донской банк на Большой Морской. Дальнейшая судьба его, жизнь и смерть интересны, и я, забегая вперед, хочу о них рассказать. Неожиданно для меня дядя Оми оказался большевиком, и сразу же после Октября стал комиссаром Народного (бывшего Государственного) банка в Петрограде. Его близкие друзья по эмиграции стали теперь влиятельными людьми, стоящими в первых (если не в самом первом) рядах новой власти. Среди них я помню Сокольников (Бриллианта), Крестинского,

Ганецкого. Из Петрограда, где Оми прожил до конца 1918 года и где женился на русской девушке Евдокии Широковой (ставшей для меня тетей Дусей), которую он называл на французский манер «Дис», он уехал комиссаром народного банка в Екатеринбург. А когда Ганецкий в 1920 году поехал полпредом в Латвию, Оми был назначен зав. финансовым отделом торгпредства в Риге. Я встречался с ним там, но об этом позже. В 1922 году Абрам Кан был переведен заведующим финансовым отделом нашего полпредства в Берлине к Крестинскому, а затем стал директором советского дочернего банка в Германии – «Гаркребо» (Garantie und Kredit Bank für Osten). Он ежегодно приезжал в отпуск в СССР, но когда в 1937 году был расстрелян Крестинский, Кан, будучи вызван в Москву, стал невозвращенцем. Он работал в банках разных стран, а в 1939 году в приступе ностальгии вернулся в Ригу, свой родной город, где его и застала советская власть. Он не был арестован, хотя для этого, по тем временам, были все основания. Думаю, что это было делом случая. Зато не успел убежать от немцев и попал сначала в гетто, где его сохранила Дуся, а потом в Дахау. Как ни поразительно, но Оми там уцелел; его спасло наличие второй профессии. Он был не только финансистом, но и зубным врачом высокого класса. В 1945 году он вернулся в Ригу очень больным и в 1950-м умер от инфаркта. Вот такая биография... Жена его Дуся только двух месяцев не дожила до своего восьмидесятилетия и умерла в июне 1974 года. Именно от дяди Оми я впервые узнал о Марксе и о марксизме, а также о том, что Февральская революция – это всего лишь так называемая «буржуазная» революция, а большевики стремятся к революции социалистической. Разбуженная им моя любознательность искала пищи. Я начал читать книги по политэкономии. Попробовал, но не осилил Маркса, читал Бебеля, Каутского, Туган-Барановского, Струве. А события между тем развивались своим чередом. Наступил Октябрь. Стало ясно, что казавшиеся мне «крайними левыми» позиции Керенского, Савинкова, вновь возникшей партии народных социалистов во главе с Пешехоновым, социалистов-революционеров во главе с Авксентьевым, социал-демократов-меньшевиков во главе с Чхеидзе, Даном, Либером и т. п. – на самом деле были вовсе не крайними, а умеренными. Еще в апреле мальчишеское любопытство под аккомпанемент страшных тревог и назиданий родителей занесло меня на встречу Ленина. Многие газеты убежденно уверяли население в том, что Ленин куплен немецкой разведкой. На улицах собирались толпы и избивали людей за то, что они «ленинцы». Ленин вскоре ушел в подполье, что меня несколько смутило. Однако ознакомившись

с материалами Циммервальдской конференции социал-демократов и еще и еще раз поговорив с дядей Оми, я в шпионство Ленина не поверил.

В гимназию вместе с октябрьским переворотом пришла политика; среди гимназистов началось расслоение на почве смутных, не вполне осознанных политических симпатий и антипатий. Гимназист Сыркин объявил себя большевиком, к нему присоединился наш классный силач Митя Фигур. Фигур был обидчив и драчлив. Наш директор Густав Густавович Зоргенфрей после одной из драк взял с него честное слово, что он больше драться не будет. Но вот, уже в начале 1918 года после одного из занятий по военной подготовке, которое вел выздоравливающий после ранения «краском» (так тогда называли командиров Красной армии), Фигур помог преподавателю надеть шинель. Наш одноклассник, барон Дистерло, на это заметил: «Большевистский холуй». Фигур взбежал на второй этаж, открыл дверь в кабинет Зоргенфрея и крикнул: «Я беру свое слово назад!», после чего, сбежав вниз, схватил Дистерло за поясницу, поднял и кинул в гимнастический зал через закрытую стеклянную дверь. Уже с начала 1918 года Фигур начал работать в ВЧК, дослужился до начальника экономического отдела ленинградского ОГПУ и в 1938 году был расстрелян одновременно с замнаркома ВД Заковским. Сыркин стал впоследствии редактором «Красной газеты». В гимназии возникла общественная организация: совет старост, ОССУЗ (Объединенный совет старост учебных заведений). Название «гимназия» заменили словами «трудова́я школа второй ступени», но... учеба шла из рук вон плохо. Ввели совместное обучение, в классах появились девочки. У всех были неотложные общественные дела, учиться было некогда. Гимназисты постарше и повыше ростом поступили в милицию и приходили изредка в класс с винтовками. Наш учитель русского языка, автор новой орфографии, впоследствии академик, Николай Севастьянович Державин, до смерти этих винтовок боялся. Учеба не шла. Несколько гимназистов-пятерочников (в том числе я, мой ближайший друг Вадя Меллер, с 1924 года живущий во Франции, Жорж Брейтман, сын профессора, погибший потом на войне, и еще несколько учеников) поняли это вполне отчетливо. Перейдя весной 1918-го в шестой класс, за год, до мая 1919 года, с разрешения директора мы сдали экзамены за полный гимназический курс по старой программе (за исключением закона божьего). В мае 1919 года мы получили справки «об окончании трудовой школы 2-й ступени, бывшей шестой гимназии». На этом закончилось мое детство. Надо, однако, сказать, что спрашивали с нас учителя по

всей строгости, и сдавали мы экзамены по-настоящему, включая такие дисциплины, как история искусств, логика и философская пропедевтика. Итак, когда в июне 1919 года наша семья уехала на дачу в Павловск, я был уже абитуриентом. Поступление в вуз тогда было упрощено до крайности. Надо было только подать заявление (оно называлось прошением) и выписку из домовой книги, где были указаны фамилия, имя, отчество, дата рождения и адрес проживания. Для меня дело осложнялось тем, что мне было только пятнадцать с половиной лет, а в вуз принимали с семнадцати. Я обратился к уполномоченному Наркомпроса в Петрограде Полетаеву, и он, поговорив со мной, дал письменное разрешение на поступление в вуз. У меня не сохранилось фотографий тех лет, но помню, что был необычайно худ. Хлеб был колючий, и выдавали его по полфунта, а потом по четверти фунта в день на человека (то есть по двести, а потом по сто граммов). Наша семья продавала и меняла вещи, папиной заработной платы явно не хватало, она была, по существу, символической, хотя исчислялась миллионами, которые в общезнании именовались «лимонами».

Однако отец тогда еще и по существу, и в представлении семьи был кормильцем, а мне о хлебе насущном еще беспокоиться не полагалось. У меня были иные заботы. Мне надлежало выбрать специальность, а я еще совершенно не знал, чего хочу. Но так как дни бежали, а заявление подавать надо было в июне, я подал заявления сразу в три вуза. На естественный факультет университета, куда хотелось мне самому; в институт путей сообщения (потом он стал называться ЛИИЖТ) имени Рудзутака – из соображений, так сказать, престижных (институт был привилегированным, евреев туда до революции не принимали, и звание инженера-путейца манило мое неискушенное воображение); и наконец – в Военно-медицинскую академию (тогда единственный медицинский вуз в Петрограде, не считая ЖМИ, то есть Женского медицинского института, ныне 1-й медицинский институт имени И. П. Павлова), потому что родители во что бы то ни стало мечтали видеть меня врачом. Итак, в июле 1919 года я был обладателем трех студенческих удостоверений: университетского, путейского и «зеленки», как назывался студенческий билет ВМА, который печатали на зеленой бумаге. Я надел университетскую фуражку (синий околыш и тулья зелено-синего, так называемого «царского» сукна) и принялся размышлять. Но размышлять пришлось недолго: только в академии выдавали несколько улучшенный по сравнению с общегражданским паек. И это решило выбор. У цирка Чинизелли, в сохранившемся неясным образом магазине фирменных фуражек Фомина я купил

синюю фуражку с красным кантом, голубым околышем и красным крестом вместо бывшей кокарды. И стал студентом ВМА. Мне было пятнадцать с половиной лет.

К осени здоровье отца заметно пошатнулось. Собственно говоря, физически ничего не изменилось. Отец не жаловался на какие-либо боли и, по-видимому, ничем, кроме привычного «курительного» кашля, не страдал. Однако что-то в нем надломилось. Он курил больше обычного, не спал по ночам, неустанно бродя по комнатам, подолгу стоял у окна, глядя на улицу бессмысленным (как я однажды заметил) взглядом. На вопросы часто отвечал невпопад... Как я вспоминал позднее, это началось после того как были заморожены, затем конфискованы вместе со всеми текущими счетами, а затем и вообще потеряли какое-либо значение в связи со стремительным обесцениванием денег – накопленные им в банкирской конторе «Юнкер и Ко» на Невском проспекте, 12 восемь тысяч рублей. Для отца это было крушением-всех надежд, а для меня, по легкомыслию и молодости лет – вообще прошло совершенно незамеченным. Я уже не помню подробностей, но в какое-то время отец перестал ходить на работу, болезненно и злобно встречая все многочисленные новости нашей жизни. Запомнилось, в частности, как он, читая газету, напечатанную уже по новой орфографии, с раздражением заметил по поводу статьи о выезде продотряда за хлебом: «Ну, разве это по-русски – «за хлебом»? Помешала им буква ять!»

Уже в начале 1919 года у нас в семье начались разговоры об отъезде. К тому времени тетя Циля со всей семьей зарегистрировалась в учреждении с длинным названием «Центропленбеж» на площади Урицкого (бывшей Дворцовой) и уехала домой в Шавли. Говорить об отъезде и об имеющемся у нашей семьи праве на отъезд (поскольку отец был родом из местечка Плуңгяны в Литве) начал отец, и мы с мамой принимали эти разговоры всерьез по привычке к ведущей роли отца в нашей семье.

Впрочем, лично мне было не до этого. У меня было полно собственных дел и забот. Осенью 1919 года я начал учиться на 1-м курсе ВМА. Преподаватели у нас были отличные: анатомию читал академик Тонков, гистологию – Максимов, впоследствии эмигрировавший в США. Он приезжал в академию на собственном выезде, в кителе и лакированных сапогах, говорил, грассируя, с «гвардейским» акцентом. Зоологию читал Холодковский, он же известный скрипач и не менее известный переводчик «Фауста» Гете на русский язык. Ассистентом у него работал Павловский, впоследствии всемирно известный академик-паразитолог; химию

читал Лебедев (тот самый академик Лебедев), а физиологию – Иван Петрович Павлов. Студенческая жизнь в академии была интересна и весьма активна. Не реже одного раза в месяц происходили студенческие сходки, на которые большинство студентов приходили еще в старой форме со споротыми погонами. На этих сходках верховодили князь Чачава и студент 4-го курса Бемзор – оба меньшевики. Бемзор же был выбран нами в Петросовет рабочих и солдатских депутатов (как от военной части). И. П. Павлов еще не отменил своей старой традиции: первую лекцию первого семестра он ежегодно читал как обзор политических событий. В 1919 году его первая лекция состоялась в огромной физиологической аудитории, набитой до отказа. Присутствовали не только студенты, но и все, кто мог войти. Из Москвы специально приехал Бухарин, чтобы в случае необходимости ответить лектору. Однако ни в 19-м, ни в 20-м годах (я был на обеих лекциях) никто Павлову не возражал. А, между тем, лекции или вернее доклады были «контриковые». Я не помню их целиком, но вспоминаю отдельные фразы, как например: «Сегодня мне привезли мешок муки! Большевики хотят меня купить. Не выйдет!» «На днях, будучи в гостях, я в зеркале увидел, как мой знакомый, один из гостей, известный музыкант, украл со стола и положил в карман кусок хлеба»... «Культурный слой, который Россия накопила за 300 лет, с нее сейчас стирают, как соскребавают скребком слой грязи с коня»... И в таком духе и дальше. Однако в 1920 году Павлов был уже значительно терпимее, чем в 1919-м.

Меня увлекало всё: занятия по анатомии, работа с трупами (брезгливость, вначале одолевавшая меня, прошла быстро – после пяти-шести занятий), практические занятия по зоологии, ботанике, химии и гистологии. В первую сессию я сдал все зачеты с оценкой «весьма». Экзаменовали нас строго и придирчиво. Тонков на экзамене по анатомии быстро брал зуб из кучки, лежавшей на столе, подкидывал вверх, прикрывал рукой и спрашивал, плутовато ухмыляясь: «Какой зуб?» Посещение лекций не было обязательным, все предметы были обеспечены учебниками.

Отношения в студенческой среде были сложными. Звали друг друга «коллега». Состав студентов был пестрым: вместе с бывшими князьями учились полуграмотные парни. Из них выдерживали только способные и физически выносливые. Бывали случаи психических заболеваний на почве перегрузки. Со мною вместе на первом курсе учились Зиновий Майман (впоследствии музыкант, дирижер) и Исаак Штейн, ставший военным врачом (умер в 1972 году), то есть люди явно разных склонностей и способностей.

К концу 1919 года жить нашей семье стало трудно. Отец не работал, всё упорнее и чаще говорил об отъезде. Вещей на продажу и обмен на продукты уже не было. Надо было работать, чтобы получать паек. В декабре 1919 или в январе 1920-го (точно не помню) я поступил на краткосрочные курсы оспопрививателей, организованные известным профессором-инфекционистом Гамалея в связи с декретом об обязательной поголовной прививке оспы. Эти курсы я окончил весной 1920 года и поступил на работу. Был снабжен ланцетом, бутылкой смеси эфира со спиртом, ампулами с противооспенной вакциной, халатом и штампом, который ставился в трудовую книжку. Без этого штампа о прививке оспы не выдавали хлебной карточки.

Все окончившие курсы были распределены по районным здравоотделам, где каждый из нас утром получал наряд на прививку рабочим и служащим какого-либо предприятия или учреждения. Я уже не помню, конечно, всех учреждений, где мне пришлось прививать оспу. Помню трамвайный парк, водопроводную станцию, электростанцию, балетное училище. С последним связаны сложные переживания. Девушки из балетного училища, боясь пятен и шрамов на руках, требовали, чтобы я делал прививку на бедре. Мне было тогда около 16 лет, но я до сих пор помню, что эта работа (учениц было около ста) была для меня тяжелым испытанием. Однако на этом моя медицинская деятельность не окончилась. Летом 1920 года я перешел на второй курс, сразу же сдал экзамены на звание лекпома (так тогда назывался фельдшер) и поступил работать в скорую помощь. Пункт скорой помощи помещался в Технологическом институте. Режим работы был мне удобен: сутки дежурить, двое свободен, паек хороший. Работа, в основном, заключалась в том, чтобы отвозить в больницы сыпнотифозных. Тиф тогда принял огромные размеры. Одновременно дежурили два лекпома и два санитаря. Двух из них я помню даже по фамилиям: Минскер и Найхин. Минскер был парень веселый, всё время шутил. Но сам заразился сыпным тифом и умер. Правило было такое: нашел на себе вошь – записал число, а через 20 дней вычеркивай. Записей у меня дома было много, целая колонка на стене, но сыпным тифом я почему-то не заболел. А заболели многие, и персонал за три месяца весь сменился. В скорой я проработал месяца два, а затем уже по распоряжению академии был направлен в качестве лекпома в распрепункт на Варшавский вокзал. Время было смутное и сложное. От той работы запомнилось немного. Однажды вечером вызвали нас в Александро-Невскую Лавру, в церковь. Во время обряда венчания, прямо под венцом

жених спятил и, выхватив у шафера бронзовый венец, зашиб до беспамятства невесту, разбил в кровь лица священнику и дьякону и, забившись в угол, никого к себе не подпускал. Выехали мы втроем, втроем же накинулись на него, скрутили по рукам и ногам полотенцами и в таком виде впихнули в машину. Едва в нее втиснувшись втроем (четвертый в кабине с шофером), поехали на Пряжку, в больницу Николая-Чудотворца. Пока ехали, больной начал плевать и обоих нас, меня и санитаря, заплевал с головы до ног. Полвека с лишним прошло с тех пор, а я до сих пор помню тяжелую злобу и с трудом преодолеваемое желание оглушить сумасшедшего чем-нибудь тяжелым по голове.

На распредпункте Варшавского вокзала была медчасть, состоявшая из двух лекпомов (фельдшеров, одним из которых стал я), аптекаря и фармацевтки, которую звали Рахиль. Она была очень привлекательна, смугла и мала ростом, и это был мой первый в жизни роман. Он ничем не завершился, потому что, когда я в одно из наших общих дежурств сделал неумелую попытку к сближению, Рахиль, заплакав, сказала, что она еще девушка, и я, струсив, отступил.

На Варшавском распредпункте я был назначен сопровождать эшелоны с военнопленными немцами и так называемыми беженцами-репатриантами – лицами, которые объявляли себя иностранными подданными – германскими, латвийскими, эстонскими, литовскими, польскими и т.п. Им после проверки документов учреждение, носившее странное название «Пленбеж» и размещавшееся на площади Урицкого (ныне опять Дворцовой), давало разрешение на посадку в эшелон. Такие эшелоны имели в своем составе санитарный вагон-теплушку (то есть товарный двухосный вагон), в котором размещались я, лекпом, санитар и ящик с медикаментами, ассортимент которых был ограничен касторкой, аспирином, перекисью водорода, йодом, ватой и бинтами. Впрочем, как правило, все эвакуируемые пленные и беженцы были здоровы, и стетоскоп за поясом белого халата мне ни разу не понадобился. Порядок эвакуации или, как это называлось, репатриации был такой. Эшелон доходил до Ямбурга (ныне Кингиссепа), где находился пограничный особый отдел ВЧК. Здесь проверяли всех пассажиров. Затем эшелон направлялся к эстонской границе, и между Ямбургом и Нарвой (ближе к Нарве) на второй путь подавали из Нарвы эшелон с русскими военнопленными. Затем пассажиры менялись местами, и оба эшелона возвращались к себе домой. Я успел осенью 1920 года перевезти два эшелона – один с беженцами и один с военнопленными. И с обоими связаны вос-

поминания, не выветрившиеся из памяти до глубокой старости. Вот первое из них.

Примерно в сентябре 1920 года мы везли эшелон военнопленных немцев. Все они были одеты в солдатскую форму; офицеров, по-видимому, среди них не было. Однако перед отправкой эшелона всех пленных выстроили на перроне, и представитель ЧК осмотрел у всех руки. Люди с холеными, нерабочими руками изымались из эшелона. Офицеров оставляли пока в плену, очевидно, в качестве заложников. В Ямбурге начальник особого отдела, фамилия его была, помнится, Борискин, привел в санитарную теплушку (хозяйном которой был я) плохо одетого бородатого молодого мужчину и сказал: «Этот человек поедет с вами, в нейтральной зоне выскочит на ходу. Никому об этом ни слова! Охрана всё знает». В соседней теплушке ехал комендант эшелона с несколькими красноармейцами. Бородатый юноша был симпатичен, по-русски говорил плохо, с акцентом. Когда я перешел с ним на немецкий, он тихонько шепнул мне, что он швейцарский коммунист, работник Коминтерна, и пробирается в Германию. В нейтральной зоне переоденется и утром присоединится к пленным. Не доезжая до Нарвы, эшелон остановился. Нас встретили эстонские солдаты в странной, на мой взгляд, форме. На пограничном пункте развевался сине-бело-черный флаг. Офицер хорошо говорил по-русски и, пока встречный эшелон не подошел, разрешил нам, коменданту и «врачу» эшелона, сходить в Нарву. В Нарве, обменяв наши дензнаки по курсу, которого я уже не помню, на кроны, мы купили по одному лимону, по килограмму бекона и банке килек. В Петрограде это всё с изумлением рассматривали наши родственники и друзья.

Второе воспоминание относится к эшелону с беженцами-репатриантами. В Ямбурге в теплушках был произведен повальный и тщательный обыск: искали запрещенную к вывозу валюту, драгоценные металлы и драгоценные камни. Искали с пристрастием и не без результата: в разломанных булках находили бриллианты, за подкладкой – валюту, в каблуках – золото. После обыска в санитарную теплушку пришел солдат и вызвал меня – лекпома – в особый отдел. В небольшой комнатке сидел начальник отдела Борискин, молодой человек в кожаной черной одежде, и очень красивая молодая (лет 28–30) женщина. «Вот что, лекпом, – сказал Борискин, – эта женщина – баронесса Тизенгаузен, германская подданная. Нам совершенно доподлинно известно, что она везет с собой драгоценные металлы. Личный обыск ничего не дал. Добровольно баронесса ничего отдать не хочет. Пройдите с ней, лекпом, в соседнюю комнату и учините гражданке Тизенгаузен

медицинский осмотр!» Легко понять мое смущение, особенно, если учесть, что мне было чуть больше 16 лет. Я вышел с женщиной в соседнюю комнату и указал ей на топчан. «Послушайте, – сказала она, – вы кажетесь мне мальчиком из интеллигентной семьи... Неужели вы подвергнете меня такому издевательству и позору? Я клянусь вам, что у меня ничего драгоценного нет». Моя воспитанность и интеллигентность такого испытания не выдержали. «Хорошо, – сказал я, – Скажу, что осмотрел вас». Мы вернулись к Борискину. «Ничего у нее нет», – сказал я, отводя глаза. Но Борискин, хотя и был ненамного старше меня, сделан был, как видно, из другого теста. «Слушай, лекпом, – сказал он, – тебя, дурака, вокруг пальца обвели. Веди ее, клади на топчан и ищи, и без золота не приходи. А золото у нее есть, честное слово тебе даю»... И тут я очень разозлился. Взял баронессу за руку, втащил в комнату и сказал: «Снимайте штаны и ложитесь... быстро!» Женщина посмотрела на меня зло и презрительно и, промолвив: «Отвернитесь!», взялась за край платья. Но тут уж я ей не поверил и через 5 минут, войдя к Борискину, положил на стол слиток платины, на котором было обозначено: «два фунта». «Вот это дело, – улыбнулся особист и хлопнул меня по плечу. – Они, бароны и графы, – хитрые, а ты еще простачок!» Такая была моя первая медицинская помощь советской власти. Это было в октябре 1920 года.

А в ноябре совершенно неожиданно для меня отец, отыскав в «Пленбеже» какого-то взяточника по фамилии, кажется, Юрчук, быстро оформил разрешение на выезд в Ригу всей семьи, в том числе и меня, поскольку я еще своего паспорта не имел. Не могу сказать, что я очень хотел ехать, наоборот – хотел учиться. Но эта уступка отцу далась мне легко, и о будущем особенно думать не хотелось. А дальше всё пошло с быстротой киноленты или «кинофильмы», как тогда говорили. Квартиру со всеми вещами мы оставили Осе Тыслеру, моему другу, который был старше меня и только что женился. В начале декабря мы всей семьей, то есть втроем, погрузились на Варшавском вокзале в теплушечный эшелон. Началась новая полоса жизни.

В дороге отец был уже явно не вполне здоров в психическом отношении. В городе Резекне (Режица) был пропускной пункт. Нас троих поместили в барак, густо населенный беженцами, и двое здоровенных латышей-полицейских ограбили отца, отняв у него несколько спрятанных в белье царских пятисотенных купюр. На следующий день за нами приехала мамина сестра, тетя Роза, неизвестными мне путями получила разрешение, и уже в нормальном

пассажирском вагоне мы прибыли в Ригу и поселились у тети Циля на «Антониас иела», то есть Антонинской улице. Денег на жизнь хватило только на 1–2 первых месяца. Отец тяжело болел, мать жаловалась на сердце, и я стал думать о будущем. Мое удостоверение об окончании единой трудовой школы оказалось здесь недействительным, и я начал готовиться к сдаче экзаменов на аттестат зрелости в гимназии Ландау. Экзамены я сдал благополучно и в марте 1921 года получил аттестат зрелости. Но учиться в вузе оказалось недоступным. Пришлось искать работу. Поначалу эта непривычная «капиталистическая» жизнь в Латвийской республике ударила мне в голову. Изобилие, сытость, деликатесы в магазинах. Но всё стоит так дорого... Я был ошарашен. Однако всё опять повернулось неожиданно. В Риге, в Советском полпредстве, заведовал финансовым отделом дядя Оми, а полпредом был его старый друг по эмиграции, Яков Станиславович Ганецкий. Тетя Циля дала знать дяде о нашем приезде, он пришел к нам с женой Дусей и взял на себя руководство моими делами. Во-первых, работа. Можно было, конечно, заняться спекуляцией. Финансовый отдел советского полпредства через подставных лиц – посредников – довольно широко торговал царскими деньгами, которые котировались на рижской бирже. Для советского правительства это был чистый доход, поскольку себестоимость этих денег была равна типографским расходам. Оми считал, что у меня здесь будущего нет, и для начала устроил меня на работу в советское торгпредство в Литве. Столицей Литвы был город Каунас, куда я тотчас же переехал и был принят на работу торгпредом Шевердиным. В мои обязанности входило изучение экономики Литвы, то есть, попросту говоря, экономическая разведка. Жалованье мне платили хорошее. Его хватало и на мою жизнь в Каунасе, и на жизнь родителей в Риге. Мне тогда исполнилось 17, и я получил собственный литовский паспорт. Так я жил и работал в Каунасе, часто приезжая в Ригу, но осенью 1921 года меня вдруг уволили: поступил запрет брать на работу иностранцев. Я вернулся в Ригу и нанялся кладовщиком на тряпичный склад, принадлежавший В. М. Зиву, бывшему петербургскому богачу. Дядя Оми считал, что я должен вернуться в Россию. Того же, как ни странно, хотел совсем уже больной отец. У него диагностировали маниакальную депрессию.

В октябре – ноябре 1921 года в Риге, в Зале Черноголовых, происходили польско-советские переговоры. Здесь дядя Оми представил меня главе советской делегации Адольфу Абрамовичу Иоффе. Не знаю почему, но Иоффе я понравился, и он сказал, что поможет мне вернуться в советскую Россию. Свое обещание

Иоффе сдержал. Летом 1922 года мы, все трое, получили советские паспорта и вернулись в Петроград. Вернулись уже не в теплушке, а в мягком вагоне, с комфортом, в НЭПовскую Россию.

По возвращении я работал на самых разных работах: от грузчика в порту до агента уголовного розыска. Весной 1923-го, выдержав вступительные экзамены, поступил на экономический факультет Политехнического института и одновременно начал работать в газете «Петроградская правда» в качестве репортера. Началась опять новая, уже третья, полоса моей жизни. Охватившей тогда советскую Россию волне стремления к стяжательству и обогащению я тоже отдал дань.

Вспоминаю дореволюционную Разъезжую улицу (она сохранила свое название и теперь, в 1976 году, когда я это пишу). У «Пяти углов» – сюда выходили Разъезжая и Троицкая улицы, Чернышев переулок и проходил Загородный проспект – на углу Загородного и Троицкой стоял высокий шестиэтажный дом с башенкой. С этой башенки в феврале 1917 года стрелял из пулемета городской. На углу Загородного и Разъезжей на 2-м этаже находился ресторан «Слон», а на другом углу – винный погреб О.Шитта. На углу Чернышева и Загородного в подвале был большой гастрономический магазин Лютова, возродившийся в годы НЭПа. Здесь я по дороге с работы домой всегда покупал колбасу, ветчину, масло, копчености, икру и т. д. и т. п. А на углу Чернышева и Троицкой находилась кондитерская с манящей вывеской «Жорж Борман». Это была фамилия крупнейшей в Петрограде кондитерской фабрики, ныне фабрики им. Евг. Самойловой. Сюда я забегал когда-то с товарищами-гимназистами покупать пирожные и конфеты на сэкономленные на трамваях пятаки.

Дальше, по Разъезжей, под № 16 стоял дом Зелемана. Он был построен по плохому проекту и в 1910 или 1911 году рухнул весте с находившимися в нем людьми. Тогда много человек погибло, и состоялся судебный процесс. А в доме № 14 был бакалейный магазин, где старый грек торговал разнообразными сладостями и фруктами. Мы жили в доме № 17. В нашем доме был маленький кинотеатр «XX век», а в доме № 13 – кинотеатр Геева, куда я часто бегал за 10 копеек. На углу Разъезжей и Николаевской (ныне улицы Марата) был Крутлый рынок, где торговали мясом, рыбой и овощами, а на Пасху располагался вербный базар. Дальше,

на Разъезжей, не доходя до Лиговки, находился еще один кинотеатр, «Теремок». На углу Разъезжей и Боровой стояла церквушка, из открытых дверей которой часто слышалась служба. А на Пасху отсюда шли люди с зажженными свечами, бережно прикрывая ладонями метавшееся на ветру крошечное пламя.

Бизнесмена и торговца из меня не получилось, что я отчетливо понял после двух неудачных попыток перепродажи спирта. А в отделе хроники «Петроградской правды» я начал работать успешно и стал печататься почти с первого дня. Заведовал хроникой маленький лохматый старый еврей, носивший явно не свою фамилию – Ефимов. Он был газетчиком с дореволюционных времен. Поздними вечерами Ефимов собирал нас, репортеров, и учил газетной работе. В каждой заметке, говорил он, должен быть в начале «крючок», которым надо зацепить, поддеть интерес и внимание читателя. Среди нас было много опытных газетчиков, но слушали Ефимова хорошо, с уважением. Все его наставления были мудры и правильны. Но он не нравился «главному» – то есть главному редактору – Быстрянскому, старому большевику, которого потом, в 1937 году, расстреляли. На место Ефимова вскоре взяли Корыхалова Платона Андриановича, человека сравнительно молодого, лет 35, менее опытного, конечно, но работающего и активного. В те годы в газетах работало много интересных людей. Как в «Петроградской правде», так и в других, в которых я начал понемногу сотрудничать, отдавая в разные газеты одни и те же, немного перефразированные заметки. А газет было больше, чем сейчас. Кроме «Петроградской правды» выходила «Красная газета», на первой странице которой было крупным шрифтом набрано, что она основана Володарским. Выходили еще две вечерние газеты: «Красная вечерняя» и «Новая вечерняя», издававшаяся «Петроградской правдой» на Ивановской (ныне Социалистической) улице, в доме № 14. Кроме того, в Петрограде работали отделения редакций московских центральных газет. (К тому времени столицей новой России снова стала Москва). Из них я сотрудничал в газете «Труд» (орган ВЦСПС), журнале «Фабзавком», петроградским отделением которого заведовал старый журналист Бройтман, и в петроградском постпредстве газеты «Правда», которым руководил Лев Семенович Гольдман (он же Ганичев). Публика во всех этих газетах была своеобразная, вероятно, многих из них позднее и за версту не подпустили бы к печати. Но это были интересные, часто значительные, образованные люди. В отделе

хроники «Петроградской правды» на «происшествиях» сидел Полетика – впоследствии профессор истории, автор известной книги «Сараевское убийство». В «Красной газете», в хронике, работал Рогачев, старый газетный волк, имевший в своем архиве много интересных и забавных историй. Так, например, он сидел, спрятавшись под сиденьем кареты, которая в 1915 году везла в Удельную одного из участников дуэли между Гучковым и полковником Мясоедовым, впоследствии, в 1916 году, расстрелянным за шпионаж. Дуэль тогда проходила в обстановке строжайшей тайны, но на следующий же день была подробно описана Рогачевым в «Петроградской газете». У меня лично с Рогачевым связано забавное воспоминание. Году в 25-м я получил рано утром задание встретить в 9 утра прибывающего на «Красной стреле» Фритьофа Нансена. Он приезжал в СССР с инспекционной целью: посмотреть, как расходуется нансеновский фонд помощи. Мне надлежало взять у него интервью (которое тогда у нас называлось «беседой»). Вырвав из книги «Среди льда и ночи» портрет Нансена, я помчался утром на Октябрьский (ныне Московский, а в прошлом Николаевский) вокзал. У международного вагона (немногие, оставшиеся тогда бельгийские вагоны еще ходили) я увидел Рогачева. Узнав по портрету в толпе прибывших Нансена, я обратился к нему по-немецки с просьбой ответить на несколько вопросов. Но Фритьоф Нансен ответить мне не успел, поскольку в разговор вмешался Рогачев и на языке идиш стал объяснять Нансену, что беседу у него должен взять не я, а он – Рогачев. Я тихонько шепнул Рогачеву, что еврейский язык здесь неуместен, я, мол, всё ему расскажу, и заметку мы дадим общую. Однако Нансен разговаривать с прессой отказался, заметив только мельком, что о фонде помощи он говорить с журналистами не расположен. Спускаясь со ступенек вокзала к ожидавшей его машине, Нансен, правда, с сильным акцентом произнес: «Господа, между прочим, я говорю по-русски».

В 1924 году у мамы случился первый инсульт, а в 1925-м умер отец. Я стал кормильцем семьи. Что касается личных дел, то в двадцатых произошло главное событие моей жизни: в 1924 году я познакомился с Верой, которая тогда была женой Валентина Стенича. В 1927 году они разошлись, и она стала моей женой.

Совмещая работу с учебой в Политехническом институте, я учился много и прилежно, главным образом, потому, что у меня были хорошие учителя: Ден, Твердохлебов, Зайцев, Венедиктов, Кулитов, Солнцев, Штейн, Финн-Скотаевский, Флейшиц. Им я объяснял тем, что стал экономистом.

В 1928 году я окончил институт и получил справку, дающую мне право регистрации на бирже труда. В Ленинграде была безработица. Работу я найти не сумел и по совету моего школьного друга Мити Фигура, с 1920 года ставшего чекистом и в то время служившего начальником лужского ОГПУ, я поехал работать в Лугу на должность начальника планового отдела лужского окружного Потребсоюза.

На этом последовательный текст воспоминаний А. А. Иотковского обрывается. Сохранились лишь отрывки записей из других периодов жизни.

1937 ГОД

Только теперь, спустя 40 лет, я понимаю (впрочем, я начал понимать это еще в 1944 году), что 37-й ничем особенно не отличался от 35-го и 36-го. Со дня убийства С. М. Кирова (01.12.1934 г.) произвол Сталина погрузил нашу страну в черную ночь беззакония и страха, бесправия и лагерей. Но тогда, в 1937-м, массовые аресты и исчезновение людей, которых я знал и с которыми вместе работал, меня потрясли. Началось с публичных процессов, сфабрикованных Сталиным и его подручными. В 1936-м был процесс Зиновьева. А в течение следующих двух лет процессы шли один за другим: Сокольников, Крестинский, Пятаков, Бухарин, Рыков, Радек, Розенкранц, Шляпников, Уншлихт, Блюхер, Тухачевский, Корк и далее, и далее. Уничтоженные, замученные, застреленные уже без всякого суда Постников, Чубаров, Косиор, Межлаук, Рязанов и тысячи других верных и умных коммунистов, посмевших иметь свое мнение, отличное хотя бы в каком-нибудь пустяке от мнения «великого вождя, учителя и друга, гения науки» – Джугашвили-Сталина. Работал мощный и беспощадный аппарат насилия, пыток и казней – НКВД. Он комплектовался из двух категорий людей: прохвостов и циничных мерзавцев – с одной стороны, и дураков, веривших в то, что половина народа – враги революции, страны и Сталина. Впрочем, первая из этих групп резко преобладала. Услужливые прихвостни создавали «теоретическую базу» для кровавых расправ. Бывший член ЦК меньшевиков, Андрей Януарьевич Вышинский, генеральный прокурор СССР, ставший сразу же академиком, создал новую правовую теорию, утверждавшую, что главным и достаточным доказательством преступления является признание вины обвиняемым. Отсюда естественный и логичный вывод – любой ценой заставить обвиняемого признаться. Какой простор, какое раздолье для палачей, какой простой и короткий путь к расправе с любыми врагами! И пошло, и поехало... Процесс шел за процессом, аресты за аре-

стами. Люди пропадали, как в омуте, без следов, без сведений, без писем. Хватали одного за другим. Я работал в Облплане. В нашей комнате промышленного отдела работали 5 человек. В течение месяца взяли начальника отдела Степанова и из нашей комнаты троих, в том числе А. С. Вайнштейна, моего друга и учителя еще по Совнархозу. Председатель Облплана, Абрам Михайлович Иванов, умный и хороший человек, выступал на общем собрании, каялся в том, что мы проглядели врага в Степанове. На полуслове его вызвали, и он, извинившись, вышел «на минуточку». Больше мы его не видели. Только через 10 дней разнесся слух, что его расстреляли. «Теории» Вышинского оказалось мало, вышло постановление о том, что в связи с обострением классовой борьбы коллегии НКВД предоставляется право вынесения внесудебных приговоров по делам о контрреволюции. Коллегии передала это право Особому Совещанию при НКВД, и во всех областных «полномочных представительствах» НКВД (так это называлось) были созданы «тройки», которые могли выносить любой приговор, включая расстрел, стыдливо скрытый под аббревиатурой «ВМ» – высшая мера.

Глазами дочери. «Пушкин помог»*

Ночь. В маленьком кабинете возносятся к потолку стеллажи с книгами. Горит настольная лампа. За столом человек лет 35. Лист исписан колонками цифр. Малейший звук извне тяжким молотом бьет по нервам. Не машина ли остановилась у дома? Не дверь ли хлопнула внизу? Не за ним ли? Что будет с женой и дочкой? Думать об этом невыносимо. Александр Артурович выходит на площадку последнего 5-го этажа, долго смотрит вниз и прислушивается. Возвращается, заставляя себя углубиться в работу.

И вдруг на пороге кабинета – ребенок, девочка, смуглая дочурка, ради которой он живет и не спит по ночам. В ночной рубашке до пят она смотрит на него, не мигая.

– Ты что? Почему не спишь?

Вопросы застревают в горле. Не хватает еще, чтобы они ворвались в квартиру на ее глазах.

Тоненьким голоском:

– Папенька, выдайте меня за князя Верейского!

«Боже, она прочла «Дубровского»! В семь лет! Взяла с полки без спроса. Теперь вот не спит. Такая впечатлительная...»

* Лидия Иотковская. Из книги «Остановить мгновение» (М.: Изограф, 2002).

Мгновенно принимая правила игры, спрашивает серьезно:

– Зачем тебе выходить за старика? Ты же его не любишь.

– Зато он меня любит. – Взор потуплен. – И он порядочный человек, а ваш Дубровский – разбойник, грабит и убивает.

Такая расстановка читательских симпатий слегка обескураживает, но представляется не лишенной логики. Еще секунда – и она у него на коленях, в его объятиях. Оба смеются счастливо.

Он несет дочку в ее комнатку, кладет в кровать, укрывает.

– Спи, Лидок, завтра решим, за кого тебе идти замуж.

Светает. Еще ночь миновала спокойно. Может быть, Пушкин помог?

ВОЙНА

В мае 1941 года пришел приказ Комитета по делам высшей школы (Кафтанова): меня назначали председателем ГЭК Ростовского финансово-экономического института, и 22 мая я начал там принимать госэкзамены. Директором там был тогда Костя Ларионов (после войны – доктор наук, директор Ленинградской высшей партшколы, а впоследствии – начальник финансового управления СЭВ). Я жил в очень хорошем номере гостиницы «Ростов», на ул. Буденного. 22 июня, в воскресенье, я проснулся рано, часов в восемь. Была отличная погода, я включил негромко радиоприемник и стал покручивать ручку настройки. И вдруг услышал неожиданно голос, даже крик... Гитлера. Кенигсбергская радиостанция на короткой волне передавала его выступление о начале «тяжелой, неизбежной и победоносной» войны с Советским Союзом. Не помня себя, я наскоро оделся и выскочил на улицу (Садовую, переименованную в улицу Чкалова). Был прекрасный день, и улица-бульвар была переполнена людьми, вышедшими погулять. Мне повстречался Ларионов с женой. Когда я рассказал ему о Кенигсбергском радио, он посоветовал мне не распространять вздорных слухов. Вчера он, мол, был в обкоме, и ни о какой войне ни слова не было сказано. А уж там бы знали, если бы это было правдой. Озадаченный, я зашел позавтракать в ресторан и к 11 часам пришел в институт на внеплановое дополнительное заседание ГЭК. А в 12 часов по радио начали передавать выступление Молотова. Он закончил словами, которые запомнило на всю жизнь наше поколение: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Так началась для меня война. Уже в час дня на мое имя пришла телеграмма за подписью Кафтанова с предложением срочно закончить госэкзамены, в первую очередь, мальчиков и выезжать в Ленинград. Ларионов достал мне билет. Поезда уже ходили только через Воронеж. 29 июня я выехал, а 1 июля в 5 утра прибыл на Московский вокзал. Дозвониться из Ростова, чтобы узнать, где Вера и Лида, которые должны были

быть на даче в Териоках*, я уже не сумел и стал звонить с вокзала. Домашний телефон не отвечал. Я позвонил Харитонам** и узнал, что мои жена и дочка у них. В городе уже было введено военное положение, до 8 часов на улицу из вокзала не выпускали. Мы встретились только в 9 часов.

В институте была полная неразбериха, и сразу же возник вопрос о срочной эвакуации семьи. Дело это было не простое. В райисполкоме я получил ордера на эвакуацию для жены и дочери, а сам, после выступления Сталина по радио 3 июля подал заявление о добровольном вступлении в действующую армию. 4 июля на партсобрании я был принят в Партию, но документы в РК получить не успел.

8 июля мои жена и дочь, Вера и Лида, уехали в Казань, куда их взяли по моей просьбе в эшелон Академии наук Люся и Муся Харитоны.

В этот день я в последний раз видел своего близкого друга Осю Тыслера. Следующие полтора месяца прошли бестолково и нервно. Сначала я дежурил в институте, потом, когда там делать стало нечего, пошел работать на Электроаппарат, потом в Госбанк. В городе еще не было голодно, даже работали коммерческие магазины. Бомбежек не было. Ушли в ополчение Яша Лейпунский и Боря Люблинский***, а меня райком не пустил. «Солдата из доцента сделать легко, – сказал мне секретарь, – а из солдата доцента – надо лет двадцать». И все-таки утром 20 августа в 6.00 мне принесли в опустевшую квартиру повестку с приказом явиться 21 августа к 8 часам утра на Московский вокзал. Второпях я успел только отнести Лейпунской**** (она жила ближе всех) пишущую машинку и кое-какой фарфор. Остальное оставил (даже серебряный отцовский портсигар остался на столе), запер квартиру, сдал ключ управдому и помчался на вокзал. Эшелон оказался странным. В него собрали всю не обученную военному делу интеллигенцию, человек 600. Со мною рядом оказался Кирилл Федосеев, мой коллега по институту. Эшелон отправили в тыл, в Кировабад. Наш поезд был, по-видимому, последним, проскочившим через Мгу, которую уже жестоко бомбили. Ехали мы долго (часть, человек 100, ссадили в Орле) и 1 сентября прибыли в Кировабад (б. Ганджа) – на полпути между Баку и Тбилиси. Здесь нас разместили в запасном

* Ныне г. Зеленогорск.

** Юлий Борисович Харитон и его жена, Мария Николаевна Харитон, сестра моей жены.

*** Сыновья друзей А. А. Иотковского.

**** Мать Яши Лейпунского.

кавалерийском полку. Мы учились строю, верховой езде, тактике, ходили строем в столовую и в баню. Так мы провели недели две. Оттуда я послал письмо в Казань, а также посылку со всей моей штатской одеждой, поскольку получил белье, кирзовые сапоги, пилотку, шинель и х/б обмундирование. А через две недели прибыл майор из отдела кадров Закавказского Военного округа, и я получил назначение в формирующуюся 402-ю азербайджанскую стрелковую дивизию, в г. Степанокерт, в Нагорном Карабахе. Ехал до Евлаха по железной дороге, а оттуда на автобусе через Барду в Степанокерт. Послали меня туда на должность помощника начальника разведотдела штаба дивизии, очевидно, с учетом того, что я немного знал турецкий язык. Дней через 6–8 я узнал, что дивизия идет маршем в северный Иран. Еще через 3–4 дня выступили походным маршем через Малый Кавказский хребет – Шуша, Лачин, Горис, Шахбуз, Нахичевань-на-Араксе. Этот пеший поход (всего около 300 км за 10 суток) без привычки и тренировки дался мне нелегко. Шел я с разведротой, и на первой же дневке нас обогнала эмка командира дивизии, полковника Волковича. Из нее вышел начштаба подполковник Прамисский и подошел ко мне. «Как идетесь?» – спросил он. «Хорошо», – ответил я. На самом деле я за первые же сутки похода потерял килограммов 7 веса и едва волочил ноги. «Вид у вас неважный, тов. интендант III ранга!» (Такое звание было мне присвоено еще в запасе). «Часов в 12 я пришлю вам лошадь с ездовым. Поедете дальше квартирмейстером». Я смолчал. Язык не повернулся сказать, что ездить верхом я не умею. Уже через 5–6 часов ко мне подъехал казак с лошастью на поводу. «Вот, товарищ капитан, – сказал он, – прибыл в ваше распоряжение. Только лошадь с норовом, на горных тропах будьте осторожны!» – «А ваша лошадь, – спросил я, – смиренная?» – «Как овечка, товарищ капитан». – «Будем тогда меняться конями». И так на «смирной, как овечка» лошади я поехал дальше верхом, впереди дивизии, срезая излучины серпантина и подготавливая дневки и ночевки. «При спуске держись за узду, при подъеме – за хвост», – научил меня казак Семен.

На 10-й день прибыли в Нахичевань. После первого дня езды я, сойдя вечером с коня, мог передвигаться только на четвереньках. Но в Нахичевань въехал уже крупной рысью, не боясь за свои ляжки и колени. Нахичевань оказалась занятым городом, обильным фруктами и вкусной едой – хашем, шашлыками – и вином. Только скорпионы нас замучили. Каждый вечер мы тщательно исследовали номера гостиницы, где разместился штадив. Дней 10 жили в Нахичевани и двинулись в Иран. Замелькали городки – Хой,

Маку и, наконец, Тавриз. Оттуда послал Вере посылку с рисом. Нам платили полевые – 2 тумана в день – а за туман можно было купить 3–4 килограмма риса. Вся торговля, а торговал, как мне показалось, весь город, – в руках армян. Цены низкие, но служба тяжелая. Ходи по городу вдвоем (не меньше, а то могут зарезать), слушай, что говорят, и ищи немецкую агентуру. В октябре я подал рапорт: пошел в армию добровольно, хочу воевать с немцами. Хорошо знаю немецкий язык и не хочу сторожить персидские публичные дома. А таких домов, кстати, в Тавризе (вернее, в Тебризе) было много, в том числе и с мужчинами – юношами в роли проституток. Их называли по-азербайджански – бача. Весь северный Иран (иранский Азербайджан) говорит на одном из тюркских языков, и я ориентировался здесь легко.

Сразу после праздников, числа 10–12 ноября, вышел приказ ЗакВО – прибыть в распоряжение штаба округа. 15.11.41 г. я приехал на поезде через Ереван в Тбилиси и явился к начальнику Разведотдела округа, бригадному комиссару Капалкину Василию Михайловичу. От него узнал, что мне надлежит через 3 дня, обмундировавшись, отбыть эшелоном в Краснодар. Уже в дороге узнал от товарищей, что образован Крымский фронт с задачей освобождения Крыма и с расположением штаба в Краснодаре. (Среди товарищей был ст. лейтенант Владимир Константинович Модебадзе, с которым мы стали друзьями; теперь, в 1977 году, он – генерал-майор в отставке). Военная судьба надолго связала меня с этим городом. На Красной улице, в бывшем доме губернатора, стал штаб фронта, а я в нем – военпереводчиком РО фронта. Жизнь текла однообразно и тихо. Город жил по мирным нормам. Всего было много, кормили отлично, товарищи были хорошие. Так продолжалось до 25 декабря, когда началась Керченско-Феодосийская десантная операция. Фронтом командовал генерал-майор Козлов. Наши десантные войска высадились с моря в нескольких местах: Ак-Монай, Еникале, Керчь, Эльтиген, Сарыголь, Феодосия, и везде закрепились. В Ак-Монай был сброшен парашютно-десантный батальон майора Няшина, при выброске погиб врач батальона Гольдберг. Немцы бежали везде, и уже под Новый год я допрашивал первого моего пленного – военврача, захваченного в Феодосии. Очень странно мне было с ним говорить. Был он самоуверен и убежден в победе немцев. Феодосийский десант, оставшись из-за шторма без подкрепления, был, несмотря на геройское поведение, быстро вытеснен опомнившимися немцами и отступил до Арабатского перешейка. В высадке в Феодосии участвовал крейсер «Красный Крым», и к утру 31 декабря всего здесь было высаже-

но около 40000 человек и 40 танков. 30 декабря стояла мерзкая погода, и морская пехота, тогда еще носившая морские клеши, пройдя до берега по пояс в воде, дальше идти не могла – клеши одеревенели. Тогда моряки сняли клеши, сложили их штабелями, оставили дневального и при поддержке орудий «Красного Крыма» в подштанниках овладели Феодосией!

Несмотря на неудачу феодосийского десанта, наши войска полностью заняли Керченский полуостров. Сразу после Нового года весь штаб фронта, вернее, его первый эшелон был уже в Керчи. Мы шли туда из Новороссийска на эсминце «Кубань» (лед в проливе не держал автомашин), и утром 3 января 1942 года прибыли в Керчь. Разведотдел расположился на горе Митридат. Немцы бомбили и обстреливали Керчь, и этот день стал моим боевым крещением. Не могу сказать, что я не боялся, но за 2–3 дня привык и к бомбежке, и к обстрелу. А 10 января штаб выехал из Керчи и расположился в центре Керченского полуострова, в поселке Ленинск, куда мы добирались буквально по колено в грязи.

На этом рукопись обрывается. В тетрадь вложен еще исписанный до половины листок с описанием последних часов перед арестом. Вот этот текст.

Поезд прибыл в Краснодар около 2-х часов дня. Через час я был на Октябрьской, в техническом отделе РО. Попутная машина в Ахтанизовскую, где, как я узнал, по-прежнему размещался штаб Отдельной Приморской Армии, должна была идти около 17 часов. В доме, как и раньше, кроме техотдела, располагалась испанская диверсионная группа; я у них закурил и побеседовал. Начальник техотделения проводил меня к машине, и часов, примерно, около 10 вечера я прибыл в Ахтанизовскую и вошел в уже ставшую знакомой хату разведотдела. Повесив шинель, стал умываться у раковины, и тут вошел полковник Куценко. Он встретил меня вежливо, но как-то странно холодно, глядя не в глаза, а в сторону. Как бы между прочим сообщил, что генерал Трусов рвет и мечет, направил Ворошилову просьбу отменить приказ о моем откомандировании в Генштаб и приказал мне завтра, 1 февраля, в 8.00 утра отбыть через пролив в Ак-Монай, где зацепилась наша десантная группа. Взятые пленные, а допросить их некому. Ответив традиционным уставным «есть», я лег спать, не ведая, что это моя последняя военная ночь...

ПИСЬМА С ВОЙНЫ ЖЕНЕ

Написано карандашом на желтой оберточной бумаге.

Кировобад, 19.IX.41.

Любимая моя Верочка, детка моя дорогая!

Сегодня, наконец, получил твою открытку от 2.IX, где ты, деточка, совершенно напрасно называешь известие о моей мобилизации ужасным. Ничего ужасного нет, а теперь, когда я узнал, что ты с Лидой живешь прилично, вообще всё совсем хорошо.

Только сегодня нашел время и конверт для того, чтобы написать не открытку, а письмо. Несколько исторических подробностей, которые могут тебя заинтересовать. В Ленинграде примерно к 15 августа атмосфера стала довольно напряженной. Около 18 числа началась организация рабочих батальонов для защиты города. Мое положение совершенно перестало меня устраивать из-за своей неопределенности. Люся тебе об этих днях может рассказать. Утром 19-го я узнал, что Яша Беленький* погиб на фронте, и совсем потерял власть над нервами. Короче говоря, повестку, которую мне принесли 20-го в 6 ч. утра, я принял с радостью, и, несмотря на то, что был нездоров, сразу же явился в райвоенкомат.

После медицинской комиссии мне было вручено предписание о явке 21-го в 8 часов. Я успел только купить кое-какие продукты, отвезти немного вещей Люсе и немного Лейпунской и собрать самое необходимое в мешок. После довольно беспокойного трехчасового сна, сдав ключи от квартиры управдому, я отбыл. Немного жаль было квартиры и вещей, но это, конечно, пустяки. Жаль только, что не взял с собой некоторых вещей, без которых теперь тяжело. В общем, запер я нашу квартиру, поглядел еще разок на дверь, закинул мешок за спину, осеннее пальто взял в скатку и ушел. Долго ли, коротко ли, но к вечеру я погрузился в товарный вагон в составе 62-х пассажиров. В этом эшелоне ехало много знакомых ленинградцев, и ехали мы 17 суток. Большого удовольствия от этого путешествия я не получил, но, в общем, доехал благополучно и даже не заболел, несмотря на грязь, холод, жару и отчасти голод. 6.IX мы прибыли на место назначения. Попали в запасный полк (как ты знаешь

* Яша Беленький – сын старшего друга А. А. Иотковского.

из справки, высланной мною для тебя). Здесь после нескольких дней тяжелых бытовых неудобств началась новая непривычная жизнь. Военская дисциплина – с непривычки – тяжелая и сложная вещь, учтя, что мы на первое время приравнены к рядовым. Подъем в 5 часов, занятия строевые и прочие до 10 часов вечера с двумя перерывами, всё это при ужасной жаре, и затем 6 часов мертвого сна. Было довольно тяжело, но всё это уже позади. Через 5 дней я прочел лекцию для комсостава, а через 9 дней был назначен политруком эскадрона и переведен на режим командира. Наконец вчера мое запасное состояние кончилось. Я получил от округа назначение. Не могу, конечно, точно сообщить тебе, кем я назначен, но могу сказать, что буду работать в штабе крупного соединения на очень интересной работе. Мой отъезд несколько задержался, но на днях я уеду. Назначением я доволен еще и потому, что смогу высылать тебе 500 руб. в месяц. Беспokoиться обо мне, как я уже писал тебе неоднократно, нет никаких оснований. А я даже рад, девочка моя! Стыдно было бы сказать после этой великой освободительной войны, что я всю войну пробыл на гражданской работе. У нашей семьи дела лучше многих других. Ты и Лида устроены в безопасности, равно как и я. У нас все шансы вместе встретить день Победы. А что касается квартиры и вещей, то возможно, что они уцелеют, а если даже и нет – то наживем новые.

Кировабад – городишка забавный и своеобразный. Будет время – опишу свои впечатления. Питаюсь я прилично. Здесь очень дешево фрукты. Но, откровенно говоря, всё это омрачено мыслью о том, что вы, родные мои, терпите лишения. Чего бы не дал я, чтобы хоть на час увидеть и поцеловать вас, дети мои дорогие и любимые. Советую тебе, Верочка, устроиться на работу – это хорошо со всех точек зрения. Попробуй действовать через Финансовый институт. Действуй энергично, не унывай, и давай вместе верить в наше хорошее будущее, моя любимая, моя единственная. А я буду посылать тебе, сколько сумею. Деньги понадобятся и после войны. Я счастлив, что Лидуша ходит в школу, тебе же, повторяю, очень важно иметь работу. Ты, Котинька, зря скрываешь от Лиды действительность. Это неверно*.

Дней через пять я сообщу тебе мой новый адрес. Сейчас уже некогда писать, завтра читаю для командиров полка доклад о войне 1914–1918 годов, и надо к нему подготовиться. Пиши мне, сол-

* Какую именно «действительность» скрывала тогда от меня мама, я не знаю, а спросить не у кого (примеч. Л. Иотковской).

нышко мое, о себе, о родных. Не унывай и старайся найти работу. Целую тебя горячо, твой Саша.

Р. С. Привет Харитонам и Кондратьевым, привет и благодарность Н. Н. Семенову*.

Тоже карандашом и на такой же бумаге.

Сухуми, 11 января 1943 г.

Моя дорогая, моя любимая Верушенька!

Тебя наверно несколько удивило то, что я пишу тебе из Сухуми. Не удивляйся; война странная штука – может любого еврея забросить невесть куда! Я здесь в командировке на 5–6 дней, имею много свободного времени и пользуюсь случаем, чтобы написать тебе, родная, письмо подробнее и обстоятельнее.

7 января я получил приказание выехать. Шел дождь пополам со снегом, было очень ветрено и холодно, совсем близко, в горах, лежал снег. А я ввиду срочности выезда не успел даже захватить с собой теплые вещи и водку и выехал в одной шинели. Выехал я, правда, в закрытой эмке, взяв с собой полкило хлеба, двести гр. корейки, сто гр. масла и сто гр. сахара. Уже через три часа пути машина сломалась, я заночевал в первой попавшейся избе, закурил и лег спать. Утром, не успевши поесть, я поехал дальше, но уже в открытой грузовой машине под проливным дождем, даже без плаща. Можешь себе представить, в каком виде после семи часов пути я к шести часам вечера приехал в Сочи. На мне не было сухой нитки, и говорить я не мог – от холода сводило челюсти. Я зашел к совершенно незнакомым людям, попросил затопить печь и дать мне одеяло. Потом разделся догола, невзирая на присутствие женщин и детей, выкрутил белье, портянки, гимнастерку, брюки, развесил всё у огня, завернулся в одеяло, послал хозяйку за водкой, выпил триста граммов и лег спать в любезно уступленную мне постель в полной уверенности, что проснусь больным. Представь себе, что через 11 часов я проснулся совершенно здоровым. Всё было сухим, кроме шинели, из которой еще текла вода. Я поблагодарил хозяйку, отдал ей хлеб, корейку и сахар, кое-как натянул

* Академик Н. Н. Семенов – директор ИХФ (Института химической физики АН СССР), учитель Ю. Б. Харитона и В. Н. Кондратьева – ведущих сотрудников института.

мокрую шинель и опять взгромоздился на открытую машину. Небо было чистым, светило и грело солнце. Поехали дальше... Как по волшебству менялась природа. Пропал снег, появилась зелень – кипарисы, пальмы, магнолии. Солнце светило всё жарче и уже сильно припекало на остановках. Колхозники работали на полях, зеленели первые всходы. Небо стало синее, море – чернее. Прохожие ходили в летних платьях. Но мы все-таки ехали со скоростью до 50 км, и, хотя шинель моя на солнце и ветру высохла на мне, я, прибыв к месту назначения в 6 часов вечера, замерз опять, как цуцык. Но здесь меня уже встретили свои. Опять 200 граммов водки, таблетка стрептоцида, миска хорошего борща со свиной, кусок мяса, кружка компота – и потом, завернувшись в шинель, на диван и спать до семи часов утра. А утром 10 января, приняв душ и плотно позавтракав, я уже без шинели гулял под пальмами и по берегу моря и грелся на замечательном жарком солнце. Море было как зеркало, вдали виднелся корабль, даже не верилось, что идет страшная война. Однако одного взгляда на собственные сапоги было достаточно, чтобы вернуть меня к действительности. Если бы ты знала, как не хочется уезжать отсюда обратно. После войны, Верочка, мы обязательно вместе с Лидушей сюда поедem – здесь очень, очень хорошо. Я здесь отдыхаю не только физически, но, главное, отдыхают нервы. А в целом я чувствую себя хорошо. Здоров, ноги почти совсем не болят, питаюсь вполне прилично. Обещают через две недели отправить меня на 8 дней в дом отдыха, в отпуск. Как жаль, что я так далеко от Вас и не могу за эти 8 дней побывать в Казани. Настроение у меня значительно лучше, что объясняется, во-первых, нашими победами на фронтах и верой в приближение победы, а, во-вторых, почти полуторамесячным отдыхом в госпитале.

Вот одно только беда. Всё больше, всё сильнее начинаю я тосковать по дому, по тебе, Верушенька, по Лидочке. Особенно остра эта тоска в дни, когда я мало работаю, как, например, сегодня. Сидя на машине, я даже сочинил стихотворение. Я знаю, как ты не любишь стихи, но все-таки прочти его и никому не показывай. Оно грустноватое, потому что очень ярко сияло солнце, а я думал о том, как холодно в Казани, как тебе одиноко и грустно. А еще о том, как я люблю тебя, моя Веруша! Вот эти стихи.

Я ушел по военной суровой дорожке.

Мне, как видно, надолго война суждена.

Ты осталась, родная, в тоске и тревоге,

Милая, далекая жена.

Вижу ясно: в далекой ненужной Казани,
Одинока, грустна, от меня далеко,
После трудного дня – дня привычных страданий –
Ты мне пишешь письмо своей легкой рукой.

Оттого, что ты ждешь меня, дышится легче,
Я вернусь, ты напрасно себя не волнуй,
На губах и сегодня тоскливо трепещет
Твой прощальный, в слезах, поцелуй.

Мне лицо твое стало особенно мило...
Неустанно и страстно прошу у судьбы,
Чтобы слабеньких, узеньких плеч не сломило
Время тяжких забот и борьбы.

Я вернусь... Ты не плачь! Мы о горе забудем...
Знаю твердо – закончится злая война,
Как тебя целовать, как любить тебя буду,
Дорогая, родная жена...

Не сердись, Верочка, что я на старости лет стал писать плохие стихи. Сам не знаю, почему это у меня получилось. Во всяком случае, я написал их от души, хотя, конечно, можно было всё это написать и прозой. Только не показывай их, пожалуйста, никому.

Я вернусь, Веруня, обязательно, назло немцам. Только ты жди меня посильней и не падай духом. Победа уже близка. Немцы драпают, и конец их недалек. Судя по твоему последнему письму, у тебя настроение тоже исправилось, что меня несказанно радует.

Передай мой привет Люсе и Мусе. Как ее здоровье?

Целую тебя горячо, родная, и жду писем.

Твой Саша.

Лидуша! Спасибо за открытку и за пятерки. Ты молодчина, только пиши косым, а не прямым почерком. Помогай маме и не забывай меня. Целую тебя, доченька, крепко.

Твой папа.

От издательства

В архиве А. Иотковского сохранились две брошюры, изданные во время войны в 1943 году:

1. Справочник по национальным частям и легионам, действующим перед фронтом ЧГВ ЗКФ в составе 17-й немецкой армии, по состоянию на 01.01.1943 г.

2. В помощь командиру-разведчику и военному переводчику.

А. Иотковский является автором второй брошюры и, вероятно, одним из авторов первой, поскольку она составлена разведотделом штаба ЧГВ, членом которого он был. Начав войну в должности военпереводчика разведотдела штаба Крымского фронта в звании капитана, в мае 1943-го он получил должность заместителя начальника следственной части РО Черноморской Группы Войск Северо-Кавказского фронта.

Историческая значимость брошюр очевидна. Обе они приведены в приложении к книге на с. 93–149.

ТЮРЬМА

ДВА РАССКАЗА

Недоразумение

За что я срок отбываю, спрашиваете? – По недоразумению! Однако вопрос этот для меня непростой, и так просто я вам на него ответить не могу. Это надо всю историю мою, всю, значит, автобиографию сначала рассказать. Конечно, если коротко ответить, как на переключке, то сижу я по пятьдесят восьмой статье, пункт шестой через семнадцатую. Знаете, наверно – пособничество шпионажу. И ещё за побег. По совокупности пятнадцать лет схлопотал. Однако если по правде, то всё это – липа. Туфта, одним словом. И побега не было, и никакого пособничества шпиону, будь он трижды проклят, в рот его мотать, я не оказывал. Чистейшая липа... И не думал, не гадал никогда я за политику по пятьдесят восьмой срок отбывать. Вор я. Вор в законе. Вы в лагере уже не первый год, так, стало быть, понимаете, что я говорю! Урка я, одним словом. И не только я не располагал, что мне эту пятьдесят восьмую самому припают, но, по правде говоря, не обижайтесь, до этого моего срока я всю эту пятьдесят восьмую, вашего брата, контриков, презирал и за людей не считал. Вот, бывало, в прошлые сроки политики некоторые в разговоре промеж собой рассуждают и обижаются. Почему же это, говорят, нас, по пятьдесят восьмой которые, на общих работах доводят, а все лучшие должности, все, стало быть, командные работы бытовикам отдают. Нарядчик, скажем, – урка, заведующий столовой – налетчик, хлеборез, опять же, – уркаган или кто другой. Они, мол, живут, над нами командуют и измываются, и сыты, и одеты, и тяжело не работают, и легко срока доживают, а из нас, политических, на общих работах больше половины загигают и до конца срока не дотягивают. И тут, бывало, я не выдерживаю, в их разговор встречаю и так им, примерно, говорю. Фраера, говорю, вы, контрики очкастые! Так ведь

и по справедливости, говорю, нам, уркам, над вами командовать следует. Ну, пусть, например, я – вор, уркаган, и пусть у меня с лягавыми вечная борьба идет. Моя возьмет – живу, их взяла – в лесу вкалываю и казенную баланду хлебаю. Но ведь я не против советской власти, ведь это – рабочая власть, и ничего я против нее не замышляю. А вы, падлы, фашисты, на что руку подняли? На рабочую власть поднимаетесь, назад к капитализму повернуть хотите! Давить вас, говорю, надо, и чем скорее вы загнетесь, тем лучше! Вот как я думал и сильно через это политических ненавидел. По совести говоря, много я в лагерях вашему брату зла сделал. Не один через меня дошел и дуба дал! Однако теперь-то я на своем горбу понял, как пятьдесят восьмую паяют, понял, что ничего ровнешенько вы против советской власти не замышляете и срока получаете ни за хрен. И ясно мне стало, что вам хуже, чем нам. Урку пока за руку не схватишь – не засудить. А вас, б... буду, ни за хрен сажают. Без суда, без следствия, на одном чистом мордобое. В общем, понял я теперь, почем фунт вашего лиха. А случилось это со мной вот как.

Воровать я, друг, начал рано, с четырнадцати лет, и к семнадцати уже был в кодле и о другой жизни не мечтал. Два раза срока получал. Выходил досрочно. Опять за свое брался. И попал в третий раз. Погорел я на этот раз по мелочи, по пустякам... Дали мне три года. С таким детским сроком в лагере не жизнь, а малина. Первые два срока были у меня один раз шесть, другой – восемь лет. Тогда пришлось помантулить. Леса этого самого наваял я миллион физиков, физметров, значит. Всего-навсего пробыл я в лагере двенадцать лет, с перерывом в два года. Вошел мальчишкой, а вышел в тридцать седьмом уже в возрасте: тридцать четвертый год мне пошел. Год побыл на воле. Работал, конечно, по старой специальности. Жить можно было неплохо. И вот опять попался. В тридцать восьмом году пришел я в лагерь сроком на три года. Лагерь лесной или, как его там называют – лесоповальный. На реке Унже. Тайга, чащоба! Политические рассказывали, будто в этих местах раньше раскольники скиты строили, от власти царской спасались... На пересылке ребят своих встретил, научили. Когда на лагпункт привели и про специальность спрашивать начали, назвался я железнодорожником. Срок у меня – три года, не политический, и расконвоировали меня сразу. Назначили путевым сторожем на лагерную железную дорогу. В лагере своя железнодорожная ветка для вывоза леса, от станции Сухобезводное – в лес, вглубь, километров на сто двадцать. Стал я жить да поживать. Участок у меня небольшой, на разъезде своя избушка у самой

линии. Днем похожу да вечером разок пройду с фонарем. Всю ночь почти сплю, да и днем всхрапнуть можно. Паек сухой выдают. Каптер на лагпункте – парень свой, из уркаганов. Всегда лишку дает, а я ему легкого табачку да сальца зато подброшу. Табачок, спрашиваете, откуда? А у меня всякого добра вдоволь было. В лагере сидят больше по пятьдесят восьмой статье, контрики. Срока у них большие, свиданий и передач им не разрешают. Жены, матери и сестры к ним ездят. Из последних сил собирают для них передачи, а у них не берут. На полустанок возвращаются мрачнее тучи. Сговоришься, кое-что контрику иногда передашь, а больше себе оставишь. Деньги и шмотки для передачи тоже брал. А жалости к ним, к политическим, я же сказал, тогда у меня не было. Был у меня всегда и табачок, и сало, и колбаса копченая, и шоколад, и винцо, и деньги, и шмотки. Всё было... Как сыр в масле катался. Бабу себе завел, стрелочницу, зека бесконвойную. Раза два в неделю ко мне тайком днем похаживала. Профессора московского жена. Ох, и хороша была. Мужа взяли, и без вести пропал. То ли шлепнули, то ли далеко заслали. ПШ ему паяли. Это значит – пособничество в шпионаже. Ну а она три года по двенадцатому пункту схлопотала. Знала – не сказала. Барынька московская. Белоручка, в стрелочницы попала, на лагерных харчах доходить стала. Подобрал я ее, подкормил. У меня всего много, а она голодная. В общем, моей марухой стала. По утрам вертухай проверять меня приходил. Не сбежал ли. Хотя понимал, что бежать мне не расчет! Так ведь и он не богато живет. Сунешь ему иногда полсотни – и порядок. Ничего не видит. Даже прическу и бороду я носил, хотя и строго не положено это по режиму. Не успел я оглянуться, как два года пролетело. Год сроку остался. Был у меня в зоне, на лагпункте, корешок. По пятьдесят девятой за бандитизм отбывал. Как встретимся с ним, все уговаривает меня смыться, сбежать. Знаю я, говорит, таких людей в Москве, в Марьиной Роще, ксиву сделают лучше настоящей, а убежать нам при твоей работе – пара пустяков. Куда там... Ни в какую я не согласен. Мне и так неплохо...

Но, однако, подкараулила меня злая беда под новый 1940-й год. Решил я новый год встретить чин-чинарем. На воле в это время финская война шла. Ну, мне-то это до фонаря. Однако политические замитусились, заволновались, стали заявления подавать, хочу, мол, добровольно на фронт, с белофиннами воевать... Непонятно мне это было. Да я сто лет в лагере согласен отбывать, чем под пули лезть. Жизнь-то однажды дается. Но, однако, это между прочим! Подкопил я продуктов, закусок; на лагпункте, на мебельном про-

изводстве, политуры раздобыл (на сало сменял), пригласил двух корешков, тоже железнодорожников зека, да маруха моя, да ненадолго вольнонаемный кондуктор, таясь, с бабой пришли. Больше в избушку не лезет. Сели...выпили...закусили...еще выпили, еще и еще... Песни петь стали. Про Таганку, про Колымский край. Знаете, наверно! Хорошие песни, жалостные, наши, словом, песни. С утра я захоптался, голодный был, развезло меня сильно. Но сознания не теряю. Время уже позднее. Час ночи. Кончилось у нас спиртное. А выпить еще охота... Купить негде. Вот я и вызываюсь. Давайте, говорю, ребята, я к путевому сторожу на соседний разъезд съезжу; у него запас политуры всегда есть! Тут как раз маршрут с балансом груженный подходит. Сказано – сделано. На мне шмотки законные: телогрейка новая, первого срока, бурки белые новые. Наверх я еще полушубок сукном крытый надеваю (у контрика я этот полушубок на полкило хлеба сменял). Подождите меня, говорю. Я через полчаса вернусь! И в теплушку с лесом забрался. До следующего разъезда километра три всего и ехать-то... А дальше было так. Забрался я в вагон, завернулся в полушубок, угрелся и... заснул крепким сном. Просыпаюсь, поезд стоит, сколько времени прошло, не соображаю. Выскочил из теплушки, огляделся... Японский бог! Поезд стоит на запасном пути. Вдали большой вокзал виднеется, огни светятся. Подошел ближе – город Горький! Вот я, значит, и стал беглым. Обратного пути нет. Там меня в девять часов уже на первой поверке хватят, заявят во взвод охраны. На Керженце сразу тревога – розыск беглого. Если я сам своей волей теперь вернусь, всё равно срок дадут. И на формуляре красную черту поставят: беглец. Это значит всю дорогу, от звонка до звонка, будешь ходить со свечкой, под конвоем. Всю дорогу будешь лес валить, в воде и в снегу, в мороз и в жару, на одной крапивной баланде и с горбушкой в пятьсот граммов. Обязательно дойдешь и загнешься. Нет, однако, думаю, Бородкин (это моя настоящая фамилия – Бородкин)! Так я не согласен. Раз уж так случилось, пусть буду в бегах. Поживу на воле. Одет я прилично, законно, денег у меня в кармане триста рублей с гаком. Надо только поскорее со станции уходить. Зашел я за вагон, почистился, отряхнулся и спокойным, уверенным таким шагом иду на вокзал. Огляделся – всё тихо, никого из лагерного надзора не видать. А милиция и не подумает, что я зека. Борода и прическа спасают. Посмотрел на расписание. Поезд в Москву идет через полчаса. Подошел к кассе, купил билет до Москвы, плацкартный, нижнее место. В парикмахерскую забежал, побрился, в ресторан зашел – сто граммов у стойки пропустил, опохмелился,

бутербродом закусил и к самому отходу поезда, под свисток, занял свое плацкартное место. Лег досыпать. В общем, чтоб долго не рассказывать, доехал я до Москвы без приключений. Своих корешей отыскал, встретили меня хорошо, опять в кодро попал. В Марьиной Роще законную, правильную ксиву справили, бороду я сбрил, усы на всякий случай отрастил. И паспорт сделали мне на фамилию Усов. Стал опять по своей специальности заниматься. Жить стало опять неплохо. Только постоянное жительство заимел в Серпухове. От греха подальше. Сторожем на хлебозавод для отвода глаз нанялся. Сутки дежурю, двое – свободен. Пошла вольная жизнь. О лагере забывать понемногу стал. Работал осторожно, не зарывался.

Жил больше в Серпухове, у марухи. Часто в Москву ездил – душу отвести. Серпухов – городишко скучный. Ресторана приличного нет, разве только на вокзале. Вот однажды вернулся я невзначай и у бабы своей в кровати фраера одного застал. Очень я озлился, его выгнал, об нее табуретку изломал и решил в тот же час обратно в Москву податься, горе веревочкой завить! А приехал я в тот день в Серпухов после дела. Денег у меня было много, тысяч шесть, наверно, по всем карманам рассовано. Прихожу на вокзал, поезда еще нет, пойдет только через полчаса. Зашел я в ресторан, и такая во мне злость. Думаю, как бы это выпить поскорее. А вечер субботний. В ресторане ни одного столика свободного нет... Хожу, ищу места, чтобы присесть и выпить. Вижу, сидит за столиком у стены один высокий, чернявый. Одет хорошо. Взгляд сумрачный, по сторонам не смотрит. Перед ним салат и графинчик на пол-литра, почти пустой. Мужик, видать, серьезный. Возле столика еще один стул, к столу прислоненный, как будто занятый или для кого-нибудь предназначенный. Я к этому чернявому обращаюсь, говорю: «Свободное у вас место?» Он на меня едва взглянул и отвечает: «Занято!» А я опять ему говорю: «Может быть, разрешите минут на десять присесть?» А про себя думаю: мне бы до поезда граммов двести пропустить, на душе полегчало бы. А чернявый быстро так на меня взгляд кинул и отвечает: «На десять минут можно». Поблагодарил я его вежливо, сел, постучал вилочкой об тарелку, заказал официанту двести граммов и селедочку, сижу, водки дожидаясь, по сторонам поглядываю. Глаз у меня наметанный, и замечаю я, что около входной двери человек стоит, в серой кепке, в черном пальто и руку правую из кармана не вынимает, и лицо у него такое очень уж безразличное. Ой, думаю, не иначе как оперативный работник из уголовки. К чему бы это? Однако соображаю – у меня всё чисто, следа нет,

документы у меня правильные. Сижу, на соседа поглядываю. А сосед берет свой графинчик, в мою рюмку наливает и говорит: «Поскольку вы, видите, торопитесь, выпейте моей, пока вам ваш графинчик не принесли. А когда принесут, мол, сочтемся!» – «Ну что ж, спасибо», – говорю.

Рюмку я эту выпил, корочку нюхаю и вдруг вижу: подходит к чернявому сзади человек, нагибается и что-то на ухо говорит. И в тот же момент, чувствую, кто-то на плечо мне руку положил и тихо так в ухо мне шепчет: «Встань и иди к выходу в город. Если побежишь – буду стрелять в спину!» Ну, я, конечно, по ухватке вижу – лягавые. Пошли. Как из вокзала вышли, сразу за дверью как из-под земли выросло штук шесть их. Повели. Смотрю – машины две. В одну – меня. В другую – чернявого. Посадили. Напротив меня сел тот, в серой кепке, которого я в ресторане приметил, вынул пистолет из кармана, на меня навел. Говорит: «Сидите тихо. Встанете – застрелю!» Сижу, конечно, тихо. Размышляю. Смекаю – взяли нас обоих враз. Значит, по одному делу. Не за мои, значит, старые дела. Тем делам след потерян. Значит, заодно с чернявым замели. А я его в первый раз вижу. Ну, значит, думаю, дело пустое. Одна беда – по отпечаткам пальцев могут личность установить и за побег десятку приложить. Да и беспокоит меня, что уж очень строго брали. Что за дела такие у этого фраера чернявого? Дальше – больше... Приехали в Москву, везут на Лубянку, во внутреннюю тюрьму НКВД. Ну, думаю, – плохо дело. Наш брат, уркаган, к Таганке привык, на Лубянку дороги не знает. Привезли, обшмонали, отняли, натурально, всё: деньги, паспорт, пуговицы обрезают, пояс, подтяжки, шнурки от туфель отобрали. Отпечатки пальцев брать не стали и – в камеру. В одиночку. Обрато – баланда! Ну что долго рассказывать. Горя хлебнул я вволю. Три раза срок отбывал, приводов было без счета, а такого не встречал. Порядки здесь в тюрьме особые, специальные, мучительные, чтобы человек особенно свое несчастье и беспомощность чувствовал и понимал. Весь день лечь нельзя. Ночью встать нельзя. Говорить нельзя. Читать нельзя. В глазок вертухай, почитай, всё время смотрит. Дня через три в первый раз на допрос повели. Корпусной с дежурным пришли, глазок открыли, по фамилии не вызывают. Шепотом говорит: «На «У» – выходи!» По коридору вдвоем ведут. Идут – молчат. На поворотах пальцами прищелкивают, а если сами услышат прищелкивание, шепотом командуют «к стене», и стоишь, носом в стену уткнувшись, пока встречные не пройдут, а на дороге другие стоят, носом к стене приставлены, пока меня не проведут.

На первых двух допросах ничего я не понял. Не разобрался. Следователь с двумя шпалами, чистенький такой, аккуратный, лицо румяное, широкоплечий, глаза серые, взгляд холодный, подозрительный. Сидит за столом, а я посередине комнаты на табуретке. Спрашивает, где родился да где крестился, да где работал. Я ему, натурально, всё согласно документов докладываю. Любезно так со мной разговаривает. На третьем допросе (это я уже две недели в одиночке сижу) спрашивает, где я с чернявым познакомился, давно ли его знаю и как ему фамилия. Я все, как на самом деле было, рассказываю. Фамилии, говорю, не знаю, видел в первый раз. А он: кто и когда, говорит, сообщил вам пароль, с которым вы к этому неизвестному вам человеку обратились? Ну, а я говорю, что никакого пароля я не знал и не знаю. Встает тогда следователь и по комнате передо мной расхаживает. Потом передо мной остановился и тихо так спрашивает: «Будешь, б..., признаваться?» И как в висок мне врежет. Я сам был в те годы не слабенький, и драться в жизни приходилось, но следователь, видно, специально был драться обучен. Как поленом по голове ударил. Свалился я со стула, в голове у меня помутилось... Только начал подыматься, а он меня ногой в пах как двинет. Взыл я и за стул схватился. А он пистолет в руке держит и тихо говорит: «Поставь, сука, стул – убью!» Испугался я, вида, однако, не подаю, стул спокойно ставлю. Ну, думаю, дела! В уголовке такого не бывало никогда. Бывало изредка, уполномоченного из себя выведешь, в ухо даст. Но ведь это в кои веки раз. Да и дело там проще. Раз взяли, так значит, улики налицо и вещественные доказательства, и запираются резону нет. А тут ведь ни сном, ни духом. Японский бог! Убьет ведь запросто, зверюга!

А следователь опять за стол сел и говорит: «Следствию, Усов, точно известно, что ты был в 1938 году завербован английской разведкой и в течение уже двух лет занимался шпионской деятельностью. Ты был арестован в момент встречи с резидентом по паролю. Я тебе, сволочь, в последний раз говорю: признавайся. Расскажи, кто вербовал, с кем и как связь держал, где явки, – тогда, может быть, жизнь сохранишь. Я, – говорит, – предупреждаю тебя, в ногах ползать будешь, умолять, чтоб позволил я тебе всё рассказать! Поздно будет!»

Что дальше было, как сквозь туман помню. Сначала стал следователь мне на допросах прожектор в глаза наставлять и заставлял на него смотреть. Чуть отвернешься – железным прутком куда попало лупит. Страшное дело – этот прожектор. Ну, да вы, небось, сами хлебнули! Потом стали вдвоем, с лейтенантиком

молоденьким в очередь меня терзать. Спать не давали, по трое суток из кабинета не выпускали, смертным боем били и жрать не давали. А на столе у следователя и закуска, и выпивка, и курево. «Сознайся, – говорит, – и ешь, сколько влезет». Доплыл я, едва на ногах держусь. Но нет, не сознаюсь. Понимаю, что сознаваться, в чем не виноват, нельзя – амба будет. Шуточное дело – шпионаж. Так с месяц, наверно, как в дурном сне прошло. Всё ничего на себя не говорю. Не может того, думаю, быть, чтобы правда не выяснилась. Ведь не виноват я в шпионаже. Однако дальше – хуже. Читает мне следователь показания этого чернявого, фамилия ему будет Розенберг или что-то в таком роде похожее, и пишет он, сука, что была у него явка в ресторане, на вокзале в Серпухове, и будто я к нему с паролем подошел. Ну, чертовщина! Сам я путаться стал, где правда, а где выдумка!

Вызвал меня следователь, в который раз признаваться велит, линейкой по затылку лупит. В это время дверь без стука открывается, входит энкавэдэшник аж с тремя ромбами. Сытый, гладкий, с пузом. Мой следователь вскакивает, становится по стойке смирно, докладывает. «Товарищ, – говорит, – замнаркома! Старший следователь, майор государственной безопасности Максимов допрашивает подследственного Усова по обвинению в шпионаже по делу Розенберга!» С ромбами который рукой махнул, на угол стола присел, оглядел меня. Видок у меня, натурально, неважный: грязный, рваный, небритый, один глаз заплыл... Спрашивает Масимова: «Ну как, сознался?» – «Никак нет, запирается, товарищ заместитель народного комиссара!» Посмотрел этот замнаркома еще раз на меня, на следователя, усмехнулся, нехорошо так, криво усмехнулся, сказал: «Говнюки, бить не умеете», – и тихонько из кабинета вышел. А Максимов, только за ним дверь закрылась, кнопку на столе нажимает, входят двое гавриков и ко мне. Одолели они меня вместе с Максимовым быстро. Били на совесть. Очнулся я в углу, кабинет перед глазами у меня плывет, на одно ухо вроде не слышу ничего, во рту солоно от крови, правой рукой не пошевелить. Голова ну прямо раскалывается. Видно, чем-то тяжелым стукнули. С тех пор, заметили наверно, я правым глазом без надобности подмигиваю. Следователь щеточкой гимнастерку чистит, после к умывальнику подошел. Долго руки мыл, мою кровь отмывал. Потом – ко мне, носком сапога пнул в бок и говорит: «Ну вот, Усов! Видишь, к чему запирательство приводит. Последний раз тебе говорю, раскалывайся! Через пять дней я твое дело кончать буду. Двести шестую подписывать будешь. Признаешься – может быть, жив будешь. Нет – печенки отобью и всё равно под вышку

подведу. Сегодня ночью в последний раз тебя вызову». Нажимает кнопку. Вертухай входит. Уведите, говорит, в камеру. Как я встал, не помню. Едва до камеры дотащился. Баланду есть не стал. Лежу, думаю. Хана тебе, Бородкин! Паяют мне шестой пункт, шпионаж. Хуже не бывает. И хоть ни в чем я ни сном, ни духом не виноват, а придется признаваться, иначе забьет сволочь эта, Максимов, черная душа. А признаешься – обязательно вышка. Что в лоб, что по лбу. Разве с такой махиной, как НКВД, совладаешь, если в ней ни правды, ни совести нет.

И тут вдруг меня осенило. Чем за шпионаж вышку получать, лучше уж за побег десятку огрести. Плохо, конечно, с красной полосой на формуляре срок отбывать. Но ведь чем черт не шутит! И под конвоем, и на общих, бывает, выживают. Здоровье, тем более, у меня хорошее, если гад этот Максимов с подручными внутри чего-нибудь не нарушил. А иначе верная шлепка. На душе у меня полегчало, до стола я доковылял, баланды холодной поел. Как велел вертухай спать ложиться – как убитый уснул. Ночью вызывают на допрос, как Максимов обещал. Привели, сажусь и сразу говорю: «Гражданин начальник, имею заявление!» Ухмыльнулся Максимов. «Ну вот, – говорит, – давно пора, здоровее был бы!» Чернильницу открывает, чистый лист вынимает, перо в руку берет. «Пишите, – говорю, – гражданин начальник. Не Усов я вовсе, а Бородкин, и в шпионах я с 1938 года не был и быть не мог, потому что я и тридцать восьмой, и тридцать девятый годы срок в лагере отбывал, а в ночь под новый 1940 год смылся до срока. Уркаган я и политикой никогда не занимался. Можете справиться в Унжлага НКВД». Сказал я всё это, и сразу на душе легче стало. Ну, думаю, все-таки нет худа без добра. Пофартило мне, скинул с себя я этот шпионаж мотаный. Однако Максимов сидит мрачнее тучи, на меня не смотрит и ничего не пишет. Снимает трубку телефонную. Набрал номер и говорит: «Дайте справку. Имеется ли розыск на Бородкина, совершившего побег из Унжлага в январе 1940 года?» Подождал минут пять. Потом говорит: «Прочтите приметы! Так. Статья? Срок? Так. Спасибо, до свиданья». Повесил трубку. Минуты три молча посидел. Пальцами по столу постучал. Глаза на меня поднял. И такие в этих глазах были злость и холод, что меня страх взял, и под ложечкой засосало. Посмотрел Максимов на меня и говорит: «Нет, сволочь ты этакая! Этот номер у тебя не выйдет. Надо было, падла, сразу говорить! Три месяца я с тобой провозился, кулаки об твою поганую морду поотбивал, всё дело оформил, и опять всё насмарку? Нет! В этом деле у меня брака быть не может! Всё равно буду тебя оформлять как шпиона,

а побег довеском будет». Растерялся я от неожиданности. «Не выйдет, – говорю, – начальничек! Я на суде всё расскажу!» А он: «Дурья голова, – говорит и одним углом рта лыбится, – дурья твоя голова! Да ты суда и в глаза не увидишь. Я тебя в два счета через тройку оформлю. А поскольку ты еще и беглый и уже три срока отбывал, то я тебя так разрисую, что шлепка тебе обеспечена. Я тебе, сволочь, покажу, как Максиму сюрпризы устраивать!»

Понял я, что мне окончательная хана. Последний мой шанс, выходит, бит оказался. И озлился я до чрезвычайности. Всё равно, думаю, пропадать, так я хоть эту гадину со шпалами порешу. Схватил табуретку, на которой сидел, и на Максимова... Однако за три месяца следствия стал я доходягой, да и ноги-руки побиты, сноровка прежней нет. А Максимов, сучье племя, здоровый, гладкий, выспавшийся. Одним словом, не успел я замахнуться, как он меня с катушек сбил, в угол загнал и ногами топтать начал. Бил он меня, пока не устал. Сел за стол, отдышивается. Пистолет вынул, на стол положил, руки с него не снимает. И тут будто надломилось что-то во мне. Упал я духом окончательно, и стало мне всё на свете безразлично. Зубы он мне повыбивал, губы разбил, юшки у меня полный рот. Утерся я рукавом. «Ладно, – говорю, – твоя взяла! Мать твою, – говорю, – в гроб и в душу! Пиши что хочешь!» А Максимов отдышался, стол открыл, вынул бутылку водки и стопку, налил полную и на стол поставил, кусок хлеба с колбасой рядом положил, папиросу из портсигара вынул и тоже рядом со стопкой положил. «Ну вот, – говорит, – давно бы так! Молодец! Ты, говорит, меня пойми! Знаю я, что кроме побега ни в чем ты не виноват, но не могу я теперь всё дело переиначивать. Меня за это по головке тоже не погладят. А я тебя, – смеется, – за правдивые и искренние показания и проявленное раскаяние постараюсь в живых оставить! Подойди к столу, выпей, закуси, закури и слушай, что ты подписывать будешь. Запоминай лучше, и боже тебя упаси потом от чего-нибудь отказаться. До Серпуховского ресторана всё будет, как ты говорил, как на самом деле было. А дальше дело так было. Ты с Розенбергом вместе водку пил, он тебе шесть тысяч денег дал, а ты за это взялся его записку в Москве главному бухгалтеру Мосторга, Селезневу Михаилу Ивановичу, передать. И все!» – «Ладно, – говорю, – пиши! Только зачем же еще одного без вины впутывать, зачем мне Селезнева этого топить?» «А это, – отвечает Максимов, – не твое собачье дело. У меня с этим Селезевым свои счета!...»

Ну, я водку выпил, закусил, закурил. Сижу пьяный. «Ладно, – отвечаю, – хрен с ним, с Селезевым. Чем он меня лучше. Пиши,

черная твоя совесть!» Долго он писал, с час, наверно. Подписал я, не глядя, где он мне показал, и повели меня в камеру. Ушел я, не поглядев на него. Противно было морду его гладкую видеть. А наутро меня в общую камеру перевели, вместе с политическими. Тут узнал я, как из вас контриков мастерят. Еще почище моего Максимова. Но об этом особый рассказ. Через месяца полтора объявили мне решение Особого Совещания НКВД: «За пособничество шпионажу в пользу иностранного государства (вот куда завернули) и за побег из мест заключения, по совокупности – пятнадцать лет».

Вот как я сюда попал. Однако думаю срок дожить. Потому, отбил-таки мне Максимов чего-то внутри, и на общие меня не гоняют. Дневалю, вот, у вас в бараке... И воровать – завязал!

Сочувствие

День был серый и ненастный, как и все дни на этой неделе – второй лагерной неделе Никольского. Уже начался июнь, но в ложбинах в лесу лежал еще рыхлый почерневший снег. Тепла еще не было. Солнца – тоже. Небо было закрыто низкими тучами, сеялся мелкий незаметный дождь, пропитывавший одежду до самого тела. С севера дул порывистый, мокрый ветер. Но, возможно, погода только казалась Никольскому плохой. Он был истощен, голоден и очень плохо одет. Работа, к которой он так стремился, которая казалась ему единственным спасением и поначалу радовала и бодрила, была ему теперь в тягость. Может быть, потому, что он, привыкший всю жизнь работать хорошо, лучше многих, сейчас работал плохо. Никольскому не хватало сил и сноровки. Надо было за день свалить с корня, разделить и подтащить к лежневке четыре физметра, четыре «физика», как говорили лесорубы. Никольский выполнял только половину, а то и четверть этой тяжелой нормы, рассчитанной на здорового, сильного и бодрого человека. Вот и сегодня весь день, с пяти часов утра он работал через силу, видел, что только мешает сработавшейся бригаде лесоповальщиков, переживал это как очередное унижение и не находил выхода из этой новой беды. К концу рабочего дня, после 10–11 часов непосильного труда Никольскому стало совсем плохо. Он то сильно потел, то дрожал от холода, болели голова и руки, слезились глаза. Когда, наконец, конвоир прокричал отбой и осточертевшее предупреждение о том, что два шага вправо или влево будут считаться побегом, и что конвой будет стрелять без предупреждения, серая грязная колонна заключенных построилась

на просеке. Никольский плохо держался на ногах. Предстояло пройти семь километров по тяжелой дороге, выстоять долгую очередь на обыск, потом в столовую, съесть миску крапивной баланды, немного овсяной каши и двести граммов горького сыпучего хлеба. И только потом можно было, не погасив чувства голода и остро ощущая свою нечистоплотность, не умываясь и не раздеваясь, лечь на нары, недолго потерзать себя воспоминаниями и провалиться в яму тяжелого, не освежающего сна. Но всё это только предстояло и было пока нереальным. А реальные семь километров пути внушали Никольскому страх. Скорее механически, по привычке, чем сознательно, встал он в строй.

Обычно на обратном пути с работы уставший за день конвой был не так строг, как по пути на работу, и правило «в строю не разговаривать» практически не соблюдалось. Значит, можно было за полтора-два часа путь поговорить с людьми, послушать новости и в который раз рассказать о себе, о том, что он ни в чем не виноват, что он всю жизнь честно работал на благо своей страны и никогда даже в мыслях своих ничего против нее не замыслил. Эта неукротимая потребность в беседах о прошлом, эта добровольная пытка воспоминаниями опустошали душу и доводили до отчаяния. Но не было сил отказаться от прошлого. Вспоминались почему-то не постоянный в предвоенные годы страх ареста и не суровые тяготы фронта. Перед глазами всё время стояли самые недоступные вещи: солнечный, людный Невский проспект, полки книг, «вознесшихся стеной» в его маленьком рабочем кабинете, крахмальная скатерть, чистая постель и мягкое пушистое ухо откинутого одеяла...

Медленно и уныло по четыре в ряд двигалась длинная колонна серых людей. Ее конвоировали шесть человек и две собаки. Один конвой впереди, по два солдата с каждой стороны, один замыкал колонну. Все шестеро несли винтовки на ремне, а замыкающий вел на длинных поводках двух собак. Никольский шел с трудом. Подгибались ноги, слабело сердце, кружилась голова, противно поташнивало.

Колонна шла по гати, бревна покачивались под ногами, грязная болотная вода брызгала на одежду. Сосед впереди справа полуобернулся, внимательно поглядел на Никольского и ухмыльнулся. Это был Деразов, симферопольский актер, служивший в немецкой симферопольской полиции и занимавший какую-то ответственную должность в татарском крымском самоуправлении при фашистах. Этот юркий, небольшого роста человек, в котором было что-то виляющее, вызывал острую ненависть Никольского

и платил ему тем же. Он попал в лагерь в 1944 году, за три года до Никольского, сразу после освобождения Крыма, получал частые и богатые посылки и жил в лагере лучше многих. Ненависть Никольского к Деразову не была случайной. Несколько дней назад, ища слушателя, чтобы рассказать ему о своей невинности, о прошлом, о надежде вернуться к жизни и работе, Никольский обратился к Деразову. Молча выслушав Никольского, Деразов повернул к нему искаженное злобой лицо и глухо сказал: «... ня всё это! Никто тебе не верит! Ни начальство, ни охрана, ни зека – никто! Все слушают твои байки и твердо знают, что ты – контрик, заговорщик, сволочь и враг. И только прикидываешься невинным, потому что трусишь, боишься расплаты! И никогда не поверят, хоть ты разбейся! Отрезанный ты ломоть и для советской власти, и для партии, и для всего народа – чужой и враг! Ищи себе других друзей!». Никольский был ошарашен. Задыхаясь и волнуясь, он сказал: «Нет, врешь! Врешь! Не может этого быть! Следователь мне не верил, так это потому, что он сам враг или обманутый дурак. А народ мне поверит, всем нам, невинно сюда попавшим, поверит! И не надо мне других друзей...» Горькие слезы закипели в его глазах, он отвернулся и больше не говорил до самого лагпункта. А, может, и прав этот прохвост, подумал он тогда, и нет мне пути к партии, к народу. И никогда я к ним не вернусь, как не вернулись сотни людей, которых я знал, людей верных и честных, в которых и я усомнился...

С тех пор Никольский избегал Деразова, но вот сегодня опять оказался рядом с ним. Деразов оглядел Никольского и удовлетворенно сказал: «Доплываешь, коммунар! Видок у тебя тот, правильный! Поверь слову – жить тебе осталось от силы неделю! У меня на это глаз верный, не первого провожаю. Ну, да тебе, пожалуй, и лучше загнуться! Уж больно ты свой позор переживаешь, о прошлом скорбишь. Только всё равно, человек ты конченный! И для советской власти твоей любимой и для твоего дорогого народа!». И столько было в его словах беспощадной уверенности, и в такое наболевшее место попали эти злые, подлые слова, что Никольскому безнадежность возврата к такой желанной прошлой жизни показалась очевидной. Тоска обвилась вокруг его сердца. И вдруг он понял, что идти больше не может и не хочет, а хочет только любой ценой хоть на минуту присесть на один из пеньков, изредка торчавших по краям гати, по которой шла колонна. Никольский заметил один из таких пеньков. Пенек был в стороне от гати, метрах в 30–40, и Никольский, не меняя медленного шага и волоча ноги, вышел из колонны и направился к пню.

Начальник конвоя, уже не молодой солдат лет сорока пяти – сорока восьми, идущий сбоку в конце колонны, закричал: «Колонн, стой!», – сорвал с плеча винтовку и бросился вслед за Никольским, на бегу взводя затвор и крича: «Стой, сволочь! Стой, мать твою... Стой, стрелять буду!». Хрипло залаяли две овчарки и натянули поводки. Колонна заключенных остановилась и стояла в полном безмолвии, словно чувствуя приближение чего-то непоправимого и страшного. Оба они – Никольский и конвоир – достигли пня почти одновременно. Никольский доковылял до пня, тяжело сел на него и удовлетворенно скрестил худые грязные руки на коленях. Конвоир добежал сразу вслед за ним, направил дуло в грудь сидящему зека, негромко и зло бросил: «Застрелю, сука! Враз застрелю!». Никольский медленно поднял глаза и так же тихо ответил: «Сделайте милость, застрелите. Убейте, пожалуйста», – и посмотрел в злые, чуть выкаченные глаза солдата.

Начальник конвоя медленно отвел дуло винтовки от груди нарушителя, упер винтовку прикладом в землю и посмотрел на заключенного неожиданно долгим и внимательным, странным каким-то взглядом. Чуть помедлив, он глубоко засунул правую руку в карман шинели и долго там что-то искал. Безмолвно стояла колонна, конвоиры держали винтовки «к бою», собаки рычали и тянули поводки. Начальник конвоя вынул наконец руку из кармана. В пальцах его был зажат небольшой грязный кусок сахара. Он протянул этот кусок Никольскому: «На, съешь! Легче станет...». Никольский взял этот грязный, жалкий кусок сахара и положил в рот. Сладость наполнила рот и ощутимо потекла по жилам, быстро распространяясь по всему телу. Так когда-то, в далекие прошлые времена, текла по жилам рюмка коньяка. Но Никольский в этот момент не думал о прошлом. С каждой секундой прибывали силы в его еще минуту назад совсем бессильное тело. Он выпрямился и встал. «За что отбываешь?» – тихо спросил солдат. «КРД*...» – ответил арестант. «По Особому?» – «Да!». Их глаза снова встретились. Досада и жалость, и какое-то странное удовлетворение промелькнули в глазах солдата и скрылись за опущенными веками. «Идти можешь?» – спросил он. «Могу, – радостно ответил Никольский и повторил: – могу, могу!». И волнуясь, и не веря еще в спасение, спросил: «Почему вы не застрелили меня? Говорят, вам за это премию дают!». Начальник конвоя исподлобья взглянул на арестанта и неожиданно тепло сказал: «Дура ты!» И повторил: «Дура! Разве мы не понимаем, что вы здесь ни за

* контрреволюционная деятельность.

что сидите?»). И без всякого перехода, громко, надсадно и зло закричал, закидывая винтовку за плечо: «Иди, становись!». И сразу же: «Внимание, колонна, марш!»).

И снова серая колонна заколыхалась, зашаркала по гати. Заключение тихо переговаривались между собой и ускоряли шаг, предвкушая еду и отдых и радуясь, что обошлось без убийства. С неба по-прежнему сеялся мелкий дождь. Но Никольский шел легко и бодро, стараясь по-военному отбивать шаг, как будто и не было позади тяжкого голодного дня. «Врешь, прохвост! Врешь! Не враг я своему народу! И он, народ, – не враг мне! – думал Никольский и тихо вслух повторил: – Врешь, прохвост!». Деразов вздрогнул, но не оглянулся. Но Никольскому это было уже безразлично. Надо жить, думал он, надо жить! Жить и дожить!

Конвоиры шли вместе слева, кучкой, как обычные люди, о чем-то говорили между собой, смеялись... Высокие ворота и угловые вышки лагерного пункта показались вдалеке.

Лидия Иотковская

Письмо из лагеря*

Мне было двенадцать, когда моего отца – уважаемого человека – умного, доброго, храброго, патриота, ученого, фронтовика – без суда превратили в бесправного зека, опозоренного и униженного. Приняв удар, я все десять лет его отсутствия любила его еще сильнее, чем прежде, знала, что он ни в чем не виноват, и верила в его возвращение.

В первые недели войны Ленинград еще не бомбили, но воздушные тревоги не давали спать: меня поднимали по ночам и вели в бомбоубежище. Через две недели мы с мамой уехали в эвакуацию, в город Казань. Жить там было нелегкое: скудное питание, холод, болезни. Зимой по углам убогой комнатенки к утру выступал иней; «буржуйкиного» тепла хватало ненадолго. Мама болела астмой, я – всем подряд. В третьем классе в школу почти не ходила, однако, годовые контрольные написала на «отлично», перевели в четвертый. Лечить болезни было нечем: лекарств почти не было.

Мой папа, Александр Артурович Иотковский, ушел на войну еще в августе 41-го, отправив нас в эвакуацию с семьей мужа маминой сестры, Юлия Борисовича Харитона, крупного ученого-физика, впоследствии – научного руководителя атомного проекта, «отца» советской атомной бомбы. Отец был человеком одаренным, писал

* Из книги «Поздние поезда» (М.: Время, 2009).

с войны замечательные письма, полные любви и тревоги, и даже стихи, хотя по профессии был экономистом, кандидатом экономических наук, доцентом ЛФЭИ – ленинградского Финансово-экономического института, что на канале Грибоедова, напротив Банковского моста с крылатыми львами.

Мы ждали его, постоянно думали о нем, жили от письма до письма. Молиться, естественно по тем временам, не умели, зато ждать умели, как все или «как никто другой», по словам поэта. После Сталинграда, с февраля 43-го ждать стало намного легче, пришла вера в победу.

В январе 44-го отец вдруг приехал на несколько дней в Казань. Это был один из самых счастливых дней всей моей, теперь уже можно сказать, долгой жизни. Немного поседевший, усталый, но с южным загаром (воевал на Крымском, а потом на Северо-Кавказском фронте), с майорскими погонами и орденом Красной Звезды на гимнастерке – самый красивый на свете. Он для меня на всю жизнь остался образцом того редкого в наше время мужского благородства, которое делает счастливыми и защищенными близких ему людей. Из гостинцев я запомнила показавшуюся мне необыкновенно вкусной американскую тушенку. Меня отпустили с уроков, ходила с отцом весь день по его делам, стараясь не отпускать его руки. Рассказал, что с некоторых пор благодаря знанию немецкого работает военным переводчиком в штабе фронта и что ему предложили еще до конца войны, в исходе которой уже никто не сомневался, переехать насовсем из Ленинграда в Москву для работы в Генеральном штабе. На следующий день он должен был отправиться туда для оформления нового назначения. Я слышала, как родители обсуждали, соглашаться ли, и решили, что, хотя и жалко уезжать из Ленинграда, отказываться нельзя. Отец договорился с Юлием Борисовичем, что мы с мамой поедem в Москву и проживем у них до его окончательного возвращения. Институт химической физики (ИХФ), где работал тогда Харитон, также переезжал из Ленинграда в Москву.

– Пап, а когда ты совсем вернешься?

– Теперь уже скоро, дочик. (Он любил так меня называть, в раннем детстве дразнил: «Дочик, где твой платочек?») Вот добьем фрицев и будем жить в Москве.

Через много лет он вспоминал о своих тогдашних надеждах. Какая счастливая это будет жизнь, думалось ему. Без этого постоянного страха ареста, без непонятного постоянного превращения вчерашних друзей и сослуживцев в опозоренных и беспощадно уничтожаемых «врагов народа», в лагерную пыль. Без этой свинцовой тоски, которая у многих сменила прежнюю эйфорию от событий семнадцатого года и уверенность в светлом будущем. Впрочем, додумывать до конца ни-

кто тогда не смел. Казалось, война очистительным огнем уничтожит всю эту скверну, и жизнь пойдет по-другому.

Прощание не было грустным. Родители верили, что расстанутся ненадолго. Мама сразу помолодела и похорошела. Стали собираться в Москву, в феврале переехали. Жили на Воробьевском шоссе, на высоком берегу Москвы-реки, на территории ИХФ. Я пошла в школу, мама продолжала работать в институте машинисткой.

А потом отец пропал. Перестали приходить письма. На все запросы мама получала из действующей армии ответ: «Ваш муж находится в служебной командировке». Родные старались успокоить маму, думали, что Сашу (так его звали в семье) заслали в немецкий тыл, очень за него боялись. Я весной переболела воспалением легких, разучилась смеяться, была невнимательна на уроках. Написала первое свое детское стихотворение.

Весна, весна, всё вдруг зазеленело,
Бегут потоки с гор, и солнышко печет,
И с юга птиц к нам много прилетело,
И травка зеленеть вот скоро уж начнет.

Так весело, так хорошо весною,
Природа ведь не знает, что война у нас,
Что папы нет родного, милого со мною,
Что жду его я каждый день и час.

Ты, уезжая, скоро обещал вернуться,
Но вот не пишешь что-то уж давно,
Родных своих наверно немцы не дождутся,
Но мы дождемся, знаю, всё равно.

Поэтому я верю: ты вернешься
И, приподняв меня с земли перед собой,
К лицу моему крепко так прижмешься
Небритою, колючею щекой.

И когда немец будет смят, разгромлен,
Когда у нас закончится война,
Тогда настанет, несмотря на время года,
Всемирная счастливая весна!

А в июне пришло от отца письмо – уже из лагеря. Я его храню. Вот оно.

Мои дорогие, мои любимые, мои единственные Верочка и Лидочка! Вот уже второе письмо пытаюсь переправить вам с 3 июня, т. е. с момента получения права писать.

Я жив и здоров, но со мной случилось большое несчастье. 1-го февраля 1944 года, на следующий день после возвращения из

Мои зоркие, мои подвижные мои зрительные
 Верорка и Лисорка! Вы уже втроем вместе выехали
 на переправу в Дам с 3.6, где с восточной пограничной
 краем тесны.

Я шел и зорбал и со мной сумасшедшая
 неграшная. Корресп. 1944. на следующий же день
 после допросов из Москвы, я был арестован
 и через несколько дней мне был объявлен
 в том, что я с 1932 по 1937, считая только
 Корр.-бел. мажоритария, и ввернувшись
 с. 18¹⁰. Материалы об этом: показание
 Мухоморова Барзана о том, что в 1932. я обещал
 А.Ю. Кошечко в первом издании мемуаров (!?), указать
 также его в том же издании о том, что я был в
 то время у них 1 раз в 1936. и был 12-й раз в
 А.Ю. и показание третьего издании этого издателя
 о том, что я был у них 1 раз в 1938-40. в том
 издании Барзана. Все и все. Показание своего
 Барзана в деле нет. В ордене отдале и Шти и
 с его законными, которых я совершенно не
 знаю и с его изданием, мне был объявлен.
 Следствие было на мне и как. как. и, Барзана,
 издатель, что все это не было и, что я не в том

Москвы, я был арестован. Через несколько дней мне предъявили обвинение по статье 58.10 в том, что я с 1926 по 1937 годы состоял членом контрреволюционной шайки Дарагана, с которым мы в двадцатых годах некоторое время работали в одном учреждении. Материалы обвинения: показания жены Дарагана о том, что в 1926 году я обещал ему помощь в печатании листовки, но обещания не выполнил (?!), а в 1936-м был у них один раз в гостях и вел с ним контрреволюционные разговоры. И показание второй жены этого прохвоста о том, что я дружил с Дараганом и был у них 1–2 раза в гостях. Вот и все. Показаний самого Дарагана в деле нет. В очной ставке с ним и его женами, которых я совершенно не знаю, мне было отказано. Следствие велось наспех и кое-как. Ты, Веруня, знаешь, что всё это клевета и что я ни в чем не виновен. В тюрьме я тяжело болел. Следствие затянулось и кончилось 22 апреля 44-го года. Трибунал дела моего не принял за недостатком улик, и следователь 2 мая переслал его в Особое Совещание (ОСо), хотя имел право меня освободить. В это время наша армия вошла в Крым, следователь уехал в Москву, и меня посадили в Симферопольскую тюрьму, откуда еще до решения ОСо с этапом изменников Родины 21 мая отправили в лагерь НКВД, где я нахожусь с 3 июня, ожидая решения Особого Совещания. Я так подробно пишу для того, чтобы ты, Верочка, поговорила с адвокатом и что-нибудь сделала для меня, подав заявление куда надо от моего имени.

За жизнь мою не бойся – я еще держусь, но моральное состояние мое тяжелое. У меня очень, очень болит душа за вас, мои родные, за разбитую жизнь, от сознания своей полной невиновности. Я виноват только в том, что не разглядел в Дарагане прохвоста. Я написал заявление в ОСо и И. В. Сталину, которого прошу пустить меня на фронт. Но боюсь, что заявление опоздает, а Особое Совещание, не разобравшись, осудит. Поэтому важны твои хлопоты. Сделай, что можешь, найди правду, спаси нас троих.

Напишите мне о вашем здоровье. У меня еще теплится надежда, может быть, я еще увижу вас, мои любимые, может быть, мы еще будем жить. Ведь я же, правда, ни в чем не виновен; два с половиной года был на фронте, дважды награжден. В армии я добровольно. Расскажи про это адвокату. Письма я могу получать без ограничений. Пишите чаще. Мне кажется, это могло бы немного поддержать мое моральное состояние и не дать мне спятить. Целую вас крепко, родные мои. Как я жалею, что мало целовал вас в Казани, детки мои, жизнь моя.

Надеюсь на правду и на то, что мы будем еще вместе. Помоги мне. Веруша, похлопочи. Я знаю, как это тебе трудно, и всё же прошу. На карте вся наша жизнь. Целую тебя, Веринька, и тебя, моя родная дочурка. Не стыдитесь меня, я ни в чем не виноват. Ваш Саша.

Доченька моя, Лидуша моя черноглазая. Поддержи маму в эти страшные дни. Я надеюсь, что всё разъяснится, и я опять буду с вами, мои ненаглядные. Учись, не приходи в отчаянье, береги свое и мамочкино здоровье. Целую тебя, дорогая моя девочка. Любящий тебя папа.

Позднее выяснилось, что Дараган был расстрелян еще в 37-м, а через много лет, как и все, реабилитирован. Почему же моего отца не взяли тогда, когда стряпали эту «контрреволюционную шайку»? А так, руки не дошли, машину, которая перемальвала миллионы, где-то заело или она на тот период норму свою выполнила. Но фамилия его в деле была. За нее и зацепились, когда в 43-м на партсобрании дивизии папа имел неосторожность сказать смершевцу: «Вы бы лучше с немцами воевали, а то всё своих ловите». Этого было достаточно. Его дело подняли и пустили в ход. И вот ордена и погоны сорваны, начались пыточные допросы, на ногах по несколько суток, под яркой лампой, без еды и питья; распухшие ноги, разрезанные сапоги – об этом написано много, да и отец после рассказывать не любил. Следовательно, подполковник Фролов, с глазу на глаз сказал: «Дело у тебя, конечно, х...ое, однако, с божьей помощью пяток-то я тебе припаяю». Трибунал дела не принял? – Не беда! ОСо принимало любые фальшивки. Лагерь, куда этапировали отца – недоброй памяти Унжлаг с центром на станции Сухобезводное, Горьковской железной дороги. Приговор был объявлен уже там, в июле 44-го, – пять лет ИТЛ, как и обещал Фролов.

Перечитывая через много лет это письмо со следами наших слез, я поражаюсь, как сильна была вера в режим даже у многих интеллигентных, думающих людей поколения моих родителей. Как долго не понимали они механизма чудовищной сталинской репрессивной машины. Даже пережив пытки циничного, преступного следствия, отец считал несчастного Дарагана прохвостом и изменником Родины, а невиновным – только себя и наивно верил, что хлопоты и жалобы могут помочь, что Сталин и «любимая партия», конечно же, разберутся. К сожалению, основная масса оставшихся в живых жертв ГУЛага долго оставалась под гипнозом и прозрела только после XX съезда, да и то не до конца, отчаянно стремясь к восстановлению «в рядах» ВКП(б).

Жалость и страх за жизнь отца терзали днем и ночью. Но было и облегчение. Он жив! Он сильный и сумеет пережить это горе, а мы будем его ждать, как ждали с фронта. Будем часто писать, чтобы поддержать его морально. Если мама опять сляжет (что вскоре и случилось), тетя и дядя добрые, они не дадут нам умереть с голоду. Я оказалась права. Семья Харитонов помогала нам десять лет, до самого возвращения отца. Благодаря им мы могли и посылки посылать регулярно, и ездить к нему и в лагерь, и в ссылку. Это я помню всегда и не забуду до конца моих дней. Светлая им память.

Я ходила как в тумане. Через несколько дней после получения письма меня послали в магазин-«распределитель» получить по карточкам продукты. Магазин находился на Большой Калужской улице, теперешнем Ленинском проспекте. Спрыгнув с подножки троллейбуса, я машинально обогнула его спереди и побежала через дорогу к магазину. Последнее, что запомнилось – непрерывный автомобильный гудок из мчавшегося наперерез грузовика, который уже не мог затормозить. Очнувшись, сидя на дороге, на проезжей части. Автомобиль не остановился. Собрала драгоценные карточки, взяла сумку и пошла в магазин. Там ахнули. Из переносицы текла кровь (шрам остался на всю жизнь), с бедра и предплечья была содрана кожа. Одежда перепачкана. Очевидно, меня задел только край бампера, и это спасло мне жизнь. Кто-то из служащих магазина отвел в находившуюся рядом Вторую Градскую больницу. Там перевязали раны, сделали противостолбнячный укол и... отпустили. Добралась до дома одна. Мама была на работе, тетя раздела, уложила в постель. Маме сказали, что я полезла на дерево и сорвалась оттуда. К вечеру начался жар. Долго болела. Раны зажили, но жар трепал целый месяц. Говорили – нервное потрясение. Однажды, болея, увидела во сне отца. «Не плачь, дочик, – сказал он с улыбкой, – всё у нас будет хорошо». Стала поправляться. Жизнь пошла своим чередом, но я стала другой. Детство мое кончилось. А отец в тот месяц «доходил» на лесоповале, весил 45 килограммов и должен был умереть. Чудом выжил. Был переведен на более легкую работу. Считал дни и месяцы до освобождения. Держался изо всех сил.

Через год мы с мамой поехали на свидание. Теперь я знала не понаслышке, что такое лагпункт, «колючка», вышки, грязная каморка для свиданий. Запомнила кишачий уголовниками сидячий поезд от Горького до Сухобезводного, где мы всю ночь дрожали, прижавшись друг к другу; не забуду жгучую боль при виде родного измученного лица. Папа посадил меня на колени как маленькую, сказал: «Дочка, я стал жертвой страшной ошибки, но веры в светлые идеи коммунизма не потерял. И ты должна верить». Потом, еще через год, было

второе свидание. Отец изменился: постарел лицом, но окреп духом. Появилась надежда, что он выдержит. Про «светлые идеи коммунизма» больше не вспоминал. А потом срок кончился. Но папа не вернулся, даже на «сто первый» километр. Без суда и приговора он был по этапу отправлен в вечную ссылку, в глухое село Венгерово Новосибирской области, далеко от железной дороги. На вечное поселение...

В ссылке. Люди без будущего.

О ссылке, к сожалению, отец воспоминаний не оставил. Расскажу немного о том, что запомнилось из летних приездов в Венгерово. Мама уезжала к отцу каждое лето месяца на два-три; а я ездила два раза, в 1951-м и 1952-м, второй раз вместе с мужем, Михаилом Борисовичем Черненко, который не побоялся навестить ссыльного навечно тестя, хотя был секретарем комсомольской организации факультета. Ехать надо было четверо суток на поезде, потом еще часа два на чем придется, по проселочным дорогам. Билеты на поезд брали с бою, один раз я все четверо суток просидела втроем с другими пассажирами на нижней полке.

Жизнь в Венгерово для папы была ужасна своей безнадёжностью и необходимостью регулярно отмечаться в местном отделе КГБ. Однажды, не выдержав атмосферы безнадёжности, так не свойственной его оптимистической натуре, отец сказал гэбэшнику, расписываясь в очередной раз в вечном поселении: – Ничего вечного нет. Кто знает, может быть, я еще вернусь к семье... – Ничего, на *твой* век хватит, – утешил его чекист. Через два года после этого разговора Сталин умер, и летом 1954-го мы встречали папу на перроне Казанского вокзала.

В Венгерово отца, кандидата экономических наук, не взяли на работу даже школьным учителем, хотя он был прекрасным педагогом, что утверждали все, кто у него учился. С трудом устроился плановиком на местный кирпичный заводик. Сначала снимал углы у местных жителей, а потом подружился с двумя ссыльными, и они втроем, сами, построили деревенский деревянный дом. Один из них, потомственный петербургский рабочий по имени Арсений Владимирович (фамилию я забыла) когда-то до революции вступил в члены РСДРП, а после раскола партии сначала примкнул к меньшевикам, а потом женился и отошел навсегда от политики, работал на заводе. Тем не менее, в тридцатых годах его посадили как бывшего меньшевика, а после лагеря, как и папу, отправили в бессрочную ссылку. Руки у них обоих были золотые, и они смастерили для нового дома всю мебель, а моя мама украсила ее ситцевыми покрывалами, подушками и салфетками. Зато третьего ссыльного я помню прекрасно: это был

Николай Тимофеевич Романченко, друг отца, а потом и мой. Он имел несчастье учиться во Франции, был ученым-химиком, потом вернулся в СССР, где его, конечно, взяли. После освобождения работал в НИИ пластмасс, куда и мне помог устроиться (я окончила естественный факультет Педагогического института им. Ленина), и где я проработала до самой пенсии.

В собственном доме друзья зажили лучше, завели собаку, чудесную немецкую овчарку по имени Уран. Сохранилась фотография: Уран стоит на задних лапах напротив отца, по-моему, ничуть его не ниже. Все трое друзей мужественно переносили тяжкое и скудное существование ссыльных, суровый сибирский климат, разлуку с семьями, а папа и Николай Тимофеевич страдали и от отсутствия научной работы и привычной интеллигентной среды. К счастью для отца, его ссылка продлилась неполных пять лет: «бог подождет», по выражению прекрасного московского поэта Германа Плисецкого, хотя многим тогда всерьез казалось, что этого никогда не случится. Первыми словами отца, когда мы с мамой летом 1954-го встретили его на вокзале, были: – Вот и кончилась моя десятилетняя командировка. – Да, его судьба оказалась не самой страшной. Не умри Сталин в 53-м, всё могло быть гораздо хуже.

ПОСЛЕ ГУЛАГа

ПИСЬМО А. А. ИОТКОВСКОГО К. М. СИМОНОВУ

Ленинград, 23 июня 1970 г.

Уважаемый Константин Михайлович!

Вчера я прочел в журнале «Знамя» (№ 6 за июнь с. г.) начало Вашего романа «Последнее лето». Прочел, как почти все Ваши произведения, с интересом и приношу Вам свою читательскую благодарность. Пишу я Вам, однако, не только для этого. Дело в другом... В Вашем новом романе живет и действует член Военного Совета фронта Львов, в котором не трудно опознать Л. З. Мехлиса. Все, что Вы написали об этом отвратительном персонаже нашего недавнего и печального прошлого – абсолютная правда. Мне кажется, однако, что написанного мало для полного представления о людях типа Мехлиса, людях, сыгравших, к сожалению, решающую роль в судьбе многих и многих. Обстоятельства складываются таким образом, что, возможно, будущему историку грядущих поколений придется изучать прошлое не столько по архивным материалам и мемуарам, сколько по художественной литературе. Поэтому, мне кажется, Мехлис заслуживает «большого»...

Я думаю, что чем больше Вы знаете о человеке, тем лучше Вы о нем напишете. Моя довольно сложная судьба столкнула меня с Мехлисом, и я хочу рассказать Вам об этом в надежде, что этот рассказ пригодится Вам, если Вы захотите, для книжного издания романа.

В апреле 1942 года я служил в должности военного переводчика в разведотделе штаба Крымского фронта. Фронтом командовал генерал Козлов, а армейский комиссар первого ранга Мехлис был представителем ставки. Как-то под вечер немецкий летчик-истребитель, вылетев в свой первый, так называемый, свободный

полет, заблудился и в сумерках приземлился на нашем аэродроме, в районе поселка Ленинск, на керченском полуострове, где стоял штаб фронта. Он оказал отчаянное сопротивление, однако, был пленен и доставлен ко мне для допроса. Летчику было восемнадцать лет, он носил громкую фамилию фон Шпее и был отъявленным фашистом. Допросив его, я велел запереть его в подвал и, поработав часов до 12, отправился спать. В 3 часа ночи меня разбудил посыльный, доложив, что армейский комиссар хочет допросить пленного и приказывает мне явиться к нему. В хате Мехлиса за столом сидел он сам, а перед ним стояли начальник нашего отдела бригадный комиссар К., пленный с конвоиром и я. Начался допрос. Я очень не любил такие допросы, считая, что агитацию среди войск противника лучше ведет седьмой отдел, а разговоры начальства с пленными в военном отношении бесполезны. Мехлис спросил: «Зачем вы пришли на нашу землю?» – «Передайте генералу, – ответил пленный, – что я пришел поиграть с ним в куклы!» На второй вопрос: «Какого вы мнения о Гитлере?» летчик сказал: «Плох тот солдат, который плохо думает о своем главнокомандующем», и прибавил: «Хайль Гитлер!» Тогда Мехлис обратился ко мне: «Капитан, – сказал он, – вы кадровый или запасный?» – «Запасный», – ответил я. – «А что вы делали до войны?» – «Учил студентов политэкономии». – «Так вот, – сказал Мехлис. – Это была теория, а сейчас будут практические занятия. Выведите этого фашиста во двор, пристрелите... сами и доложите об исполнении».

Мальчишка-летчик, когда я приказал ему идти вперед, во двор, понял, о чем шла речь, и попросил стрелять ему в сердце. Я ничего ему не ответил, да, откровенно сказать, я и говорить не мог. Вся энергия моя ушла на то, чтобы сказать Мехлису: «Слушаюсь. Разрешите исполнять?»

Когда я, выстрелив немцу в затылок и приказав убрать труп, вернулся в хату и, стараясь изо всех сил овладеть собой, доложил: «Товарищ армейский комиссар первого ранга, ваше приказание выполнено», Мехлис потребовал у меня пистолет, который я ему отдал, полагая, что он меня сейчас арестует. Армейский комиссар понюхал дуло, вынул обойму и дважды пересчитал патроны. «Вы мне не доверяете?» – спросил я его. Он ответил: «Доверяю, но проверяю. Ваш брат, интеллигент, как известно, крови боится. Можете идти». Вот так было дело...

Не чувствуя под собой ног, я вышел на улицу и увидел бригадного комиссара, начальника разведотдела и моего начальника, мужество и благородство которого я до сих пор вспоминаю с не-

убывающей теплотой. «Счастлив твой бог, профессор!» – сказал он. (Он шутя называл меня так, хотя от профессорства меня тогда отделяло еще двадцать лет.) – «Счастлив твой бог... Когда ты вышел с немцем, армейский сказал: «Если не застрелит, сегодня же отдам под трибунал, а завтра шлепну самого...»

Я рассказал всё это Вам, уважаемый Константин Михайлович, с единственной целью: добавить еще один штрих к характеристике Львова. Буду рад, если эта цель будет достигнута.

Если паче чаяния Вы захотите мне что-нибудь написать, то прошу иметь в виду, что с 1 июля по 30 августа мой адрес – Эстонская ССР, Усть-Нарва, Межколхозный санаторий, мне.

Засим разрешите пожелать Вам доброго здоровья и (простите за тривиальность) творческих успехов, в которых у меня нет ни малейшего сомнения.

Искренне Вас уважающий,

А. Иотковский

ОТВЕТ К. М. СИМОНОВА

Уважаемый Александр Артурович, я получил Ваше письмо, простите, что не ответил сразу, так как отсутствовал из Москвы (так! – Л. И.) и только сейчас, вернувшись и закончив вторую книгу романа, взялся за почту, пришедшую без меня.

Я очень признателен Вам за Ваше письмо. Оно было крайне для меня интересным и, я бы добавил, – психологически нужным. То, что вы пишете, в высшей степени характерно, конечно, для того человека, о котором идет речь. Ваше письмо как-то подкрепило меня в убеждении, что я правильно сделал, не оставив в тени в своем романе деятельность таких людей, как Львов.

Может быть, то, что Вы рассказали в своем письме, и не поможет мне, если можно так выразиться, напрямую, когда я буду готовить к печати роман целиком, но косвенно, несомненно, поможет. Еще раз благодарю Вас за это.

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас,

Константин Симонов

Москва, 14 августа 1970 г.

«ОН ЗНАЛ: ВЗОЙДЕТ ОНА!»

(из истории создания кафедры «Коммерция и логистика»)*

Б. К. Плоткин, доктор экономических наук, профессор кафедры коммерции и логистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

Основанная в Ленинградском финансово-экономическом институте как кафедра экономики и планирования материально-технического снабжения (ЭП МТС), кафедра «Коммерция и логистика» продолжает и развивает традиции, заложенные ее основателем – профессором Александром Артуровичем Иотковским.

Становление личности Александра Артуровича пришлось на бурные годы первой трети XX века – века войн и революций. Он был современником величайших событий прошлого столетия: 1-й Мировой войны, февральской буржуазной революции и октябрьского переворота 1917 года, «военного коммунизма» и НЭПа, коллективизации и индустриализации. Славной страницей биографии Александра Артуровича является его участие в Великой Отечественной войне. Не избежал он и лихолетий советской истории – 5 лет лагерей и 5 лет бессрочной ссылки за «пособничество шпионажу». А потом в 1956 году – реабилитация, восстановление в должности доцента в ЛФЭИ, в 1966 году – защита докторской диссертации и присвоение звания профессора. Но даже в самые тяжелые годы Александр Артурович оставался человеком сильным духом и оптимистом. Он всегда был в курсе новейших событий в науке, литературе, искусстве и политике, чему в не малой степени способствовало знание нескольких иностранных языков. Александр Артурович Иотковский олицетворял собой образ профессора в самом высоком смысле этого звания.

Александр Артурович считал материально-техническое снабжение серьезной наукой. Важной вехой в становлении и развитии данного направления науки и высшего профессионального образования явилось создание в 1965 году общегосударственной вневедомственной системы снабжения – Госснаба СССР. В тот период многих, в том числе и экономистов, волновал вопрос: «А является ли материально-техническое снабжение, вообще, наукой? Какие могут быть проблемы в снабжении, когда все необходимые для народного хозяйства материальные ресурсы распределяются государством

* Статья написана в 2004 году к столетию со дня рождения А. А. Иотковского.

строго по плану каждому предприятию?» А то, что часто возникал дефицит материалов, – это были, как тогда официально считалось, всего лишь ошибки и просчеты отдельных нерадивых работников. Или был другой ответ: дефицит обусловлен тем, что потребности растут быстрее имеющихся возможностей; ещё одна пятилетка – и все проблемы со снабжением будут решены. Совсем по-другому мыслил Александр Артурович: он считал, что дефицит есть результат жесткого централизованного планирования. Этот тезис он обосновывал практикой новой экономической политики 20-х годов (НЭП), чему он был свидетель – а поэтому считал, что дефицит может быть преодолен только с помощью торговли средствами производства.

Необходимо отметить, что за торговлю средствами производства выступали и практические работники снабжения, но сразу возникал вопрос о самостоятельности предприятий. По этому вопросу Александр Артурович был твердо убежден, что на это государство не пойдет, причем, прежде всего, по идеологическим соображениям, согласно марксистскому тезису об общественной, то есть государственной собственности на средства производства. Но, несмотря на это, работники снабжения постоянно проводили между собой обменные операции в периоды своих дефицитных ситуаций, балансируя на грани уголовной ответственности за «нарушение плановой дисциплины». Или направляли друг другу «толкачей» для «выбивания» необходимых материальных ресурсов, кстати, запланированных.

Александр Артурович часто говорил, что материально-техническое снабжение держится на «толкачах». Сегодня напрочь забылась эта весьма массовая профессия: настал рынок, не стало дефицита – исчезли и «толкачи». Также с централизованным планированием Александр Артурович связывал высокую «затратность» экономики. С большим скептицизмом относился он к таким кампаниям, как «всемерная борьба за экономию сырья и материалов» и к «заданиям по снижению норм расхода». Всё это было бы хорошо, если бы давало ожидаемый положительный результат. На практике всё было наоборот: материало-затраты росли, качество ухудшалось. Правда, в отчетах всё обстояло вполне благополучно, но только на бумаге. И тут уместно привести одно высказывание, которое часто повторял Александр Артурович, благо поводов для этого было немало. «Предприятия вполне приспособились, а поэтому работают не на реальные потребности, а на показатель». К этому следует добавить, что предприятия делили запланированную ими для изготовления продукцию на «выгодную» и «невыгодную» с точки зрения того, как она влияет на отчетные показатели. А чего стоят так называемые «приписки», когда предприятия в отчетах о выполнении плана приписывали не изготовленную про-

дукцию, которую Александр Артурович называл квазипродукцией. Трудности со снабжением Александр Артурович видел в отсутствии у предприятий самостоятельности, не так называемой «оперативно-хозяйственной», а реальной самостоятельности и, прежде всего, в установлении хозяйственных связей. Теперь мы знаем, что такая самостоятельность возможна только в условиях рыночной экономики. Он говорил, что «экономика, как церковь, должна быть отделена от государства». Государство должно лишь создавать благоприятные правовые условия для экономики.

Важным положением реформы 1965 года было решение о широком развертывании высшего профессионального образования по материально-техническому снабжению. С большим энтузиазмом Александр Артурович принялся за организацию кафедры экономики и организации материально-технического снабжения, принимал активное участие в разработке и апробации учебных планов и программ. В скором времени подобные кафедры возникли в более чем 20 вузах страны. Он добился того, что основанная им кафедра стала головной, чему в немалой степени способствовал его научный, педагогический и просто человеческий авторитет. Следует напомнить, что и экономика как наука была под сильным сомнением (зачем экономика, когда есть план?): ЛФЭИ был единственным вузом, имевшим в своем названии слово «экономический», все прочие вузы такого профиля именовались как институты «народного хозяйства» или «плановые» с 4-летним сроком обучения. ЛФЭИ был единственным вузом, где подготовка специалистов-экономистов по материально-техническому снабжению осуществлялась в течение 5 лет.

В рассматриваемом аспекте Александр Артурович считал, что раз МТС – наука, то должно быть и высшее образование по этой науке. В этой связи вспоминается возглас одного руководителя крупного предприятия: «Неужели работников снабжения готовят с высшим образованием?». Да, в то время бытовало мнение: главное для снабженца – это «выбивать фонды» и затем их «отоваривать», а для этого необходимы хватка и связи. Недаром среди работников снабжения, особенно среди «толкачей», значительную часть составляли так называемые «практики» – работники с общим образованием, а в лучшем случае – со средним специальным (но не по снабжению) образованием. И в такой ситуации Александр Артурович был твердым сторонником того, что именно высшее образование преобразит материально-техническое снабжение и в теории, и на практике. Появились первые аспиранты и, соответственно, диссертации по специальности 08.00.06 – *Экономика и планирование материально-технического снабжения*.

На замечание о том, что многие знания, полученные студентами на кафедре МТС, на практике останутся невостребованными, Александр Артурович отвечал, что количество (знаний) неизбежно перейдет в качество. Он имел в виду, что специалисты по снабжению с высшим образованием не только не захотят, но и не смогут работать по-старому, ибо свою роль сыграют знания, самоуважение и их творческий потенциал. А это означает, что все работы по снабжению – плановые и оперативные – будут выполняться грамотно, по науке. Весьма познавательными были беседы Александра Артуровича о работах таких ученых-экономистов, как В.В.Леонтьев, Кейнс, Самуэльсон. Сразу же, с момента основания, определились научные направления кафедры Экономики и Планирования МТС (ЭП МТС). Они охватывали, по существу, все составляющие науки о материально-техническом снабжении, а именно: экономику и экономические отношения в материально-техническом снабжении, включая теорию хозяйственных связей, управление запасами, нормирование расхода материалов, АСУ и НОТ в МТС, складское и тарное хозяйство.

Под руководством А. А. Иотковского кафедра вела активную научно-исследовательскую работу по заказам крупнейших предприятий Ленинградского экономического района, в числе которых достаточно назвать Ижорский завод. Результаты научно-исследовательских работ весьма основательно обогащали и учебный процесс. Старая административно-командная экономика уже стала достоянием истории, прошла целая эпоха – было плохое, но было и хорошее. К числу достижений той эпохи следует отнести ту работу, которую выполнил Александр Артурович по организации науки и образования. Он создал прочный фундамент для подготовки будущих поколений специалистов-экономистов, но уже по коммерции и логистике.

Преемником А. А. Иотковского стал доктор экономических наук, профессор Олег Александрович Новиков, который сразу же оценил достигнутый научно-педагогический потенциал кафедры и плавно, без «революций», в соответствии с новыми требованиями времени перевел деятельность кафедры на качественно новый уровень. Начались рыночные преобразования, которые непосредственно коснулись снабжения и сбыта.

Саша Иотковский. 1906

С мамой. 1910

Гимназист. 1912

Приготовительный класс Санкт-Петербургской 1-й гимназии.
1912/1913 учебный год.
Саша Иотковский – во втором ряду седьмой слева

А. Иотковский. Ленинград. 1928

С женой Верой Николаевной. Ленинград. 1938

Вера Николаевна Иотковская. 1938

Лида Иотковская. Ленинград. 1938

Северо-Кавказский фронт. 1942

Северо-Кавказский фронт. 1942

Заклученный Унжлага. 1945

В ссылке. Венгеро. Начало 1950-х

Юлий Борисович Харитон. 1950-е

Мария Николаевна Харитон. 1950-е

Лидия Иотковская. Начало 1960-х

С другом Я. И. Давидовичем. Усть-Нарва. Август 1962

Супруги Иотковские. Усть-Нарва. 1960-е

Лидия Иотковская с сыном Костей. Усть-Нарва. 1970

А. А. Иотковский. В день семидесятилетия. 1974

ИЗ ПИСЕМ РОДИТЕЛЕЙ К ДОЧЕРИ. 1968–1977

Усть-Нарва, 1 августа 1968 г. Отец старается внушить мне оптимизм и бодрость в связи с затянувшейся работой над диссертацией.

Дорогая Лидушенька!

...Сочувствую тебе и понимаю. Заканчивать и оформлять работу – процесс напряженный и неприятный. Как правило, выясняются и требуют исправления все недоделки и оплошности, допущенные за время работы над темой. Очевидно, таких оплошностей и у тебя было достаточно. Но... впадать в отчаяние, ей-же-ей, нет оснований. Равно как и считать, что тебе всё достается с кровью, а другим – со смехом и танцами. У всех в твоём положении примерно те же трудности и неприятности, чуть больше или чуть меньше. Спасение в упорстве, настойчивости и спокойствии. Так-то!

Готовь список того, что хочешь получить из Парижа*. Список составляй в порядке наибольшей желательности. Поеду я, вероятно, в октябре и, должно быть, через Москву, так что увидимся. Напиши, сможешь ли на время моего отсутствия (10–12 дней) пожить с мамой в доме отдыха Репино.

Целую тебя,

твой папа.

Ленинград, 2 февраля 1969 г. Папа ругает меня за легкомыслие, чрезмерное внимание к внешним сторонам жизни, за то, что долго возжусь с диссертацией, за то, что редко пишу родителям и не лечу уже возникшие болезни (мне 37 лет).

Дорогая Лидуша!

Вчера, в соответствии с твоей просьбой, перевел на твою сберкнижку 75 рублей на «прелестный бельгийский костюмчик». Носи на здоровье. Конечно, очень хорошо и приятно, что у тебя теперь есть «в чем защищаться». Важнее, однако, чтобы было что защищать. Очень многие хорошие диссертации были защищены в чем придется, и на результатах голосования ученого совета

* Папе, к которому относились с симпатией все, кто его знал, в виде исключения, дважды (!), в 1968 и 1972 годах, была разрешена поездка во Францию, по приглашению его гимназического друга Владимира Меллера.

это не сказалось. Не удивляйся, если после таких высказываний и Марина* станет слишком разборчива в одежде. Важнейший элемент воспитания – личный пример.

Каково состояние твоей диссертации, мне не вполне ясно. Переработанные тобою полторы главы (из трех) могут быть сданы на секцию или их будет еще править и дополнять твой руководитель? Я своих аспирантов так не опекаю. Ведь это все-таки самостоятельная работа.

Мы уехали из Москвы 15 октября, а первое письмо от тебя получили 12 ноября... Как ты считаешь, красиво это, порядочно? Или уж такие мы никуда не годные родители, что о нас можно совсем не вспоминать? Не раз и не два просил я тебя писать хоть раз в неделю, пусть открытку с тремя словами. Тщетно... Не обижайся, но я к твоим просьбам отношусь с большим вниманием.

Еще один очень важный вопрос – о твоём здоровье. Твои субъективные ощущения о твоём «полном здоровье» не имеют никакой цены. Ты больна, и, по свидетельству высококвалифицированного врача, больна серьезно, независимо от того, нефрит это или пиэлонефрит. И то, и другое надо лечить, но лечить по-разному. А для этого надо обследоваться. А если не лечиться, то неизбежно и скоро наступит время, когда субъективные ощущения изменятся, и ты пожалеешь об упущенных возможностях лечения болезни в ее начале. Вот об этом тебе следует серьезно подумать.

Мама кланяется. Наш привет Игорю**, Марине и С. З.***

Целую тебя крепко,

твой папа.

Ленинград, 15 апреля 1970 г. Папа беспокоится по поводу моей болезни и приближающегося срока защиты диссертации (которая состоялась 20 октября 1970 г.), старается ободрить.

Дорогая моя дочурка!

Спокойно, решительно и настойчиво заканчивай оформление защиты. Ты пишешь: «Из последних сил стараюсь сохранять оптимизм и держаться». Я что-то ничего не понимаю. Что у тебя за беда такая случилась, что тебе надо «держаться»? Ты подумай-ка! Наконец исполняется мечта многих лет, которая одно время

* Марина – моя приемная дочь.

** Игорь – мой муж, Игорь Леонидович Светлов, отец Марины.

*** С. З. – Софья Зеликовна Бокштейн – бабушка Марины, которая жила вместе с нами.

казалась несбыточной*. Ты подходишь к новому, более благополучному периоду твоей жизни. По нашим меркам, семья из двух кандидатов, да еще из двух любящих друг друга кандидатов – это очень хорошо. А по поводу неизбежных в каждой семье шероховатостей огорчаться нет оснований. Так что же ты нервничаешь? Радоваться надо. Всё самое трудное уже позади. Самое время для оптимизма! Смею сказать – учись у отца. Я не терял оптимизма в значительно более бесперспективной (мягко говоря) ситуации. Итак, заканчивай хлопоты, радуйся, что близка к цели, а после защиты ляг в больницу для обследования. Обнимаю тебя и Игоря. Привет Марише и С. З.

Крепко целую еще раз,

папа

Мне от мамы. Ее беспокоит моральное состояние отца в 1974 году. Зимой этого года папа переболел пневмонией. Болезнь протекала тяжело и была опасна при его больном сердце, но его вылечили, и он вышел на работу. Казалось бы, всё обошлось. Однако с этой болезни началась цепь других заболеваний, первым из которых был инфаркт в августе 1974 года, затем – несчастный случай в декабре 1975 года, когда его на перекрестке сбила машина, что привело к разрыву коленных связок на обеих ногах, чреватому долгой, упорной и мучительной разработкой травмированных суставов. А в мае 1977 года отец скоропостижно скончался от второй пневмонии, которой не выдержало его больное сердце. По-видимому, замеченное мамой, не свойственное отцу состояние депрессии после первого воспаления легких было вызвано осознанием того, что жизнь пошла под уклон, хотя он каждый раз мужественно боролся с болезнью и возвращался к работе.

Ленинградская обл., Зеленогорск, пансионат «Восток-6», весна 1974 г.

...Меня очень беспокоит папа. Я никогда не видела его таким, и поэтому его состояние особенно пугает. Мрачность, всегда плохое настроение, депрессия – это не наш отец. По природе он оптимист, веселый и разговорчивый, иногда даже слишком разговорчивый, но неглупый и очень обаятельный человек. Это он-то, Саша Иотковский, теперь Александр Артурович Иотковский, твой

* Из-за отсутствия у меня технического образования и необходимости искать второго руководителя.

отец и мой муж, с которым я прожила без малого сорок семь, в общем-то, счастливых лет. Что с ним случилось, понять не могу. Эта резкая перемена произошла после пневмонии. Но сейчас в легких, как будто, всё в порядке, а он всё такой же грустный, ко всему безразличный. Только кино его, по-видимому, немного отвлекает от мрачных мыслей. Он сейчас уехал в Зеленогорск мне за лекарством (заботлив он по-прежнему бесконечно), поэтому я и пишу тебе о его состоянии. От него я свое беспокойство скрываю, и ты ничего об этом не пиши. Но поделиться мне с тобой хотелось – с кем же еще?

БОЛЕЗНЬ. 1976 год

Привожу часть переписки родителей во время длительного, больше трех месяцев (с января до середины апреля 1976 года) пребывания отца в ЛИТО (Ленинградский институт травматологии и ортопедии) на лечении травмы обеих ног.

Маме от отца. 9 января 1976 г.

Деточка моя любимая и единственная!

Конечно, береги себя. Пока Лидуша здесь, я ни в чем не нуждаюсь. Лечат меня активно, и Жуков* обещал к 25 января поставить в вертикальное положение.

Вот так, родная моя и любимая. Не сердись на старого спятившего мужа**.

Еще раз, береги себя, голубка.

Целую тебя крепко,

Саша.

Маме от отца из больницы. 11 января 1976 г.

Верушонок, родная моя, моя любимая старушка!

Я чувствую себя лучше и бодрее. Обещают 16 января снять швы после операции. Сегодня тщательно слушали легкие – чисто.

* Жуков – зав. отделением, в котором лежал папа.

** Вероятно, отец считал себя отчасти виновным в произошедшем с ним несчастном случае.

Дурь из головы постепенно выходит, и я начинаю читать, понимая прочитанное. Ты, пока стоят такие морозы, ко мне не ездь – простудишься. Я постепенно начинаю верить в то, что еще буду кое-как ходить, и мы еще проживем наши остатные годы в более или менее нормальных условиях.

Ох, и не повезло тебе с мужем, старым твоим дураком. Ты уж не сердись на меня, Верунчик, и береги себя.

Дочка наша... В общем, бриллиант – это дерьмо по сравнению с нашей дочкой.

Обнимаю и целую тебя, радость моя, крепко, с любовью и нежностью.

До конца дней своих твой

Саша.

Мама отцу в больницу 5 марта 1976 г.

Сашулинька, радость моя,

Неужели возможна такая радость – видеть через неделю, как ты самостоятельно встаешь, садишься и ходишь, и даже без сопровождающего. Завтра мы уже, я надеюсь, приедем вместе с Лидушей. Она приедет сегодня поздно вечером дневным поездом.

Целую и очень жду домой,

Вера

Папа – мне из больницы. 19 марта 1976 г.

Доченька, любимая!

Несмотря на максимально неблагоприятные обстоятельства, мне – твоему обездоленному отцу – нестерпимо захотелось написать тебе хоть пару слов, кроме приветов, передаваемых мамой.

Дела мои, дочурка, идут неважно. Нога сгибается плохо, несмотря на ежечасные тяжелые упражнения. Я, правда, за счет приспособляемости человека к любым несчастьям, научился сам вставать и пользоваться туалетом, но лестницу преодолеть не могу. Поэтому встал вопрос о продлении бюллетеня во ВТЭК. Настроение мое неровное: дни некоторой надежды перемежаются с днями отчаяния, безнадежности и тяжелой тоски. Очень, очень жалко мне маму. Она, бедняжка, одинока и сильно нервничает, а я не могу освободиться от чувства тяжелой вины перед ней и перед тобой.

Одно утешение – врачи по-прежнему утверждают, что нога будет сгибаться за счет неустанной тренировки. Не уверен, что сердце с этой тренировкой справится. И всё же в глубине души я не теряю надежды, что еще хоть недолго поживу и поработаю. Только это меня и держит на этом скверном свете. Пошел шестой день четвертого месяца моего больничного существования.

Инфаркт, перенесенный мною в 1974 году, был гораздо меньшим испытанием духа и тела.

Когда я отсюда выпишусь – не знаю. Нога сгибается на 120° (началось со 145°), а чтобы спуститься по лестнице, надо 90–100°. Иначе я, взобравшись домой*, оттуда выйти не сумею, равно как не сумею и лечиться. Делаю всё возможное, чтобы обменять квартиру на 2-й этаж (хотя бы в нашем доме, а лучше на Невском)**.

Мама рассказывала мне о твоём путешествии с Костиком в зоопарк. Какой же ты молодец!*** Не сердись на меня, голубка за огорчения и неприятности. А вдруг повезет, и переживем всё это...

Целую тебя крепко. Привет всем твоим. Будь здорова, родная моя, хорошая Лидочка.

Твой папа

От отца ко мне. Ленинград, 3 октября 1976 г. Ценой ежедневных тренировок и массажей, которые, возможно, сказались отрицательно на состоянии его больного сердца и привели к безвременной смерти, отец осенью 1976 года вышел на работу. Жить ему оставалось меньше восьми месяцев.

Лидушенька, голубчик ты мой!

...Мои дела, в общем, удовлетворительны. Ко мне опять три раза в неделю ходит массажистка (массаж и разработка), делаю гимнастику, тренируюсь. Левая (оперированная) нога сгибается на 85°, правая – на 90°. Чтобы легко вставать и садиться, надо еще 10–15°. Ноги побаливают, но терпимо. Сердце иногда прихватывает, но не часто. Только когда позволяю себе торопиться. Этого мне теперь делать нельзя.

Мое «морально-политическое» стало значительно лучше, после того как начал работать. О смерти думать почти перестал и даже собираюсь шить костюм.

* До самой смерти отца родители жили на четвертом этаже без лифта.

** У него всегда хватало мужества, чтобы шутить.

*** Костик – мой сын от первого брака, инвалид детства.

В Москву хотел поехать 10–15 октября, но мама не дает. Сама ехать не хочет (говорит – не может), и оставаться одна тоже не хочет. Хоть плачь! А мне очень охота прошвырнуться (!).

Вот, доченька, всё тебе написал. Крепко тебя прижимаю к сердцу и целую. Игорю и Марине привет.

Твой папа

Р. С. Мне подарили две кедровые шишки. Я сделал из них двух забавных ежей – для мамы и для тебя. Перешлю с okazji или привезу.

Оба ежа живут в моей квартире, а еще искусно сделанные отцовскими руками из дерева настольные лампы и фигурки животных.

И вот последняя посланная папой новогодняя открытка: он поздравляет меня с новым, 1977-м годом, последним годом его жизни...

Лидушенька, кровинушка ты наша дорогая!

Поздравляем тебя и всю твою семью с Новым Годом. Чтобы он был, этот 1977-й, для тебя годом здоровья, счастья и удач во всем, во всем! И чтобы мы все это видели, лапушка наша родимая, и радовались вместе с тобой!

Твои мама и папа

В мае отец умер.

МЫСЛИ, НАБРОСКИ, ЦИТАТЫ, АФОРИЗМЫ

Они сидели у костра, засунув руки до локтей в рукава фуфаяк, мерно покачивались из стороны в сторону и дружно покрикивали хором: «Раз – взяли! Раз – дружно! Раз – вместе!» У них были напряженные, серьезные лица, в глазах поблескивало отражение костра... «Опять филоните? – сказал бригадир. – А где я вам пайку возьму? А еще контрики!»

На этом пороге всё кончается!

Жена профессора – маруха вора.

Плащ-накидка за котелок каши. Как я наелся!

Конвейер; свет в лицо; стойка. «Бить не умеете, говнюки!»

«Обрезать пуговицы! Все!»

Грязь – спутник подследственного.

Война и тюрьма делают людей скупыми. Он бережет свои чувства.

Сожаления о несделанном, упущенном.

Спор о том, когда лучше родиться – в девятнадцатом веке или двадцатом. Я за двадцатый – век социалистической революции, а он за девятнадцатый – век спокойной жизни, относительной справедливости. Он не боялся ночных звонков, а я свалил сегодня пять хлыстов*, и они пойдут на дело коммунизма!

Воспоминания о тихой, уснувшей квартире и о тихом кабинете. стакан чая и, кончив работу, заглянуть в детскую, посмотреть на спящую жену и лечь спать с сознанием выполненного долга.

Смерть, болезнь, несчастный случай перестают быть событием. Слишком трагичен весь фон.

Непрочность любой «карьеры» з/к. Равенство бесправия.

Чекисты тридцатых годов, в большинстве – пена, накипь на волне революции, подлецы, специально используемые Сталиным и Берия.

* Хлыст – в данном контексте – срубленное дерево, очищенное от сучьев.

Страшная работа эта до мелочей напоминала средневековое в католической Европе. Добиться признания во что бы то ни стало – вот единственная цель расследования. Райские венцы были обещаны инквизиторам специальной буллой папы Иннокентия VIII.

Дьявольское, психопатическое усердие следователей – *domini capes* – псов господних – соседствовало с истерией. Как инквизиторов папа Иннокентий VIII, так и КГБ вербовал следователей из садистов и параноиков. Это была накипь на волне революции, вонючая, мерзкая накипь.

В большинстве случаев, и это понятно, голод, тюрьма, унижения и пытки надламывали психику человека, и он превращался в безвольное, покорное своим мучителям животное, готовое возвести на себя любую напраслину и предать свою мать.

Почти каждый уходит из жизни, не совершив и одной десятой доли того, что он мог бы совершить.

Сюжет: бронепоезд – плен – побег – бронепоезд – лагерь.

«Муз презирает лишь тот, кем они сами пренебрегли». *Франц Меринг.*

«Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши, о Господи!» *Св. Августин.*

Каждому открыты все пути, но это не значит, что каждый путь открыт всем.

«Слово – это одежда фактов». *М. Горький.* Важно не только, что сказать, но и как сказать.

За душой надо присматривать, иначе в ней заведется всякая дрянь.

Любовники, спрятавшиеся от надзирателя в гробу.

Бронепоезд был в западне, не оставлявшей никаких надежд. Впереди – занятый немцами Ростов, а путь на Новочеркасск, где еще держалась наша стрелковая дивизия, был взорван гитлеровцами и искорежен самим же бронепоездом, пытавшимся артиллерийским огнем пробить себе дорогу из окружения. Ремонттировать пути было нечем, да и фашистские автоматчики густым огнем не давали выйти к насыпи. Боеприпасы были на исходе, рация отказала. Два раза ходил экипаж бронепоезда в пешем строю в отчаянные атаки в направлении Новочеркасска, пытаясь вырваться из кольца, и два раза с большими потерями отходил к поезду, унося убитых и раненых. Живых – годных к бою – оставалось в строю всего двадцать девять человек. Почти все они были ранены или контужены. Ранен в левую руку был и командир бронепоезда, майор Абрам Бережной. Замполит, старый политрук, Ваню Чачава, тоже был ранен – пуля сорвала клочок кожи с черепа – но, как и командир, был в строю.

В штабном отсеке шел военный совет. Кроме Бережного и Чачавы в нем участвовал помощник по технике инженер-капитан Модебадзе и два командира орудий – Белов и Потляридзе*.

«Наука начинается там, где можно считать». *Д. И. Менделеев.*

«Всё перепуталось, и некому сказать, что, постепенно холодея, всё перепуталось, и сладко повторять: Россия, Лета, Лорелея». *Осип Мандельштам.*

«Когда я буду умирать, о жизни сожалеть не буду, а просто лягу на кровать и всем прощу, и всё забуду». *Иван Бунин.*

Годы идут, а им не веришь!

* По-видимому, рассказ о бронепоезде был наброском к неосуществленному замыслу – созданию повести или романа. – *Л. И.*

Художественное слово – могущественнейшее из искусств, потому что оно не ограничено временем и местом.

Мы говорим, что мы диалектики, а думаем как метафизики. Забываем о том, что всё меняется: оценки, критерии, задачи. Только цель одна. Учим не коллектив, а человека и отвечаем за то, что этот человек будет хорошим. А что это значит – «хорошим»? Не хлебом единым...

Не падать духом от неудач и не задира́ть носа от успехов. Ведь обязательно будут и успехи, и неудачи, победы и поражения. Не отчаиваться и не заноситься.

Пока человек живет, у него призывной возраст. Неизвестно, к чему могут призвать обстоятельства.

В то мгновенье, когда человек становится доволен собой полностью – он перестает быть человеком.

«Делай только то, чего не можешь!» *Марина Цветаева*. Я старался; я умею не шадить себя. Но – не всегда выходило: Цветаева – гений, а я середняк.

Нет жизни без надежды и веры, каждому нужна своя путеводная звезда. Будьте оптимистами!

«Не позволяй душе лениться! Чтоб в ступе воду не толочь, душа обязана трудиться. И день и ночь. И день и ночь». *Николай Заболоцкий*.

Лидия Иотковская

О БЕСКОНЕЧНЫХ САМООТВЕРЖЕННЫХ ЗАБОТАХ ОТЦА ПО ОТНОШЕНИЮ К МАМЕ

Моя мама с детства болела бронхиальной астмой. Благодаря заботам отца болезнь в последний, ленинградский период их жизни отступила, правда, при помощи ингалятора, который она всегда носила с собой. Но ей хватало и других хворей: больной желудок; невроты – обычные спутники астмы; страхи, депрессия, слабость физическая и душевная. Все эти годы (более двадцати лет), годы значительных достижений отца в науке и преподавательской работе, он, забывая о своем больном сердце, следствии пережитых моральных и физических мук, был с головой погружен в заботы о маме, борьбой с ее болезнями. Приглашал врачей, организовывал обследования, следил за приемом лекарств, водил (иногда насильно) гулять и вел ежедневный дневник – удивительное свидетельство бесконечной любви и самоотверженности. Объективное состояние ее здоровья, субъективное самочувствие, поведение, настроение, лекарства, температура, кровяное давление, вес, сон, аппетит, стул. И так день за днем, год за годом. И, конечно, 2–3 раза в год, не считая летнего двух-, а иногда и трехмесячного пребывания в Усть-Нарве (Эстония), вывозил на воздух, всеми способами доставая путевки в пансионаты и дома отдыха. При этом проявлял бесконечное терпение к частым переменам настроения и даже нервным срывам уставшей от болезней мамы.

Он буквально жил ею, отдавал душу, не думая о себе, и умел сочетать эту редкую самоотверженность с плодотворной работой. Не сознавая этого (не то было время), он жил по законам христианской морали: отдавал всё, ничего не требуя взамен. Он умер 21 мая 1977 года. До золотой свадьбы оставалось меньше трех месяцев. Мама пережила его на полтора года. Несмотря на то, что она жила со мной, их единственной дочерью, жизнь без него была для нее ежедневной мукой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПРАВОЧНИК

**по национальным частям и легионам,
действующим перед фронтом ЧГВ ЗКФ,
в составе 17 немецкой армии**

(ПО СОСТОЯНИЮ НА 1.1.43 г.)

**РО Штаба Черноморской Группы Войск
январь 1943 года**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В справочнике приведены данные о семи национальных частях и легионах, действующих перед фронтом Черноморской группы войск в составе 17 немецкой армии, по состоянию на 1.1.43 года.

Работа составлена разведотделом штаба ЧГВ на основании показаний военнопленных и многочисленных перебежчиков во время действий на Северном Кавказе, в период октябрь—декабрь 1942 года.

РО штаба ЧГВ, издавая настоящий справочник, преследует цель ознакомления руководящих командных кадров группы с новыми частями германской армии, созданными в течение советско-германской войны.

В справочнике даны боевые характеристики этих частей, методы их формирования и начавшийся их распад.

Учитывая, что материал собран и публикуется впервые, РО штаба ЧГВ будет признателен за замечания, предложения и оценку, которые поступят в его адрес.

І. ВВЕДЕНИЕ

В замыслах войны против Советского государства, немецкое командование возлагало не малые надежды на непрочность союза между народами СССР.

Фашистским невеждам и их эмигрантским консультантам казались обеспеченными, в случае советско-германской войны, разрыв этого союза, возникновение внутренней войны и поддержка национальными меньшинами политических и военных планов Германии. Особые надежды в этом отношении возлагались на народы Кавказа, Туркестана и казачество Дона и Кубани.

К исходу первого года советско-германской войны немцы, понеся огромные потери и истощив свои людские резервы, а также не дождавшись желанных „взрывов“ и поддержки ни на Кавказе, ни в Туркестане, ни на Дону, с весны 1942 года приступили к искусственной организации этой „поддержки“ — собиранию и формированию разных национальных частей и легионов из жителей оккупированных областей и военнопленных. Эта возня проводилась под флагом освобождения Кавказа, Туркестана и казачества от большевизма и преследовала цель восполнения нехватяющих людских резервов для немецкой армии.

Всеми видами разведки выявлено, что немецким командованием созданы следующие национальные соединения и легионы:

Украинская добровольческая армия (в составе стрелковых и тыловых соединений).

Два казачьих добровольческих корпуса (из донских и кубанских казаков).

Грузинский легион.

Кавказский национальный легион (из армян, осетин, черкесов, карачаевцев, кабардинцев, адыгейцев, балкарцев).

Туркестанский национальный легион.

Татарский легион (из крымских татар).

II. ФОРМИРОВАНИЕ

Формирование вышеуказанных частей и подбор для них людского состава шли двумя путями. Во-первых, привлечением местных жителей оккупированных областей и, во-вторых, использованием военнопленных. Украинская добровольческая армия, казачьи добровольческие корпуса и татарский легион формировались, как из местного населения, так и из военнопленных. Кавказский, Грузинский, Туркестанский и Азербейджанский легионы — исключительно из военнопленных.

Привлечение населения первое время велось на добровольных началах, а с весны 1942 года также и путем мобилизации (Украина, Крым). При этом все категории — добровольцы, мобилизованные, военнопленные — включались в одни и те же части, которые носят официальное название „добровольческих частей“.

Методы вовлечения в эти, так называемые, „добровольческие части“, применяемые немецким командованием, чрезвычайно разнообразны и построены по принципу — „ничем не брезгуй, все методы хороши“. Тут и безпардонная агитация, и подкуп, и запугивание и прямое насилие.

В Крыму, на Украине и Кубани среди населения и в лагерях военнопленных, распространялись в огромных тиражах плакаты и брошюры, демонстрировались специальные кино-журналы, в которых восхвалялись победы германской армии и в розовых красках показывалась боевая жизнь немецких солдат. Вся эта стряпня заканчивалась призывом вступить в ряды немецкой армии. Для создания почвы к добровольному вступлению распространялись разные ложные слухи, в частности, о занятии немцами Ленинграда, Москвы, Сталинграда, Грозного, Сочи и других городов. Истинное положение на фронтах тщательно скрывалось; даже намеки на правдивую информацию строго преследовались.

Используя тяжелое продовольственное положение населения, немцы пытались подкупом увеличить число добровольцев, создавая некоторые привилегии для семей добровольцев.

На оккупированной территории Краснодарского края для привлечения казачества практиковалась выдача семьям добровольцев подачки в размере 500 рублей и 16 кг муки. Особо преданные казаки зачислялись в так называемое „но-

вое казачество", призванное олицетворять „новый порядок“ на Дону и Кубани. „Новому казачеству“ выделялось в личное пользование сверх нормы по 1 га земли на душу и две лошади на хозяйство, а также снижались налоги на 50%.

Отказывающихся вступить в армию „добровольно“ берут на учет, всячески притесняют, вынуждая у них согласие на вступление в армию.

Незначительный приток добровольцев заставил немецкое командование проводить мобилизационные мероприятия. Мобилизация проводится через старост станиц под контролем немецких военных комендатур. Всякое уклонение от мобилизации строго карается, причем репрессиям подвергаются и семьи.

По агентурным данным на Дону и Кубани под руководством генерала Краснова формировалось два казачьих добровольческих корпуса. Штаб Краснова в Краснодаре. В Крымская бывшим полковником Красной армии Шاپоваловым формировалась часть под названием „Свободная Кубань“. В составе добровольцев казаков отмечено наличие казаков 1925—26 г.г. рождения.

Население оккупированных областей в своей подавляющей массе ненавидит немцев, не верит немецкой агитации и всеми доступными способами сопротивляется мобилизационным мероприятиям оккупантов.

Совершенно разнузданные и нечеловеческие методы применялись при вербовке военнопленных.

Как показывают возвратившиеся из плена красноармейцы, в концентрационных лагерях для военнопленных созданы условия, в которых невозможно поддержание жизни живого существа. Как правило, военнопленные в этих лагерях располагаются под открытым небом, незащищенные от холода, дождя, снега, солнца. В лучших случаях военнопленному выдавалось в день 100—150 грамм суррогатного хлеба и порция похлебки. Даже воды и то не давали вдоволь. Все пленные полураздеты, так как одежда истлела. Вместе с тем военнопленных гоняют на тяжелые каторжные работы без какого либо ограничения рабочего дня. Медицинская помощь отсутствует.

В этих условиях военнопленные массами вымирали. В Ченстоховском лагере из 90.000 чел. к апрелю 1942 года осталось 3.000 человек. Остальные погибли. Во Владимир-Волынском лагере из 7.000 человек осталось только 700 человек. Возвратившийся из плена бывший капитан Крас-

— 6 —

ной армии Ч. рассказал: „Из 65.000 человек военнопленных, содержащихся в г. Острог, к апрелю 1942 года осталось 9.000 человек. Остальные погибли. Ежедневно умирало до 500 человек. Для вывозки трупов был мобилизован весь автотранспорт гарнизона“.

В дневнике солдата 452 туркестанского батальона Т. найдена следующая запись: „В лагере очень трудно было жить, 9 месяцев даже не мылись. Как томился народ без известий... От голода в худшие дни погибало 1.500--2.000 человек. Политсостав убивают“.

Лагери находятся в антисанитарном состоянии, трупы лежат по несколько дней в лагерях неубранными.

Ко всему этому прибавлялись различные изуверские издевательства охраны лагерей и офицеров над пленными ради потехи (стрельба пьяных немцев из автоматов по пленным, бросание в пленных гранат и т. п.)

Доведенные до крайности издевательствами и голодом люди теряли всякое самообладание и человеческий облик. Во всех лагерях имели место случаи людоедства.

В марте 1942 года в лагерях появились вербовщики из националистов — эмигрантов грузин, армян, узбеков и др. для вербовки пленных в национальные легионы. Вся обстановка лагерей способствовала им в проведении вербовочной работы. Пленные видели в этом единственную возможность вырваться из лагерей смерти, избежать голодной гибели. И все же, несмотря на это, находилось не мало сильных натур, которые отказывались идти в легионы. Перешедшие на нашу сторону легионеры рассказывают, что были такие, которые заявляли: „Предать Родину мы не будем, лучше умрем“. Непокорных, которые отказывались идти в легионы, подвергали дополнительной обработке, по несколько дней вообще не кормили, усиливали репрессии, добиваясь тем самым „добровольного“ вступления в легионы. Многие, идя в легион, не только стремились спастись от голодной смерти и непосильного труда. У людей теплилась надежда, попав на фронт, получить тем самым возможность перехода к своим.

Главным в примитивной агитации вербовщиков был довод о необходимости разгрома большевизма. Вербовщик грузин Таганидзе обещал осенью 1942 года разгромить ненавистных большевиков, с национальными знаменами вступить в Грузию, навести там „порядок“ и пить грузинское вино.

— 7 —

Вербовка велась среди национальностей средне-азиатских республик (узбеков, таджиков, казахов, туркменов) и народностей Кавказа (грузин, армян, азербайджанцев, черкесов, кабардинцев, адыгейцев, карачаевцев, осетин).

На завербованных составлялись общие списки, они отделялись от военнопленных и перебрасывались в другие лагеря, где размещались уже в бараках и проходили медицинское освидетельствование. Назначение этих лагерей — прохождение карантина, а также поправка „добровольцев“, так как ввиду истощения они к несению воинской службы не годились. Там же „добровольцев“ переодевали в трофейную одежду французского и английского происхождения.

В течение карантинного периода, длившегося около двух месяцев, „добровольцев“ разбивали на группы и с ними проводилась начальная подготовка, положенная для прохождения немецкому солдату. Подготовка заключалась в шагистике, внедрении немецкой палочной дисциплины, изучении некоторых необходимых немецких команд. Иногда приезжие лекторы из националистов — эмигрантов читали анти-советские „лекции“.

После прохождения карантина „добровольцы“ направлялись на пункты формирования национальных легионов, созданные на территории Польши.

Выявлены места и время формирования следующих батальонов (в скобках указаны полевые номера немецкой армии, присвоенные национальным батальонам по их прибытию на фронт).

Место формирования	Номера и национальность сформированных частей	Время формирования
ст. Кручино	2-й грузинский батальон	Июнь 1942 г.
г. Радом	(808) армянский батальон	Март 1942 г.
г. Радом	4-й туркестанский б-н	Август 1942 г.
Едльне	1-й (452) „ „	Март 1942 г.
Легионово	2-й „ „	Март 1942 г.
г. Острог	3-й (781) „ „	Июнь 1942 г.
г. Варшава	6-й (800) Кавказский б-н	Сентябрь 1942г.

Татарский легион формировался в Крыму в течение зимы 1941—1942 г. г. и весны 1942 г.

Отмечено, что в районах адыгейской области вербовка в Кавказский легион продолжалась еще в ноябре — декабре 1942 г.

Установлено, что организатором грузинского легиона являлся бывший губернатор Тифлиса Маглакелидзе

Одновременно велось формирование:

Туркестанского легиона в составе—7 батальонов (из них 1—5 действуют на Советско-германском фронте, 6 и 7 батальоны находятся в стадии формирования).

Грузинского легиона в составе трех батальонов.

Кавказского легиона (по неполным данным) в составе шести батальонов.

Азербайджанского легиона в составе трех батальонов.

Татарского легиона в составе 8000—9000 человек.

Формирование проводилось строго по национальному признаку. В Туркестанский легион отбирались: узбеки, туркмены, таджики, казахи, калмыки. В кавказский национальный легион—армяне, осетины, черкесы, карачаевцы, адыгейцы, кабардинцы, балкарцы. В Азербайджанский легион — азербайджанцы. В Татарский легион — крымские татары.

В составе смешанных национальных (Кавказский, Туркестанский) легионов создавались батальоны из отдельных национальностей; если же батальон создать не представлялось возможным, то формировались национальные роты. Так, в 6 батальон кавказского легиона входили:

- 1 рота — черкесская
- 2 рота — адыгейская
- 3 рота — карачаевская
- 4 рота — кабардинская

В каждом батальоне отбиралось по 5—6 человек из надежных кулацких или в прошлом репрессированных Советской властью элементов, которые направлялись в школу гестапо в Берлин и по возвращении в батальон являлись глазами и ушами гестапо. Офицерский состав до командира роты включительно подбирался из бывших командиров Красной армии, а также из националистов—эмигрантов соответствующей национальности. К каждой роте приставлялся немецкий фельдфебель (с переводчиком), который и яв-

лялся фактическим хозяином роты. Командирами батальонов назначались немецкие офицеры.

III. БОЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Непосредственно перед фронтом Черноморской группы войск Закавказского фронта в период сентябрь — декабрь 1942 года выявлены следующие национальные соединения и части, действующие в составе 17 немецкой армии.

7 добровольческая казачья дивизия

Организация

7 казачья добровольческая дивизия является кавалерийской дивизией, однако, отдельные ее части действуют в настоящее время как пехотные. В состав дивизии входят 3 казачьих полка: казачий полк им. Платова, 112 казачий полк и казачий полк неустановленной нумерации. Каждый полк состоит из пяти сотен. Сотня имеет 6 взводов, из них — 3 сабельных (пехотных) взвода, 2—минометных и 1 — пулеметный (см. приложение № 1).

Боевой и численный состав

Людей	— до 5,000 чел.
Активных сабель (штыков)	— до 2,000 чел.
Ручных пулеметов	— 180
Ст. пулеметов	— 45
Винтовок СВТ	— 300
Минометов калибра 50 мм	— 30
Минометов калибра 82 мм	— 40

Отправка на фронт и действия на Северном Кавказе

7 добровольческая казачья дивизия формировалась в районе гор. Краснодар в сентябре 1942 года. В октябре дивизия отмечалась в районе Понежукай—Тахтамукай (юговост. Краснодар), находясь в армейском резерве. В конце ноября 1942 года дивизия была переброшена в район южн. Майкоп.

Казачий полк им. Платова в октябре месяце выводился на передовую линию в районе южн. Ильская. С передвижением дивизии в район южн. Майкоп, подразделения полка также отмечают на переднем крае на рубеже:

— 10 —

Даховская—Нижегородская. Штаб полка им. Платова—Абадзехская.

800 батальон кавказского легиона

Организация

800 батальон Кавказского национального легиона состоит из трех стрелковых и одной пулеметной роты, в каждой роте 4 взвода по 4 отделения в каждом.

Боевой и численный состав

Людей	—	800 чел.
Активных штыков	—	до 500 чел.
Станковых пулеметов	—	3
Ручных пулеметов	—	12
Минометов калибра 50 мм	—	9
Минометов калибра 82 мм	—	3

Отправка на Советский фронт и действия на Северном Кавказе

Закончив формирование и боевую подготовку 16.9.42 г., батальон выехал по ж. д. из Варшава в Краснодар, куда прибыл 17.10.42 г., а 29.10 был выдвинут в район Калужские Нефтепромыслы. В настоящее время 800 батальон находится в обороне на рубеже: выс. 267,8, выс. 320,0 (обе высоты 5—6 км сев.-зап. Горячий Ключ).

Неоднократно совместно с немецкими частями батальон принимал участие в наступательных операциях на вышеуказанные и прилегающие к ним высоты.

452 батальон туркестанского легиона

Организация

452 батальон туркестанского легиона—пятиротного состава, из них: 3 стрелковых роты, пулеметная рота и штабная рота. Стрелковая рота состоит из 4 взводов: три стрелковых взвода, взвод управления и снабжения (обоз). Пулеметная рота четырехвзводного состава из них 3 пулеметных и 1 минометный (легких минометов) взводы. В состав штабной роты входят 4 взвода: взвод ПТО, минометный взвод (тяжелых минометов), саперный взвод и хозяйственный взвод. Стрелковый взвод состоит из пяти отделений: четырех стрелковых отделений и отделения уп-

рвления. В батальоне имеется специальная группа немцев, которая фактически держит в руках все управление батальоном (см. приложение № 2).

Боевой и численный состав

Людей	—	925 чел.
Активных штыков	—	до 700 чел.
Ст. пулеметов	—	8
Ручных пулеметов	—	36
Минометов калибра 50 мм	--	9
Минометов калибра 82 мм	--	6
Орудий ПТО калибра 37 мм	—	4

Отправка на Советский фронт и действия на Северном Кавказе

После формирования и проведенной боевой подготовки батальон 6.6.42 года выбыл на Советский фронт по ж. д. из Луганово (15 км. от г. Ченстохов—Польша) и следовал по маршруту: Барановичи, Минск, Могилев—Белорусский, Днепропетровск, Ростов. Однако до Ростов батальон доехать не смог из-за разрушенного нашей авиацией моста и, выгрузившись в 100 км от Ростов, далее следовал пешим порядком через Ростов, Майкоп в Ширванская. В Ширванская весь батальон прибыл 19.9.42 года. Простояв 3 дня на отдыхе, батальон 22.9.42 года проследовал к месту своего сосредоточения в район Гурьевский — Суздальский. В момент наступательных действий немецких частей на ст. Хадыженская, Куринский, Навагинская батальон следовал во втором эшелоне за 101 гсд, не принимая участия в боях. После того как наступление на Туапсе захлебнулось и немецкие войска вынуждены были перейти к обороне, батальон с начала ноября по начало декабря 1942 года находился в обороне в районе выс. 512,0 (5 км сев. Шаумян), занимая оборонительный участок среди боевых порядков частей 101 гсд. С момента выхода батальона на передовую линию фронта, участилось дезертирство и переходы личного состава на сторону Красной армии. В середине декабря 1942 года немецкое командование сняло 452 батальон с линии фронта и отвело его в тыл, где батальон был расформирован, а личный состав распределен между рабочими батальонами.

— 12 —

781 батальон туркестанского легиона

Организация

Организация 781 батальона туркестанского легиона аналогична организации 452 батальона туркестанского легиона.

Боевой и численный состав

Людей	— 883 чел.
Активных штыков	— 773 чел.
Пистолетов	— 96
Ст. пулеметов	— 12
Ручных пулеметов	— 27
ПТ ружей	— 9
Минометов калибра 50 мм	— 9
Минометов калибра 82 мм	— 6
Орудий ПТО калибра 37 мм	— 3

Отправка на Советский фронт и действия на Северном Кавказе

Батальон выбыл на советский фронт из Едльне (Польша) 20.7.42 года, следуя по железной дороге через Днепропетровск, Ростов до Кропоткин. Выгрузившись в Кропоткин, батальон следовал пешим порядком к линии фронта и в конце ноября 1942 г. полностью сконцентрировался в Апшеронский. Из Едльне батальон выехал без оружия и получил его только по дороге на Радом. Все выданное оружие было советского образца. Примерно 15.10.42 года 781 батальон занял оборону в районе Хадыженский, причем впереди обороны батальона находились боевые порядки немецких частей. Затем батальон был выдвинут в район выс. 512.0 (5 км. сев. Шаумян), где занял оборону на передовой линии фронта. В этот период времени в батальоне участились случаи дезертирства; дезертировал в основном командный состав, состоящий из бывших командиров Красной армии. Столкнувшись с таким фактом, немецкое командование 25.10.42 г. разоружило 1, 3, 4 и 5 роты батальона и отвело их тыл в район Хадыженский, после чего в начале ноября расформированные роты были влиты как пополнение в действующий 229 гсп 101 гсд. При этом распределение рот батальона проходило следующим порядком:

1 рота 781 батальона	влита в 3 роту	1/229 гсп.
3 рота	„ „ „	во 2 роту „
4 рота	„ „ „	в 5 роту „
5 рота	„ „ „	в 1 роту „

— 13 —

2 рота 781 батальона, очевидно, в связи с отсутствием в ней случаев дезертирства, была выдвинута в район Щель Сосновая, где поставлена в оборону. На этом участке фронта 2 рота находилась до 24.12.42 года после чего личный состав роты совершил массовый переход (43 человека) с оружием на сторону Красной Армии. По показаниям дезершедших, рота должна была быть сменена немцами из-за политической неблагонадежности личного состава роты.

2-й грузинский батальон

Организация

2-й грузинский батальон—пятиротного состава, из них 3 роты стрелковые, одна пулеметная и 1 штабная. В состав стрелковой роты входит 4 взвода, (три стрелковых и хоз. взвод). Стрелковый взвод имеет 4 отделения. Пулеметная рота состоит из 4 взводов, из них 3—пулеметных и 1 минометный взвод. Штабная рота трехвзводного состава—саперный взвод, санитарный взвод и обоз (взвод снабжения). Командир батальона - немец - капитан Гофман.

Боевой и численный состав

Людей	—	825 чел
Активных штыков	—	до 500 чел.
Ст. пулеметов	—	8
Ручн. пулеметов	—	36
Минометов калибра 50 мм	—	6
Минометов калибра 82 мм	—	3
Автоматов ППШ	—	до 10

Отправка на Советский фронт и действия на Северном Кавказе

2-й грузинский батальон 20.9.42 года был погружен в ж. д. эшелоны и отправлен на советский фронт по маршруту: Радом, Краков, Львов, Днепропетровск, Сталино, Таганрог. Недоезжая до Таганрог 50-60 км., батальон был выгружен и далее на Ростов следовал пешим порядком. В Ростов батальон был вновь погружен в ж. д. эшелоны и доставлен в Майкоп. Простояв несколько дней в Майкоп на отдыхе, батальон был выведен через Нефтеная в район выс. 977,0 (5 км. юго-зап. Гунайка), куда прибыл 6.11.42 г. Не питая доверия к личному составу батальона и желая проверить его благонадежность и боевые качества, немец-

— 14 —

кое командование не решилось вывести к линии фронта сразу весь батальон, а выдвинуло на передовую линию только 2 и 3 роты, намереваясь на них проверить свои опасения. Обе эти роты были выдвинуты в район выс. 394,7 (1 км. южн. Гойтх), где после нескольких дней обороны начали наступательные действия на безым. высоты юго-зап. выс. 394,7. В момент наступательных действий в обе роты было влито до 40 человек немецких солдат. Благодаря успешным действиям 2 и 3 роты, а также ввиду начавшихся наступательных операций наших частей, немецкое командование вывело на передний край и 1 роту 2 грузинского батальона (27.11.42 г.). 11.12.42 г., под руководством командира 3 роты быв. капитана Красной армии Чичинадзе, на нашу сторону (после предварительной договоренности с командиром одной из наших дивизий) перешло 82 легионера 3 роты. О дальнейшей судьбе батальона, после совершившегося массового перехода, данных не поступило, однако, можно полагать, что 2 грузинский батальон снят с передовой линии фронта и расформирован.

808 армянский батальон

Организация

Организация 808 армянского батальона была построена по типу организации немецкого горно-стрелкового батальона. Батальон—пятиротного состава, из них—3 стрелковых роты, 1 пулеметная рота и 1 штабная рота.

Стрелковые роты—трехвзводного состава, пулеметная рота четырехвзводного состава, причем 3 взвода — пулеметных и 1 минометный. В состав штабной роты входят: взвод связи, саперный взвод и взвод пехотных орудий. При батальоне имеется специальный взвод снабжения (обоз), обеспечивающий снабжение всего батальона. Командир батальона майор — австриец по национальности.

Боевой и численный состав

Людей	— до 800 чел.
Активных штыков	— до 550 чел.
Ст. пулеметов	— до 10
Ручных пулеметов	— 27
Минометов калибра 50 мм	— 6
Минометов калибра 82 мм	— 3

-- 15 --

*Отправка на Советский фронт
и действия на Северном Кавказе*

20.8.42 г. 808 армянский батальон из Пулава (Польша) по железной дороге был направлен на Советский фронт, следуя по маршруту: Брест-Литовск, Минск, Гомель, Бахмач, Харьков, Лозовая, Таганрог, куда прибыл 27.8.42 г. От Таганрог до Ростов батальон в течение двух дней следовал вдоль берега моря пешим порядком. Прибыв в Ростов 29.8.42 г. и простояв несколько дней на отдыхе, батальон дальше следовал по маршруту: Подкушевская, Кушевская, Ново-Михайловская, Павловская, Тихорецкая, Архангельская, Кропоткин, Отрадо-Кубанская, Армавир, Козмынская, Вознесенская, Лабинская, Майкоп, Нефтегорск. В Нефтегорск батальон прибыл в полном составе 28.9.42 года и 5.10.42 года всеми ротами занял оборону в районе Красное Кладбище. В обороне батальон находился всего 4 дня, а 9.10.42 г. у всего личного состава было отобрано все вооружение и боеприпасы и батальон был направлен обратно в Нефтегорск. Разоружение батальона произошло вследствие раскрытия немецким командованием подпольной организации в батальоне. под руководством бывшего старшего лейтенанта Красной Армии Григорян. Группа ставила своей целью уничтожить немецкое командование и примкнуть к Красной Армии, перейдя линию фронта. За несколько дней до разоружения батальона Григоряном было направлено через фронт 3 бойца, которые имели задачу установить связь с действующими частями Красной Армии и поставить их в известность о намерениях батальона. Очевидно, эти бойцы были пойманы, вследствие чего немецкому командованию стало известно о существовании подпольной группы. Всего было арестовано и расстреляно 33 руководителя этой группы. После разоружения была создана одна рота добровольцев, которая, получив оружие, убыла в неизвестном направлении. Все остальные подразделения батальона были переформированы в дорожно-строительный батальон и отправлены на строительство дороги Озерово—Гунайка—Котловина, приступив к строительству 11.10.42 года. С момента перевода батальона на дорожно-строительные работы, отношение немецкого командования к личному составу батальона резко изменилось в худшую сторону, людей били плетью, расстреливали за всякую мелочь и морили голодом. Во время работ батальона в районе Гунайка дезертирство солдат при-

--- 16 ---

няло угрожающие размеры; ежедневно на нашу сторону переходили группы легионеров. Всего перешло 73 легионера. После этого немецкое командование отвело батальон в тыл; до 400 человек из состава батальона заключены в концлагеря, а остальные влиты в рабочие батальоны и используются на строительстве и ремонте дорог.

Азербайджанский батальон (неустановленной нумерации)

Организация

В состав батальона входит 5 рот, из них 3 стрелковых роты, 1 пулеметная и 1 штабная рота. Стрелковые роты четырехвзводного состава—3 пулеметных и 1 минометный взвод. В состав штабной роты входят: взвод связи, саперный взвод, санитарный взвод и обоз.

Боевой и численный состав

Людей	— до 800 чел.
Активных штыков	— до 500 чел.
Ст. пулеметов	-- 8
Ручных пулеметов	— 28
Минометов калибра 50 мм	— 3
Минометов калибра 82 мм	— 6

Отправка на Советский фронт и действия на Северном Кавказе

Данных о месте формирования и времени прибытия батальона на Советский фронт не поступило. 3.11.42 года батальон был впервые отмечен в районе Боговская, где он, ведя наступление, овладел поселком Ново-Прохладная (25 км. юго-зап. Боговская).

8.12.42 года подразделения батальона отмечались в Губская. На 28.12.42 года батальон находится в обороне на участке Бугунджа—Боговская. Штаб батальона—Боговская.

Примечание: Все вооружение, указанное в разделах „боевой и численный состав“, — советского образца.

-- 17 --

IV. БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Еще при отборе легионеров из лагерей военнопленных комиссия, формировавшая легионы, учитывала военно-учетную специальность и в дальнейшем, в период боевой подготовки батальонов, каждый легионер использовался по той же специальности, по какой он служил в рядах Красной Армии. Это мероприятие было проведено с целью сокращения времени, необходимого на боевую подготовку личного состава легионов. Вся боевая подготовка проходила по немецким уставам, на немецком языке и велась немецкими унтер-офицерами. Преподавание на немецком языке касалось в основном строевой подготовки и тактических занятий на местности. Преследовалась цель приучить личный состав к немецким командам.

В основном личный состав проходил строевую подготовку, тактические занятия на местности и изучение материальной части оружия советского образца. Огневой подготовке уделялось очень мало внимания. За время обучения было проведено всего несколько стрельб. Однако, специалисты проходили больше практических чем теоретических занятий: минометчики, пулеметчики, бронебойщики и артиллеристы ежедневно по несколько часов проходили практические занятия на местности, стреляя обычно боевыми снарядами и патронами. Общее руководство подготовкой осуществляли немецкие унтер-офицеры при помощи переводчиков. Строевые занятия повзводно проводили бывшие командиры Красной Армии, по специальным инструкциям. К боевой подготовке легионеров привлекались бывшие командиры Красной Армии, находящиеся в плену у немцев. В частности, в подготовке 2 грузинского батальона принимали участие полковник Михайловский (бывший командир „Пролетарской дивизии“), полковник Овалов (бывший начальник штаба дивизии) и другие.

Военная подготовка длилась в среднем 3 месяца, занятия проводились ежедневно по 8 часов. Каждую декаду практиковались всевозможные спортивные и военные состязания, кроссы, марши и пр. Победители таких соревнований отмечались и поощрялись командованием.

После окончания боевой подготовки была создана специальная комиссия, в состав которой входили средний и старший офицерский состав немецкой армии. Комиссия перед отправкой батальонов на фронт организовывала спе-

циальные смотры, на которых проверяла качество подготовки личного состава легионов.

По имеющимся данным, боевая подготовка подразделений 7 добровольческой казачьей дивизии также проходит под руководством немецких унтер-офицеров.

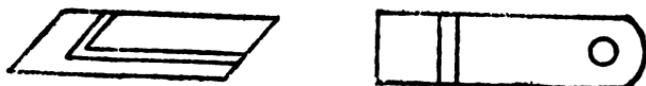
V. ФОРМА, ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ, ЗНАМЕНА И ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Легионерам присвоена форма пехотных частей немецкой армии, без нагрудного знака—орла со свастикой—и трехцветной кокарды на пилотке. Кроме того заменены немецкие петлицы и погоны.

В туркестанском легионе—петлицы и погоны серо-голубоватого цвета, в кавказском легионе--красного цвета. На погонах пехотинцев имеется белая окантовка.

Командный состав носит на погонах и петлицах серебряные нашивки:

Командир отделения: на погоне—поперечная серебряная полоска. На петлице--одна поперечная и одна продольная серебряные полоски, пришитые углом на передней стороне.

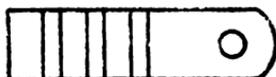

Пом. командира взвода: на погонах имеет две поперечных серебряных полоски; на петлицах--две поперечных и одну продольную серебряные полоски.

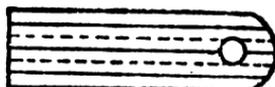
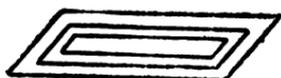

— 19 —

Командир взвода: на погонах имеет 3 поперечных серебряных полоски; на петлицах—3 поперечных и одну продольную серебряные полоски.

Командир роты: узкий погон, полностью обшитый серебряной каймой. На петлицах (по форме петлиц)—серебряный галун.

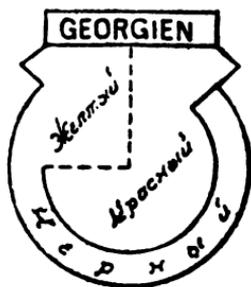
Всем легионерам, в том числе и командному составу, выдается обмундирование второй категории.

Все национальные легионы имеют свои знамена, в частности, туркестанскому легиону и его батальонам присвоено знамя, которое одновременно является знаменем так называемого „Свободного Туркестана“. Знамя состоит из двух продольных полотнищ, из которых верхнее—красного цвета, нижнее—зеленого цвета. На верхней части древка укреплена позолоченная звезда с полумесяцем.

Всем легионам, по существующему в немецкой армии правилу, присвоен опознавательный знак.

Опознавательный знак грузинского легиона — трехцветный щит черного, желтого и красного цветов. В верхней части щита латинскими буквами написано— „Георгин“ (по-немецки—Грузия).

Такой опознавательный знак, каждый легионер носит на правом рукаве френча.

Форма обмундирования добровольческих казачьих частей и, в частности, личного состава 7 добровольческой казачьей дивизии следующая: головной убор — кубанка с красным верхом и белым галуном крест на крест. Немецкий френч зеленоватого цвета с красными погонами, окаймленными зеленой тесьмой. Брюки на выпуск такого же цвета с широким красным лампасом.

Примерно в первых числах декабря 1942 года немецкое командование утвердило значек за ранение для „добровольцев“ иноземного происхождения.

VI. ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Политико-моральное состояние национальных частей и легионов сложилось для немецко-фашистской стороны явно неудовлетворительно.

Уже в самом рождении этой фашистской затеи, нарушающей основы международного права, крылся и ее провал.

Люди, жившие при Советской власти, познавшие свободу Сталинской конституции и воспитанные Партией в духе дружбы народов СССР, не могли служить фашизму.

Только враждебные и подвергавшиеся репрессиям Советской власти элементы шли в национальные части и легионы добровольно для того, чтобы бороться в рядах немецкой армии. Подавляющая масса солдат и легиснеров находятся в рядах германской армии по принуждению, вызванному нечеловеческими условиями в лагерях военнопленных и притеснениями мирного населения на оккупированной территории. Многие, вступая в легионы, таили в себе

мысль при соприкосновении с частями Красной Армии перейти на нашу сторону.

Один из таких „добровольцев“ говорит: — Я и ряд моих товарищей попали в казачью часть из лагеря военнопленных, где нам угрожала голодная смерть, но и здесь (в части) — не лучше“.

„В плену быть — хуже чем самому застрелиться — писал в своем дневнике один из легионеров, узбек по национальности. — Одежды нет, люди умирают с голода и холода, как собаки... Надо лучше защищать Родину — СССР... Фашисты говорят, что они хотят строить новую туркестанскую республику, а я думаю, что Туркестан был и будет Советским... Туркестан не будет у капиталистов...“

В каждой части существуют тайные организации из легионеров, твердо решивших не только самим перейти на сторону Красной Армии, но и помочь в этом основной массе легионеров.

В дневнике того же узбека из туркестанского легиона имеется запись: — „20.7.42 г. было секретное собрание под руководством Т. и создана организация. Принято 183 человека.“

„Вечером 23.6 лейтенант Т. говорил, что ненадо защищать Германию, что Советская страна победит, и да здравствует великий вождь и учитель и отец наш — Сталин, и 4 человека закричали ура“ (там же).

„Сразу же после организации 2 грузинского батальона быв. командиры Красной Армии повели работу среди личного состава по организации массового перехода“ (показания перешедшего легионера Ч.).

Немецкое командование, зная настроение легионеров, не доверяло своим вновь испеченным частям, окружило их шпионской сетью. При малейших подозрениях сыпались аресты, расстрелы и разоружения.

Основная масса солдат национальных частей и легионов ненавидит немцев, видит в их лице своих поработителей и врагов.

Питание в легионах плохое, официальным приказом узаконены сокращенные нормы для легионеров. Казачьи же части вообще на снабжении немецкой армии не состоят и снабжаются за счет населения.

При попытке немецкого командования вывести 452 и 781 батальоны туркестанского легиона, 2 грузинский и

— 22 —

808 армянский батальоны на передний край, сразу же начались массовые переходы легионеров на нашу сторону.

В ы в о д ы

Истощив свои резервы в течение первого года войны, фашистское командование, нарушая все международные правила, сделало попытку восполнить убыль живой силы за счет формирования национальных частей и легионов из населения оккупированных областей и военнопленных.

Всею ходом боевых действий установлено, что фашистская затея, в основном, провалилась. Использовать национальные части и легионы как вооруженную силу непосредственно в боях немцам не удалось.

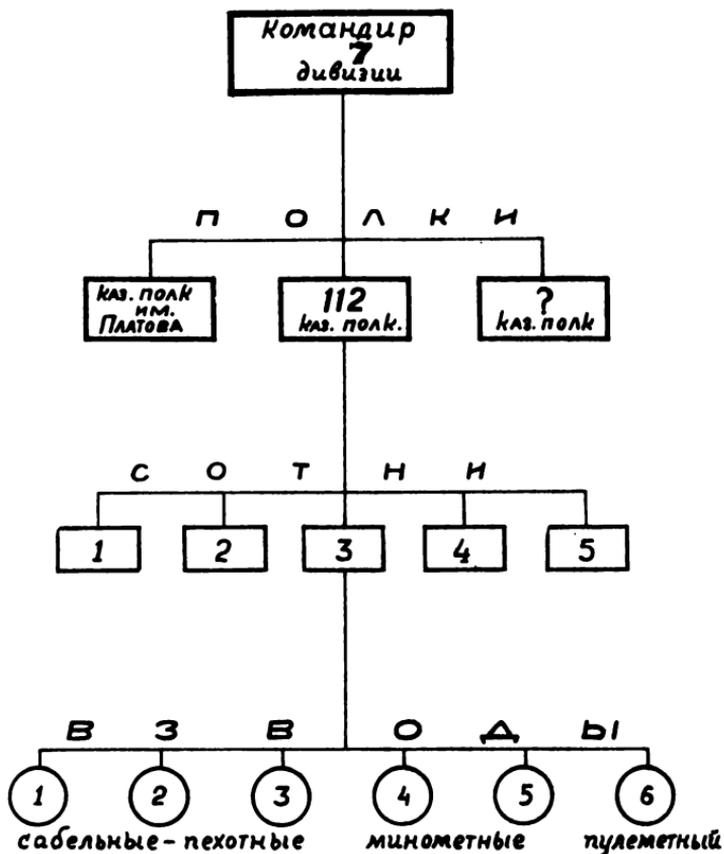
В дальнейшем следует ожидать, что немецкое командование будет пытаться использовать эти части как тыловые и строительные, а также как полицейскую силу на оккупированной территории.

*Начальник РО Штаба Черноморской
Группы Войск Зафронта
Полковник ЕРЕМИН*

7

Приложение №1

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ КАЗАЧЬЯ ДИВИЗИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	2
I. Введение	3
II. Формирование	4
III. Боевые характеристики	9
7 добр. казачья дивизия	9
800 батальон Кавказского легиона	10
452 батальон Туркестанского легиона	10
781 батальон Туркестанского легиона	12
2 грузинский батальон	13
808 армянский батальон	14
Азербайджанский батальон	16
IV. Боевая подготовка	17
V. Форма, знаки различия, знамена и опознаватель- ные знаки	18
VI. Политико-моральное состояние	20
Приложения — схемы	23

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

В ПОМОЩЬ
КОМАНДИРУ-РАЗВЕДЧИКУ
И
ВОЕННОМУ ПЕРЕВОДЧИКУ

СОСТАВИЛ КАПИТАН А/С
А. А. ИОТКОВСКИЙ

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
ШТАБА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

М А Й 1943.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой опыт составления практического пособия — справочника в помощь военному переводчику с немецкого языка, работающему в штабах всех степеней РККА.

Материалом для составления этого пособия послужили извлечения из справочной и словарной литературы, трофейные немецкие справочники и документы и, главным образом, опыт полуторагодовой работы в штабе одного из фронтов Великой Отечественной войны.

Основным содержанием пособия является справочный материал, облегчающий переводчику обработку и использование трофейных документов. Очень немного места уделено двум другим участкам работы военного переводчика: использованию предметов обмундирования, снаряжения и допросу пленных.

Перевод и значение немецких терминов и сокращений даны не в алфавитном порядке, а в порядке последовательности изучения документов.

Виды трофейных документов.

Все трофейные документы, подлежащие переводу и изучению, могут быть разделены на следующие группы:

1. Приказы (Верховного Командования, по армии, по корпусу, по дивизии, полку и т. д.) и донесения. Эта группа документов может быть использована для изучения тактики противника, разгадывания его намерения, установления наименования и нумерации частей противника, фамилий командиров, морального состояния войск противника.

2. Циркуляры и переписка частей и подразделений противника между собой. Этот вид документов, особенно документы, исходящие от органов снабжения и санитарной службы, как правило, значительно чаще чем приказы раскрывают наименование, нумерацию и дислокацию частей противника. Заявки и разнарядки по боевому, вещевому и продовольственному снабжению, документы медицинских и ветеринарных частей, например — ведомости поступления и выбытия раненых и больных), составляются часто без надлежащего соблюдения военной тайны и дают возможность установить состав, нумерацию и размещение отдельных гарнизонов, участков фронта, армий, корпусов и дивизий. На основании этих документов можно также часто прийти к выводам о состоянии снабжения, степени обеспеченности войск противника, размерах потерь, заболеваемости и т. п.

3. Уставы и наставления.— Перевод этой группы документов служит для изучения тактики противника, организации его частей и подразделений и для изучения трофейного оружия.

4. Взятые у убитых или у плененных документы, удостоверяющие личность военнослужащих и

служащих военизированных организаций. К этой группе относятся военные паспорта, расчетные книжки военнослужащих, удостоверения личности, отпускные и проездные документы. Перевод и изучение документов этой группы служат, в первую очередь, для установления нумерации и наименования частей противника, действующих на данном участке фронта. Кроме того, ознакомление с подобными документами, захваченными у пленных, должно предшествовать допросу пленного и дает возможность проверить правильность показаний последнего.

Особенно следует выделить документы „тылового“ характера, обнаруживаемые часто у убитых и у плененных военнослужащих противника. Сюда относятся гражданские паспорта, членские билеты „рабочего фронта“, членские билеты фашистской партии и гитлеровского союза молодежи, рабочие книжки трудовой повинности, документы и удостоверения выдаваемые военной администрацией во временно оккупированных советских районах (проходные свидетельства, удостоверения, выдаваемые назначенным администраторам—старостам, бургомистрам и т. п.). Вся эта обширная группа документов, подлежит тщательному переводу и хранению для последующего использования по специальному назначению.

5. Личные письма с фронта и на фронт и личные дневники. Как правило, эти документы целесообразно переводить полностью, а, после тщательного изучения, переводить только отдельные выдержки из них, характеризующие политико-моральное состояние фронта и тыла, размер потерь, качество снабжения питанием, одеждой, боеприпасами. В отдельных случаях, если дневники ведутся развитыми, подготовленными людьми, представляется возможность сделать на их основании и некоторые выводы о тактике противника, применении новых видов оружия, оценке противником нашего оружия, тактики и т. д.

Все захваченные личные письма (как с фронта в тыл, так и из тыла на фронт) имеют номер полевой

почты (Feldpostnummer или сокращенно FPNr). Это обстоятельство дает возможность использовать личные письма как средство расшифровки нумерации частей противника, действующих на фронте.

Если у пленного или у убитого находят одновременно какие нибудь документы, удостоверяющие его личность, (расчетную книжку, опознавательный жетон) и письма, то из первых можно установить номер и наименование части, а из писем — номер полевой почты, присвоенный этой части.

Необходимо регистрировать и записывать все эти номера полевых почт и частей. Впоследствии эти записи дают возможность по номеру полевой почты, (имеющейся почти на всех даже сов. секретных документах германской армии), устанавливать часть. Списки номеров полевых почтовых станций, пересланные соседям слева и справа, а также на другие фронты, позволяют последним по захваченным документам с новым номером полевой почты, определить нумерацию и наименование вновь появившейся части противника.

Структура немецкого военного документа.

Каждый приказ, циркуляр, донесение и т. п. можно условно разделить на следующие разделы:

1. Штамп, содержание которого очень важно, так как дает возможность установить происхождение документа.

2. Место и дата составления документа.

3. Содержание.

4. Подпись.

Штамп

В верхнем левом углу всех немецких приказов, донесений, циркуляров, писем и т. п. обычно помещается штамп, содержащий: наименование части, ее номер, название отдела или службы (если документ исходит из штаба), исходящий номер и указание о степени секретности.

Все эти данные пишутся, как правило, сокращенно. Для обозначения частей и подразделений в германской армии приняты следующие главные сокращения:

Обозначение частей Obh. d. W. — Oberbefehlshaber der Wehrmacht — Верховное командование вооруженными силами.

ОКН—Oberkommando des Heeres — Верховное командование армии (сухопутной).

АОК—Armee Oberkommando—Штаб армии.

A. Gr. Armeegruppe — Армейская группа.

АК—Armeekorps—Армейский корпус.

Div или D.—Division—Дивизия.

Br—Brigade—Бригада.

R—Regiment—Полк.

A или Abt—Abteilung—Батальон, дивизион, эскадрон, отряд, отдел.

B или Bat—Bataillon—Батальон.

Schw—Schwadron—Швадрон (эскадрон) — применяется обычно только для обозначения самокатных или мотоциклетных частей).

Battr—Batterie—Батарея.

K или Kp—Kompanie—Рота.

Zg или Z—Zug—Взвод.

Gr—Gruppe—Отделение.

St—Staffel—Авиаотряд.

Gr—Gruppe—Авиагруппа.

Geschw—Geschwader—Авиаэскадра.

K или Kol—Kolonne—Колонна (Колоннами в германской армии называются части, соответствующие нашим паркам и транспортам).

Род войск и специальные части также изображаются обычно сокращенно:

I—Infanterie—Пехота. Напр. ID пехотная дивизия.

A—Artillerie—Артиллерия. Напр. AR—артполк.

K—Kavallerie—Кавалерия или

R—Reiter—Кавалерия.

Pz—Panzer—Танковые войска. Напр. Pz. D танковая дивизия.

Pz. Jäg—Panzer jäger—Противотанковые части (до-словно истребители танков). Напр. Pz. Jag. Abt—Противотанковый дивизион.

N или Na—Nachrichten—Связь. Напр. Na Abt—Батальон связи.

Pi—Pioniere—Саперы. Напр.: Pi Kp — Саперная рота.

Rdf—Radfahrer—Самокатчики. Напр.: Rdf Schw—эскадрон самокатчиков.

Krad или Krdf—Kraffradfahrer—мотоциклисты.

Fu или F—Funk—Радио. Напр.: FuKp радиорота.

San—Санслужба.

Vet Ветслужба.

J.—Jäger—Истребители. Напр.: J. G.—Jäger Geschwader—эскадра истребительной авиации.

Stukas—Sturmkampfflugzeuge—Пикирующие бомбардировщики.

K. G.—Kampf Geschwader—Эскадра бомбардировщиков.

N. J. G.—Эскадра ночных истребителей.

Z. G.—Zerstörer Gcschwader—Эскадра двухмоторных истребителей.

L. G.—Lehr Geschwader—Учебная эскадра.

A. A. Aufklärung Abteilung—Разведывательный отряд (батальон)

K. A.—Krafffahrabteilung—Автобатальон.

F. Gen.—Feldgendarmerie — Полевая жандармерия.

Кроме общеармейских частей в германской армии существуют части СС.

(**SS**—Schutzstaffel—охранные части—отряды). Эти отборные фашистские части носят, обычно, специальные названия: „Адолф Гитлер“, „Мертвая голова“, „Викинг“ и т. п. Перед их обозначением ставится знак **SS** (Rune).

Моторизация частей обозначается знаком m—motorisiert—моторизовано, или tm—teilmotorisiert—частично моторизовано, или mot gl—motorisiert auf gelandegängigen Krafffahrzeugen—на вездеходных автомашинах.

Нумерация частей Нумерация частей германской армии строится по следующим принципам. Арабскими цифрами обозначаются: армия, дивизия, полк, отдельный батальон или дивизион, рота, батарея, эскадрон.

Римскими цифрами обозначаются: армейские и воздушные корпуса, батальоны и дивизионы, входящие в состав полка.

После цифры, обозначающей номер части, ставится точка. Если точки после цифры нет, то цифра обозначает количество частей.

Например: 2.JR—второй пехотный полк*)
2JR—два пехотных полка.

Цифра, чаще, пишется перед наименованием части. Исключение составляет только обозначение армии, где цифра пишется всегда в конце.

В качестве примеров наиболее часто встречающихся обозначений частей можно привести следующие:

AOK11—Armeeoberkommando 11 — Штаб 11 армии.
Generalkommando XXX.AK—Штаб 30 армейского корпуса.

72.JD—72 пехотная дивизия.

213.AR—213 артиллерийский полк.

III/77.JR—Третий батальон 77 пехотного полка.

I/45.AR—Первый дивизион 45 артполка.

7/50.JR—Седьмая рота 50 пех полка.

A.A.46.JD—Разведотряд 46 пд.

II/14.PzR—Второй батальон 14 танкового полка

88.PiAbt—88 саперный батальон.

NaKp110.JR—Рота связи 110 пехотного полка

и т. д.

*) Приказом ставки верховного командования Германской армии от 15.10.42. все пехотные полки германской армии переименованы в гренадерские полки, а мото-полки танковых дивизий в танково-гренадерские полки.

Обозначение отделов и служб штабов Если документ исходит от штаба, то непосредственно за наименованием части следует обозначение отдела:
 Ia—оперативный отдел (операции, применение родов войск, обучение, организация и перевозка войск).

Ib отдел подвоза и обеспечения или отдел тыла (подвоз, эвакуация, материальное обеспечение, за исключением перевозки войск).

Ic—разведывательный отряд (в его функции входит также применение разведывательной и наблюдательной авиации). Отдел в дивизии подчинен оперативному отделу.

IIa—адъютант (канцелярия, личный состав). В штабе корпуса имеется специальный отдел личного состава (IIc).

IIb—отдел укомплектования.

III—военная юстиция.

IVa—интендантская служба.

IVb—санитарная служба.

IVc—ветеринарная служба.

ск IVwi—отдел, ведающий хозяйственной, экономической жизнью территории, на которой находится часть.

V. V.—Vorschrift Verwaltung—отдел уставов и наставлений.

Kart—картографический отдел.

Mun. Ger.—боеприпасы.

Wug (Waffe und Gerät)—Отдел боевого снабжения.

Gend.—жандармерия (F. G.—полевая жандармерия).

P. O.—почта.

Vo—комендант штаба.

Tg.—комендант обоза штаба.

Stoart—Stabsoffizier Artillerie—офицер артиллерийского штаба корпуса.

Koart—Kommandeur der Artillerie—начальник артиллерии дивизии.

Stopi—Stabsoffizier Pioniere—офицер штаба инженерных войск корпуса.

Kopi—Kommandeur der Pioniere—командир инженерных частей дивизии.

Stonach—Stabsoffizier Nachrichtentruppe—офицер штаба частей связи корпуса.

Gabo—Gazabwehroffizier—офицер, ведающий химобороной.

Konach—Kommandeur der Nachrichten abteilung—Начальник службы связи дивизии.

Kogas—Gazschützkommandeur—Начальник химслужбы дивизии.

Номер и степень секретности документа и **Вслед за наименованием отдела или службы штаба следует исходящий номер по общему журналу или дневнику штаба.** И здесь обычно применяется ряд сокращений, как, например:

Nr 54 (Nummer 54)—№ 54.

J. Nr 110 (Journalnummer 110)—Журнальный номер 110.

T. B. Nr (Tagebuchnummer)—Номер по дневнику.

L. Nr (Laufende Nummer)—Текущий номер.

После номера в штампе каждого документа указывается степень секретности документа. В германской армии приняты три степени секретности переписки и литературы:

Только для служебного пользования—Nur für Dienstgebrauch.

Секретно—Geheim.

Совершенно секретно—Geheime Kommandosache (дословно: секретно, только для офицеров).

Эти обозначения, как правило, полностью надписываются на документе специальным цветным штампом. На угловом штампе эти же обозначения пишутся сокращенно:

N. f. D.—только для служебного пользования.

geh—секретно.

geh. ks.—сов. секретно.

Кроме того имеются обозначения:

pers. (persönlich)—лично.

dienst. (dienstlich)—официально.

D. (dringend)—спешно.

Ниже углового штампа почти во всех документах имеется два пункта:

Bez (bezüglich)—что дословно значит „относительно“, а должно переводиться: „по поводу“, „в ответ“ или „в развитие“. Здесь обычно указывается на основании чего составлен документ. „В ответ на...“ или „На основании приказа...“ и т. д.

Betr. (betreffend)—по поводу, относительно. Здесь обычно кратко излагается содержание документа или вопрос по поводу которого составлен документ.

Время и место составления документа В правом верхнем углу всех приказов, донесений, циркуляров и отношений пишется место и время отправления. Действительное географическое наименование места отправления пишется в германских военных документах очень редко, только в документах, исходящих от учреждений и частей, находящихся в глубоком тылу. Обычно же указывается только условное, сокращенное обозначение места. Таковы, например:

Gef. St. (Gefechts Stand)—Командный пункт.

Div. Gef. St.—Дивизионный командный пункт.

St. Qu. (Stabsquartier)—Штаб-квартира.

A. St. Qu (Armee Stabsquartier) — Штаб-квартира армии.

O. U. (Ortsunterkunft)—Расположение в населенном пункте.

Pkt. 67 (Punkt 67)—Отметка 67.

B. S. (Beobachtung Stelle)—Наблюдательный пункт. Сокращенно изображаются также страны света и направления по странам света:

O—(Osten)—восток.

o—(ostwärts)—восточнее.

W—(Westen)—запад.

- w—(westlich)—западнее.
 N—(Norden)—север.
 n—(nördlich)—севернее.
 S—(Süden)—юг.
 s—(südlich)—южнее.
 N. O. (Nordosten)—сев.-вост.
 N. W. (Nordwesten)—сев.-зап.
 S. O. (Südosten)—юго-вост.
 S. W. (Südwesten)—юго-зап.

Для обозначения ранее уже упоминавшегося места употребляется сокращение d. l. (dicto loco), что означает—по латыни—в упомянутом месте.

Дата обозначается в немецких документах также как и в русских, арабскими цифрами. Например: 24.2.43.—22 февраля 1943 года.

Кроме того, для обозначения времени немцы пользуются следующими сокращениями:

- v. m. (vormittags)—до полудня.
 morg (morgens)—утром, утра.
 Nachm (nachmittags)—пополудни.
 Abds (Abends)—вечера, вечером.
 l. M. (laufenden Monats)—текущего месяца.
 d. M (dieses Monats)—текущего месяца.
 d. j. (dieses Jares)—текущего года.
 z. Z (zur Zeit)—в настоящее время, к настоящему

времени.

Ниже приводится несколько примеров бланков германских документов.

Generalkommando XXX.AK
 L. Nr. 331/41 geh

K. H. Qu, den 7.8.41.

Штаб 30 армейского корпуса
 № по порядку 331/41

Корпусная главная квартира
 7.8.41

Секретно

<p>213. JR/73JD Abt. I c T. B. Nr. 225/3 geh</p> <p>Bezug: 73JD Ic N 734 geh. v. 12.2.43. Betr: Beut Mun.</p>	<p>Gef. St. den 17.2.43.</p>
<p>213 пп 73 пд Развед. отдел. штаба по журналу 225/3</p> <p>Основание: Секр. отношение разведыват. отделения штаба 73 пд от 12.2.43 По вопросу: О трофейных боеприпасах</p>	<p>К. П. 17.2.43. Секретно</p>
<p>I./Jäg. Rgt. 228 Ldr. Nr. 21/43 geh.</p> <p>Betr.: Kampfgruppenbefehl der Kampfgruppe Schury</p>	<p>Geheim Btl. Gef. St., der 4.2.43</p>
<p>1 бат-н 228 егерского полка Текущий № 21/43 Секретно</p> <p>По вопросу: О боевом приказе по боевой группе Шури</p>	<p>К. П. Б-на, 4.2.43 Секретно</p>
<p>101. Jäger Division Abt. Ib Nr 77/43 geh</p> <p>Besondere Anordnungen für die Versorgung</p>	<p>Geheim Div. Gef. St, den 12.2.43</p>
<p>1 01 горно-стрелковая дивизия Отделение тыла № 77/43 Секр.</p> <p>Особые предписания по снабжению</p>	<p>Секретно КП дивизии, 12.2.43</p>

Заглавие или наименование самого документа помещается обычно только на приказах и донесениях. Письма, отношения, циркулярные оповещения и т. п., как правило, заглавия не имеют.

Приказы Что касается приказов, то они подразделяются, во первых, по наименованию части по которой отдается приказ: приказ по дивизии (Divisionsbefehl), приказ по полку (Regimentsbefehl) и т. д. Кроме того в германской армии различаются следующие основные виды приказов:

1. **Общий оперативный приказ** (Operationsbefehl или Gesamtbefehl). Этот приказ относится ко всем войскам, находящимся под командой начальника, отдающего приказ, и содержит только то, что войска должны знать для тактического выполнения своей задачи.

2. **Частный приказ, приказание** (Einzelbefehl или Sonderbefehl). Этот приказ касается лишь части сил, находящихся под командой отдающего приказание начальника. Такое же название носит приказ по какому либо частному поводу.

3. **Повседневный приказ** (Tagesbefehl).

4. **Предварительное приказание** (Vorbefehl). Этот приказ предшествует оперативному приказу и содержит общие указания предназначенные для быстрой ориентировки частей и принятия предварительных мер по обеспечению выполнения последующего оперативного приказа.

Что касается донесений, то различается два главных вида донесений:

Донесение за день—Tagesbericht

Боевое донесение—Gefechtsbericht, донесение о бое, составленное тотчас после него.

Сокращенные обозначения В тексте каждого приказа, донесения, циркуляра и прочих документов немецкой армии также широко применяются сокращенные обозначения.

Это в первую очередь относится к наименованиям различного рода оружия. Наиболее часто встречаются следующие сокращенные обозначения различных видов оружия:

A. Z. (Aufschlagzünder)—ударный взрыватель.

Az. m. V. (Aufschlagzünder mit Verzögerung)—ударный взрыватель замедленного действия.

Az. o. V.—ударный взрыватель мгновенного действия.

B. A. K.—орудие для стрельбы по аэростатам.

Bl (Blindgänger)—неразорвавшийся снаряд.

Brandgr (Brandgranate)—зажигательная бомба.

Bz (Brennzünder)—дистанционная трубка.

G—Geschoss - снаряд (пуля).

D. Z. (Doppelzünder)—трубка двойного действия.

F. H. (Feldhaubitze)—полевая гаубица.

F. K. (Feldkanone)—полевая пушка.

Flak (Flugabwehrkanone)—зенитная пушка.

Fla MG—зенитный пулемет.

F. W. (Feuerwerfer)—огнемет.

G. (Gewehr)—винтовка.

Geb. H.—горная гаубица.

Gr.—граната, бомба.

Gr. W. (Granatenwerfer)—миномет.

H. G. (Handgranate)—ручная граната.

J. G.—пехотная пушка (полковые, батальонные орудия).

K. (Kanone)—пушка.

K. Flak—ЗА на автомобильной устаноске.

K. Mun. (Munition mit Kern)—бронепробивные пули.

Krfw (Kraftwagen)—автомобиль.

LKW (Lastkraftwagen)—грузовик.

l. F. H.—легкая полевая гаубица.

L. G. (Leuchtgeschoss)—светящийся снаряд.

l. M. W.—легкий миномет.

l. M. G.—ручной пулемет.

L. S. G.—трассирующий снаряд (пуля).

M. (Mörser)—мортира.

M. G. (Maschinen gewehr)—пулемет.

M. P. (Maschinen pistole)—пистолет-пулемет (автомат).

Pak (Panzerabwehrkanone) —противотанковое орудие.

P. B. (Panzerbüchse) противотанковое ружье.

P. S. Gr. (Panzer-Stahlgranate)—бронепробивная стальная граната.

S. M. G.—станковый пулемет.

s. M. W. или s. Gr. W.—тяжелый миномет.

S. W. (Scheinwerfer)—прожектор.

S. m. K. (Schuss mit Kern)—бронепробивные пули со стальной сердцевинкой.

SprGr (Sprenggranate)—фугасная бомба.

s. S. (schwere Spitzgeschoss)—тяжелая остроконечная пуля.

s. F. H.—тяжелая полевая гаубица.

S. G. (Sturmgeschütze) —самоходная пушка (штурмовое орудие).

S. F. K. (Schnellfeuerkanone)—скорострельная пушка.

Для обозначения танков разных типов приняты следующие сокращения:

Pz. Krfw. (Panzerkraftwagen)—танк.

Pz. Krfw. I (Sd. Kfz. 101)—легкий танк (6 т., 2 пул., 2 чел.).

Pz. Krfw. II (Kfz. 121)—легкий танк (10 т., 1—20 мм. пушка, 1 пул.).

Pz. Krfw. (F) — (Sd. Kfz. 122)—тот же, огнемётный танк.

Pz. Krfw. III (Sd. Kfr. 141)—средний танк и т. д.

В тексте немецких военных документов часто встречаются сокращения, применяемые также и в гражданской деловой переписке, обозначающие наиболее часто применяемые термины, обороты, вводные слова и т. д.

Таковы, например:

anl (anlage) |
anh (anhang) | приложение

ausschl. (ausschliesslich)—исключительно.

bisw. (bisweilen)—иногда.

- bes. (besonders) —особенно, в частности.
 bzl (bezüglich)—в отношении.
 bzw (beziehungsweise)—соответственно.
 Blg (Beilage)—приложение.
 ca (circa)—около, приблизительно.
 chif. (chiffriert)—шифром.
 dgl (dergleichen)—одинаково, одинаковый.
 d. h. (das heist) | то-есть
 d. i. (das ist) |
 d° (dito)—тоже, также.
 d. B. (durch Boten)—с посыльным.
 d. O. (durch Ordonnanz)—с ординарцем.
 D. (dringend)—спешно.
 exkl (exklusiv)—исключительно.
 einschl (einschlieslich)—включительно.
 e. F. (erforderlichen Falls)—в случае надобности.
 etv. (etwaig)—возможно.
 event. (eventuell)—смотря по обстоятельствам.
 fdl (feindlich)—неприятельский.
 gem (gemäss)—сообразно.
 i. a. (im allgemeinen)—в общем, обычно.
 i. d. R. (in der Regel)—как правило.
 lt (laut)—согласно.
 m. W. (meines Wissens)—с моего ведома.
 mdl (mündlich)—словесно.
 fernmdl—по телефону
 obg (obgleich)—хотя.
 s (siehe)—смотри.
 u. s. w. (und so weiter)—и так далее.
 u. R. (unter Rückerbittung)—с возвращением.
 u. A. w. g. (um Antwort wird gebeten)—просьба от-
 ветить.
 w. o. (wie oben)—как выше сказано.
 z. B. (zum Beispiel)—например,
 V. g. u. (vorgelesen, genehmigt, untergeschrieben)—
 прочитано, одобрено, подписано.
 В подписях на документах также как правило при-
 меняются сокращенные обозначения,

Чины Сокращенно обозначают предшествующее подписи военное звание-чин. Чины в германской армии обозначаются следующим образом:

G. F. M. (Generalfeldmarschall)—фельдмаршал.

Gen. Ob. (General oberst)—генерал полковник.

Genlt (Generalleutnant)—генерал-лейтенант.

Genmaj (Generalmajor)—генерал-майор.

Ob (Oberst)—полковник.

Oberstlt (Oberstleutnant, —подполковник.

Maj (Major)—майор.

Hptm (Hauptmann)—капитан (в коннице Rtm—рот-мистр.

Oblt (Oberleutnant)—ст. лейтенант,

Lt (Leutnant)—лейтенант.

Obfeldw (Oberfeldwebel)—ст. фельдфебель.

Feldw (Feldfebel)—фельдфебель.

Untrffz (Unteroffizier)—унтер офицер.

Obgefr (Obergefreiter)—ст. ефрейтор.

gefr. (gefreiter)—ефрейтор.

Obsch (Oberchütze)—ст. стрелок.

Sch (Schütze)—стрелок.

Сокращенно обозначаются также и некоторые должности:

Kom. gen. (Kommandierende general)—командир корпуса.

J Fñ (Jnfanteriefñrer)—начальник пехоты дивизии.

A Fñ (Artilleriefñhrer)—начальник артиллерии дивизии.

Подпись В крупных соединениях начальник лично подписывает только особо важные приказы, сообщения и донесения. Перед подписью ставится должность, а после подписи—звание.

Например:

Der kommandierende general

Sander

generalleutnant

Командир корпуса

Зандер

генерал-лейтенант

или сокращенно:

Der komd. gen.
Sander
genlt.

Остальные документы подписываются начальником штаба „по приказанию командира корпуса, дивизии и т. д.“

Von Seiten der Division
der Chef des Stabes
Müller
Oberst

По приказанию к-ра
дивизии
Начальник штаба
Полковник Мюллер

или сокращенно:

Vs d. D.
D. Ch. d. St.
Müller
Ob.

Офицер штаба, получивший полномочия подписывать документы „за начальника штаба“, ставит перед своей подписью:

i. A. (im Auftrag)—по поручению
или i. V. (Vertrauen)—вместо, за

Например:

Von Seiten der Division
i. A. der Chef des Stabes
Bauer
Major

По приказанию к-ра
дивизии
за начальника штаба
Майор Бауэр

или сокращенно:

Vs. d. D.
i. A. Ch. d. Rt.
Bauer
Maj.

В том случае, когда подпись начальника почему либо не может быть сделана собственноручно, документы подписываются одним из офицеров штаба, которому начальник это поручил, с припиской а. В (auf Befehl)—по приказанию.

Копии документов, подписанных начальником, заверяются одним из офицеров штаба. При этом перед фамилией начальника ставится:

gz (gezeichnet)—подписано,

а перед подписью офицера, заверяющего правильность копии, пишется F. d. R. (für die Richtigkeit) — за правильность, что соответствует русскому „верно“.

Например:

Der Divisions-kommandeur

gez.—v. Büнау

F. d. R.

Müller

Oblt

Командир дивизии

п. п. фон-Бюнау

верно:

Ст. лейтенант Мюллер

Приказы и циркуляры имеют в левом нижнем углу перечень адресатов коим они рассылаются, иногда с указанием средств связи, при помощи которых осуществляется рассылка.

В крупных соединениях составляются планы рассылки—Verteilungsplan.

Планы рассылки бывают трех родов:

А—до полков включительно,

Б—до батальонов включительно,

С—до рот включительно.

В тексте самых различных документов, в приложениях к ним, в схемах и т. п. немцы часто пользуются тактическими знаками.

Документы, удостоверяющие личность.

личности.

Из документов удостоверяющих личность переводчику наиболее часто приходится иметь дело с солдатскими (расчетными) книжками (Soldbuch), служащими одновременно и удостоверением

На 1-й странице книжки указывается в 1-й строке чин и занимаемая должность, в рамке отмечаются производства в следующий чин, а под рамкой—имя и фамилия.

На 2-й странице; на 1—2 строчках (сверху) отмечается год, месяц, число и место рождения, на 3-й строке — религия и основная гражданская профессия.

Следующие 7 строк заняты описанием личных примет и образцом подписи владельца книжки.

Далее (4-я строка снизу) следует дата призыва в армию и название и номер части, в которую владелец книжки был направлен сразу же после призыва.

Вся 3-я страница отведена отметкам и исправлениям данных, имеющихся на 1 и 2-й страницах.

Данные, находящиеся на 4-й странице, представляют наибольший интерес.

В разделе А (1-я и 2 строка сверху) отмечается последняя запасная часть, в которой служил владелец книжки. Здесь, как правило, пишется только город, где эта часть дислоцировалась.

В разделе В (3—6 строки сверху) записана та запасная часть, из которой владелец книжки направлен в действующую армию. При повторном направлении в действующую армию (после ранения, болезни и т. д.) первая запись зачеркивается (так однако, чтобы ее можно было прочесть) и записывается новая запасная часть, из которой военный служащий повторно направляется на фронт.

Изучение этих записей позволит установить первоначальные источники комплектования фронтовых частей.

Раздел С (7—10 строки сверху) содержит запись наименования и номера фронтовой части, в которую зачислен владелец книжки. Эта запись позволяет судить о том, какая часть действует на том участке фронта, где найдена или захвачена расчетная книжка. В первой графе — полевая часть (Feldtruppenteil) — сокращенно пишется наименование и номер батальона (дивизиона), полка и дивизии, во второй графе — номер роты и в третьей графе номер по списку личного состава.

В разделе Д — записывается резервная (запасная) часть, приписанная к полевой части обозначенной в разделе С. Эта часть может меняться в том случае, если источник пополнений данной полевой части изменен. Во 2-й графе разд. Д — указывается место

дислокации запасной части. В эту часть солдаты и офицеры зачисляются по выходе из госпиталя (в случае ранения или болезни).

Этот раздел позволяет установить источник пополнения фронтовой части и его местонахождение.

Записи 4-й страницы могут быть продолжены на стр. 17.

На 5-й странице указаны все ближайшие родственники владельца книжки и их адреса.

Стр. 6, 7 и 8 представляют собой арматурную карточку с записью выданных предметов обмундирования и снаряжения.

Из остальных данных, содержащихся в расчетной книжке, могут представлять некоторый интерес записи о пребывании владельца книжки в госпиталях (стр. 12—13) и отметки о предоставленных отпусках (стр. 23—24).

B. Zum Feldheer abgesand von _____

	Ersatztruppenteil	Kompanie	Nr. der Truppenstammrolle
a	Inf. Nachr. Ers. Abt 8	2	75
b			
c			
B.	Feldtruppenteil	Kompanie	Nr. der Kriegsstammrolle
a	I./Gren. Rgt. 666	1	260/42
b			
c			
D.	Jetzt zuständiger Ersatztruppenteil	Standort	
	Inf, Nachr. Ers. Kp. 130	Linz/Donaу	

Из приведенного выше образца четвертой страницы солдатской книжки можно установить, что владелец книжки направлен на фронт из 8 запасного пехотного батальона связи и служил на фронте в 1 роте 1 б-на 666 гренадерского полка, который получает пополнение из 130 запасной пехотной роты связи, дислоцирующейся в г. Линц.

Кроме солдатских книжек (Soldbuch) в германской армии встречаются: военный паспорт (Wehrmachtpass) и рабочая книжка члена „организации ТОДТА“ (О. Т). *)

Содержание этих документов примерно совпадает с содержанием солдатской (расчетной) книжки.

Удостоверения личности офицерского состава никаких данных кроме имени, фамилии, примет и указания места выдачи, как правило, не содержат.

Погоны. Из захваченных предметов могут представлять интерес, в первую очередь погоны и опознавательные жетоны.

Разнымчинам в германской армии соответствуют следующие погоны. (см. стр. 24).

1 — Солдат. Тот-же погон с нарукавным знаком № 1—старший стрелок; с нарукавным знаком № 2—ефрейтор; с нарукавным знаком № 3—оберефрейтор.

2—унтер-офицер. (погон серого сукна, кайма из серебряного галуна)

3—унтер фельдфебель.

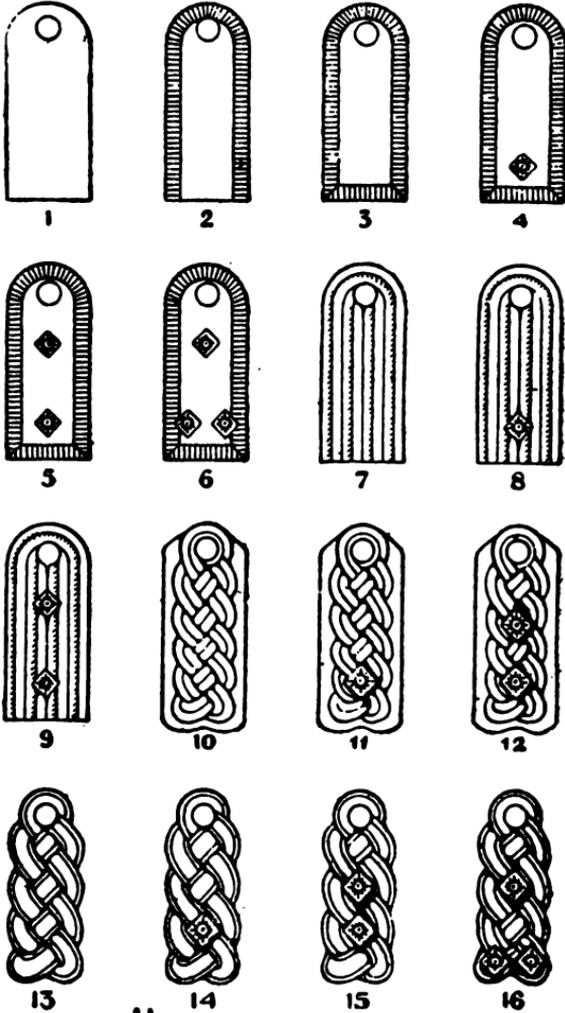
4—фельдфебель.

5—оберфельдфебель.

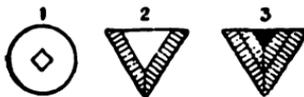
6—штабсфельдфебель.

*) „Организация ТОДТА“ (ныне умершего германского министра боеприпасов) — полувоенная организация, занимавшаяся до войны дорожным и военным строительством, насчитывающая свыше полу-миллиона рабочих, носящих специальную коричневую форму и выполняющих на фронте дорожно-строительные и дорожно-ремонтные работы, освобождая тем самым саперные части для непосредственно боевых действий. Кроме того, на фронте „организация ТОДТ“ занимается строительством оборонительных рубежей и, частично, транспортировкой грузов.

Погоны

Нарукавные знаки

- 7—лейтенант (погон из серебряного галуна)
- 8—оберлейтенант.
- 9—капитан.
- 10—майор (погон серебряного плетения, с подбивкой).
- 11—подполковник.
- 12—полковник.
- 13—генерал-майор (погон золотого плетения, без подбивки).
- 14—генерал-лейтенант.
- 15—генерал по роду войск (инфантерии, танковых войск и т. д.).
- 16—генерал-полковник.

Цифра на пуговице погона солдат и младших командиров обозначает номер роты. Накладная цифра на погоне имеется на погонах военнослужащих тыловых частей от солдата до подполковника (включительно) и обозначает номер полка (отдельного батальона, дивизиона).

Различным родам войск соответствует различный цвет окантовки погон.

- белый—пехота,
- желтый—кавалерия и самокатные части,
- зеленый—горные (егерские) части,
- красный (алый)—артиллерия,
- розовый—танковые и противотанковые части,
- черный—саперные части,
- желтый—(лимонный)—части связи,
- голубой—автотранспортные части,
- красный (бордо)—химические части,
- синий—санитарная служба.
- ярко-зеленый—мотополки танковых дивизий.

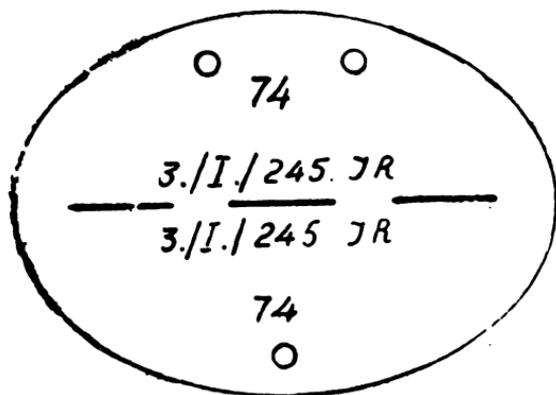
Опознавательный жетон. Данные о номере части дает изучение опознавательного жетона, имеющегося у всех военнослужащих германской армии.

Опознавательный жетон представляет собой овальный кусок белого металла (ранее—алюминия, а в последнее время—железа), с прорезями посередине, делящими жетон на две половины, и с двумя отверстиями сверху, в которые продевается шнурок, для ношения жетона на шее.

На обеих половинках жетона нанесены цифры, обозначающие номер части и порядковый номер по списку личного состава.

По инструкции жетоны убитых должны быть разломаны на две половины (для чего и сделаны прорези). Одна половина хоронится вместе с убитым, другая передается в строевой отдел части, на основании чего последняя устанавливает личность убитого.

Внешний вид опознавательного жетона виден из следующего рисунка:

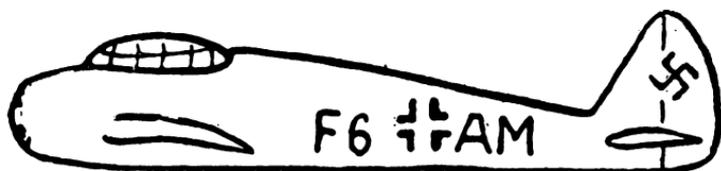
Опознавательный жетон, изображенный на рисунке, означает, что владелец его принадлежит к 3 роте,

1 батальона, 245 пехотного полка и значится в списке личного состава под номером 74.*)

Опознавательные знаки самолетов.

По трофейным германским самолетам можно узнать к каким частям ВВС Германии они принадлежат.

На фюзеляже германских самолетов имеются опознавательные знаки, состоящие из системы букв и цифр, расположенных по обе стороны креста, согласно следующего рисунка:

Буквы и цифры слева от креста, у бомбардировщиков означают номер эскадры согласно следующей расшифровки:

Знак	№ соединения	Знак	№ соединения
V	1 бомбэскадра	F8	40 бомбэскадра
V1	2 бомбэскадра	9K	51 бомбэскадра
5K	3 бомбэскадра	A1	53 бомбэскадра
5J	4 бомбэскадра	B3	54 бомбэскадра
	„В-вер“		
1H	26 бомбэскадра	G1	55 бомбэскадра
1C	27 бомбэскадра	F1	76 бомбэскадра

*) Необходимо заметить, что опознавательный жетон являлся доказательством наличия данной части на фронте только в период, когда еще в немецко-фашистской армии действовали кадровые части.

В настоящее время большинство солдат имеют при себе опознавательные жетоны запасных частей, в которых они обучались после призыва в армию

Таким образом, опознавательный жетон теперь, как правило, помогает установить номер действующей, полевой части только косвенным путем, т. е. по номеру запасной части.

1T	28 бомбэскадра	3Z	77 бомбэскадра
4D	30 бомбэскадра	F6	122 разведывательно-бомбардировочная группа

Первый знак (буква) справа от креста обозначает тип последовательной модернизации самолета: А—1-й; В—2-й; С—3-й и т. д.

Вторая буква справа показывает номер отряда и группы по следующей схеме:

Буква	Н	К	L	М	N	P	R	S	T
№ отряда	1	2	3	4	5	6	7	8	9
№ группы	I			II			III		

На истребителях типа Me-109 вся указанная система обозначений, как правило, отсутствует. На фюзеляже имеется только цифра (от 1 до 12), обозначающая порядковый номер самолета в отряде. Цвет цифры указывает на номер отряда: белый — 1-й отряд, черный — 2-й отряд, и желтый — 3-й отряд. Кроме того самолеты каждой группы имеют свой общий опознавательный знак (например, рисунок змея и т. п.)

Подразделения разведывательной авиации, не входящие, как правило, в эскадры, обозначаются двумя цифрами и заключенной между ними в скобках буквой Н или F.

Первая цифра означает номер отряда, буква Н слово Heeresaufklärung — армейская (ближняя) разведка, буква F — слово Fernaufklärung — дальняя разведка, вторая цифра — номер группы.

Например:

3(N) 11 — 3 отряд, 11 группы ближней разведки.

2(F) 31 — 2 отряд, 31 группы дальних разведчиков.

Подготовка к допросу пленных Перед допросом каждого пленного военный переводчик должен подготовиться к допросу. Подготовка эта сводится к следующему.

В первую очередь необходимо тщательно изучить личные документы пленного и установить: его имя и фамилию, гражданскую профессию, социальное происхождение, часть к которой он принадлежит, дату призыва в армию, прохождение службы, награды, ранения, болезни, отпуска, партийную принадлежность.

Все эти данные узнаются из солдатской книжки военнопленного, отпускных свидетельств, опознавательного жетона, погон, свидетельств о награждении орденами или самих орденов и значков обнаруженных при пленном. В германской армии за ранения выдаются нагрудные знаки: черный—за первое ранение, серебряный (из белого металла)—за второе и бронзовый—за третье ранение. Партийная принадлежность может быть установлена из обнаруженной в пленного переписки со своей организацией национал-социалистской партии (NSAPD — Nazional-socialistische Arbeits Partei Deutschlands), или из имеющегося при нем партийного билета.

Личные письма, полученные пленным с родины или, что еще важнее, письма, написанные самим пленным, но еще не отправленные, а также записные книжки, дневники также должны быть тщательно просмотрены обязательно перед опросом. На основании этих документов можно установить семейное положение пленного, уровень жизни его семьи, его настроения и морально-политический уровень, политические убеждения и т. п. Приступая к допросу пленного, военный переводчик должен знать обстановку на фронте и группировку сил противника.

На основании материалов допроса других пленных и путем изучения разведданных необходимо перед опросом установить расположение частей противника на том участке, где взят пленный. В частности очень важно установить соседей справа и слева той части,

к которой принадлежит военнопленный, фамилии и чины его начальников и т. п.

Знание перечисленного дает возможность переводчику, при допросе пленного, показать последнему свою осведомленность в вопросах, задаваемых пленному, внушает пленному уважение к опрашивающему, вынуждает его давать правдивые показания.

Весьма целесообразно перед допросом тщательно ознакомиться с картой того участка, где захвачен пленный и постараться запомнить немецкие названия населенных пунктов.

При допросе, а также при оформлении протокола необходимо придерживаться последовательности вопросов, предписанных «Вопросником для опроса пленных всех родов войск», изданным ГРУ Генштаба КА в 1942 году.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Виды трофейных документов	3
Структура военного документа	5
Штамп	—
Обозначение частей и родов войск	6
Нумерация частей	8
Обозначение отделов и служб штабов,	9
Номер и степень секретности документа	10
Время и место составления документа	11
Приказы	14
Сокращенные обозначения	15
Чины	18
Подпись	—
Документы, удостоверяющие личность	20
Погоны.	23
Опознавательный жетон.	26
Опознавательные знаки самолетов	27
Подготовка к допросу пленных	29

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства.....	5
Предисловие	7
ГИМНАЗИЯ.....	9
РЕВОЛЮЦИЯ	21
1937 ГОД.....	37
<i>Лидия Иотковская. Пушкин помог.....</i>	<i>38</i>
ВОЙНА	40
Письма с войны жене	45
ТЮРЬМА	51
Два рассказа	51
Недоразумение.....	51
Сочувствие	61
<i>Лидия Иотковская</i>	
Письмо из лагеря	65
В ссылке. Люди без будущего.	72
ПОСЛЕ ГУЛАГа	74
Письмо А. А. Иотковского К. М. Симонову	74
Ответ К. М. Симонова	76
<i>Б. К. Плоткин. «Он знал: взойдет она!».....</i>	<i>77</i>
Из писем родителей к дочери. 1968–1977.....	81
Болезнь. 1976 год.....	84
Мысли, наброски, цитаты, афоризмы.....	87
<i>Лидия Иотковская. О бесконечных самоотверженных</i> <i>заботах отца по отношению к маме.....</i>	<i>92</i>
Приложение	
Справочник по национальным частям и легионам, действующим перед фронтом ЧГВ ЗКФ, в составе 17 немецкой армии.....	93
В помощь командиру-разведчику и военному переводчику	119

Иотковский Александр Артурович
НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Подписано в печать 14.02.13. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,25
Тираж 1000 экз. Заказ № 354.

Издательство «Возвращение»
123060 Москва, ул. Маршала Бирюзова, 34, кв. 58
Тел./факс: 8 (499) 196-02-26. vozvrashchenie@bk.ru

Отпечатано в ОАО «ИПК «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

*Книга воспоминаний Александра Иотковского
«Не позволяй душе лениться» –
уникальное свидетельство эпохи,
оставленное фронтовиком, узником ГУЛАГа,
ученым – умным и наблюдательным человеком.*

ISBN 978-5-7157-0276-0

9 785715 702760 >